

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА:

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ
НАСЛЕДИЕМ

ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE:

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF
MANAGING HERITAGE

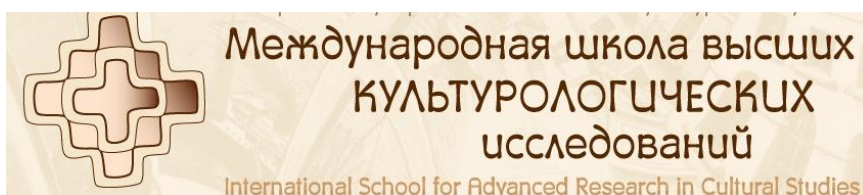

**Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ВЫСШИХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

СООО «САМАРСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

**САМАРСКОЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
«АРТЕФАКТ – КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ»**

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА
ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА:

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДИЕМ

Самара 2017

ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE:

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF MANAGING HERITAGE

Samara 2017

УДК 902+903.1
ББК 63.4

А8 «Археология как социокультурная практика: опыт и перспективы управления наследием». Материалы Междунар. науч. конф. (Самара, 2016 г.) = “Archaeology as Social and Cultural Practice: Experience and Prospects of Managing Heritage”/ Samara, 2017. [Текст] / 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.И. Ионесова. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2017. – 256 с.

Цель издания показать современную общественную значимость археологической науки, широкий спектр профессиональных интересов и креативных практик археологических сообществ в контексте глобальных вызовов и насущной региональной специфики. Это научно-справочное издание, посвящённое актуальным археологическим практикам, проектам, программам, исследовательским стратегиям в различных сферах взаимодействия археологов с обществом и государством. Сегодня археология предстаёт как разветвлённая сеть общественно-значимых разнообразных опытов и практик, выражающих свои национальные традиции и профессиональные приоритеты. В современном мире археологические объединения всё больше сориентированы в решении своих профессиональных задач на тесное взаимодействие с обществом. В многогранной работе по исследованию и репрезентации культурного наследия археологи становятся активными участниками социальных преобразований. В каждом регионе мира есть свои полезные стратегии конструктивного взаимодействия археологов с общественными и государственными институтами, неправительственными организациями, волонтерскими группами, церковью. Раскрыть общественно-значимый потенциал современной археологической науки во всём многообразии её национальных и региональных практик и в позитивных опытах служения обществу – одна из главных задач настоящего издания.

При подготовке оригинал-макета сборника были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

ISBN 978-5-88293-374-5

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Т.В. Борисова*
доктор исторических наук, профессор *Э.Л. Дубман*

Все материалы, представленные в настоящем сборнике, даны в авторской редакции.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
СООО «САМАРСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»
САМАРСКОЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
«АРТЕФАКТ – КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ»**

При участии:

**МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ СРОЧНЫХ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВСЕМИРНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА
САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF RUSSIAN FEDERATION
SAMARA STATE INSTITUTE OF CULTURE
SAMARA ARCHAEOLOGICAL SOCIETY
SAMARA SOCIETY FOR CULTURAL STUDIES**

Under participation:

**INTERNATIONAL COMMISSION ON URGENT ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH WORLD ARCHAEOLOGICAL CONGRESS
SAMARKAND STATE UNIVERSITY**

**В ознаменование
Международного десятилетия ООН по сближению культур
(2013-2022)**

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДИЕМ

ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE: EXPERIENCE AND PROSPECTS OF MANAGING HERITAGE

Редактор: Editor-in-Chief

Владимир Иванович Ионесов / Vladimir I. Ionesov

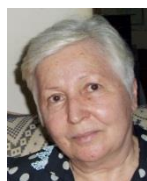
доктор культурологии, заведующий кафедрой теории и истории культуры Самарского государственного института культуры, *Самара, Россия* / Professor, Samara State Institute of Culture, *Samara, Russia* /

Научные координаторы: Managing Editors

Наталья Петровна Салугина / Natalia P. Salugina

заместитель главного редактора, доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры, *Самара, Россия* / Associate Professor, Samara State Institute of Culture, *Samara, Russia* /

Нона Армаисовна Аванесова / Nona A. Avanesova

профессор исторического факультета Самаркандского государственного университета, *Самарканд, Узбекистан* / Professor, Samarkand State University, *Samarkand, Uzbekistan* /

Иоаннис Лирицис / Ioannis Liritzis,

профессор факультета средиземноморских исследований Эгейского университета, *Родос, Греция* / Professor, Department of Mediterranean Studies, University of the Aegean, Member of European Academy of Sciences and Arts, *Rhodes, Greece* /

Гарри Тромпф / Garry W. Trompf

Профессор факультета гуманитарных и социальных наук Университета Сиднея, *Сидней, Австралия* / Professor, Department of Religious Studies, Faculty of Art and Humanities, University of Sydney, *Sydney, Australia* /

Рама Кришна Писипати / S. Rama Krishna Pisipaty

Профессор Енатурского университета, *Канчипурам, Индия* / Professor, SCSVMV University, Enathur, *Kanchipuram, India* /

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В АРХЕОЛОГИИ

Ионесов В.И. (*Самара, Россия*) 16
АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
ПРАКТИКА

**Зданович Г.Б., Левит А.И.,
Малютина Т.С.** (*Челябинск, Россия*) 26
АРКАИМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Агапов С.А., Борисов М.В. (*Самара, Россия*) 31
ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
И РЕКОНСТРУКЦИИ «ДРЕВНИЙ МИР» В САМАРЕ

Чичёва С.Е. (*Самара, Россия*) 36
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК В МЕГАПОЛИСЕ:
ДИАЛОГ ГОРОДА СО СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ

Широков В.Н. (*Екатеринбург, Россия*) 47
ИСКУССТВО ЛЕДНИКОВОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ
РЕКИ СИМ (ЮЖНЫЙ УРАЛ) КАК КУЛЬТУРНЫЙ
РЕСУРС РАЗВИТИЯ

Кашникова А.Л. (*Саратов, Россия*) 51
ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД УКЕК

МУЗЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ионесов В.И. (*Самара, Россия*) 60
МУЗЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРАКТИКАХ
СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРИМИРЕНИЯ

Федорова Н.В. (*Салехард, Россия*) 68
МУЗЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ КАК СПОСОБ
АКТУАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ

Аванесова Н.А. (*Самарканд, Узбекистан*) 74
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МУЗЕЯ
САМАРКАНДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ахмедов Ж.З. (*Ташкент, Узбекистан*) 81
ВОПРОСЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ)

Исмаилова Ж.Х. (*Ташкент, Узбекистан*) 87
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МУЗЕЕ

Мухамедова М.С. (*Ташкент, Узбекистан*) 94
ИЗУЧЕНИЕ МИНГУРЮКА, КАК ПЕРВОГО
МУЗЕЕФИЦИРОВАННОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОБЪЕКТА В ТАШКЕНТЕ

Ионесов В.И. (*Самара, Россия*) 99
О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО
НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ШКОЛА

Васильева Н.Ю. (*Нижний Тагил, Россия*) 113
АРХЕОЛОГИЯ, ШКОЛА И ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

Салугина Н.П. (*Самара, Россия*) 116
ШКОЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САМАРЕ:
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Широкова Н.А. (*Екатеринбург, Россия*) 126
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ:
ШКОЛА И МУЗЕЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Гусев А.В. (*Салехард, Россия*) 130
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ НА СЕВЕРЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИССЛЕДОВАНИЯ,
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ,
ВОЗМОЖНОСТЬ РЕПАТРИАЦИИ

Гусев А.В., Плеханов А.В. (*Салехард, Россия*) 135
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ОЛЕНЕВОДСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. (*Салехард, Россия*) 141
ДРЕВНЕЕ РЫБОЛОВСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Едовин А.Г. (*Архангельск, Россия*) 150
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ XVI-XVIII ВВ.
В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Джуракулова Д.М. (*Самарканд, Узбекистан*) 159
САМАРКАНДСКАЯ СТОЯНКА КАК ОБЪЕКТ
ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лещенко Н.В. (*Владивосток, Россия*) 164
ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО
ГОРОДИЩА – УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА
БОХАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИМОРЬЕ

Ражабов А.Ю. (*Самарканд, Узбекистан*) 172
ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ПЕЩЕРЫ ШЕЙХ-АВВАЛ

Сайфуллаев Б.К. (*Самарканд, Узбекистан*) 175
НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Шорин А.Ф., Шорина А.А. (*Екатеринбург, Россия*) 178
НЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВАТИЛИЩЕ
«КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ» В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Эргашев О.Т. (*Самарканд, Узбекистан*) 183
КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЕ
МАСТЕРСКИЕ КУКАЯЗ 1-8

Ионесов В.И. (*Самара, Россия*) 186
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ:
ПРОТОБАКТРИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Приложение 195

Сведения об авторах 247

CONTENTS

SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES IN ARCHAEOLOGY

Ionesov V.I. (*Samara, Russia*) 16
ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND
CULTURAL PRACTICE

**Zdanovich G.B., Levit A.I.,
Malyutina T.S.** (*Chelyabinsk, Russia*) 26
ARKAIM AS A GLOBAL PROJECT
OF SOCIAL ARCHAEOLOGY

Agapov S.A., Borisov M.V. (*Samara, Russia*) 31
HISTORICAL MODELING AND REENACTMENT
«ANCIENT WORLD» IN SAMARA

Chicheva S.E. (*Samara, Russia*) 36
ARCHAEOLOGICAL PARK IN THE
METROPOLIS: THE DIALOGUE OF THE
CITY WITH ITS HISTORY

Shirokov V.N. (*Yekaterinburg, Russia*) 47
ART OF ICE AGE AT THE RIVER OF BASIN
SIM (SOUTH URALS) AS A CULTURAL
RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT

Kashnikova A.L. (*Saratov, Russia*) 51
GOLDEN HORDE TOWN UKEK

MUSEUM PRACTICES IN PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

Ionesov V.I. (*Samara, Russia*) 60

**THE MUSEUM STRATEGIES IN PRACTICES
OF SOCIAL AND CULTURAL RECONCILIATION**

Fedorova N.V. (*Salekhard, Russia*) 68

**MUSEUM EXHIBITIONS AS A MEANS OF
ACTUALIZATION OF THE AINCIENT AND
MODERN CULTURE OF THE NORTH**

Avanesova N.A. (*Samarkand, Uzbekistan*) 74

**THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE
MUSEUM OF SAMARKAND UNIVERSITY:
SOCIAL ASPECTS**

Akhmedov J. Z. (*Tashkent, Uzbekistan*) 81

**THE ISSUES OF MUSEUMIFICATION
OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS
(ON THE EXAMPLE OF THE FERGANA VALLEY)**

Ismailova G.X. (*Tashkent, Uzbekistan*) 87

**ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS
IN MUSEUM**

Muhamedova M.S. (*Tashkent, Uzbekistan*) 94

**A STUDY OF MINGURIUK AS
FIRST MUSEUMIFICATED ARCHAEOLOGICAL
OBJECT IN TASHKENT**

Ionesov V.I. (*Samara, Russia*) 99

**ABOUT THE SOCIAL MEANING OF
MATERIAL HERITAGE IN CULTURE**

ARCHAEOLOGY AND SCHOOL

Vasilyeva N. Y. (*Nizhny Tagil, Russia*) 113

ARCHAEOLOGY, SCHOOL
AND SCHOOL MUSEUM

Salugina N.P. (*Samara, Russia*) 116

SCHOOL ARCHAEOLOGY IN SAMARA:
STAGES OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

Shirokova N.A. (*Yekaterinburg, Russia*) 126

ARCHAEOLOGICAL PRACTICE:
SCHOOL AND MUSEUM

ARCHAEOLOGICAL PRACTICES IN STUDY OF INDIGENOUS COMMUNITIES

Gusev A.V. (*Salekhard, Russia*) 130

MIDDLE AGE INTERMITS IN THE
NORTH OF WEST SIBERIA: RESEARCH,
RELATIONS WITH THE LOCAL
POPULATION, REPATRIATION POSSIBILITIES

Gusev A.V., Plekhanov A.V. (*Salekhard, Russia*) 135

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE
NORTH OF WESTERN SIBERIA ON THE
ARCHAEOLOGICAL SITES MATERIALS:
ARCHAEOLOGICAL PRACTICES IN THE
INDIGENOUS PEOPLES STUDY

Tupahina O.S., Tupahin D.S. (*Salekhard, Russia*) 141

ANCIENT FISHING OF WEST SIBERIA

RECENT RESEARCH IN ARCHAEOLOGY

Edovin A.G. (*Arkhangelsk, Russia*) 150
ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE
ARKHANGELSK CULTURAL LAYER,
XVI-XVIII CENTURIES

Djurakulova D.M. (*Samarkand, Uzbekistan*) 159
THE SAMARKAND LOCALITY AS OBJECT OF
WORLD HERITAGE

Leshchenko N.V. (*Vladivostok, Russia*) 164
FEATURES OF EVERYDAY LIFE OF THE
INHABITANTS OF KRASKINO WALLED TOWN

Rajabov A. Yu. (*Samarkand, Uzbekistan*) 172
THE ANCIENT STONE THE CENTURY OF CAVE
SHEIKH-AVVAL

Sayfullaev B.K. (*Samarkand, Uzbekistan*) 175
NEW UPPER PALEOLITHIC SITES IN
FERGANA VALLEY

Shorin A.F., Shorina A.A. (*Yekaterinburg, Russia*) 178
NEOLITHIC SANCTUARY «KOKSHAROVSKY
KHOLM» IN THE MIDDLE URALS

Ergashev O. T. (*Samarkand, Uzbekistan*) 183
FLINT TREATMENT WORKSHOP KUKAYAZ 1-8

Ionesov V.I. (*Samara, Russia*) 186
ARCHAEOLOGICAL RESOURCES OF CULTURAL
KNOWLEDGE: PROTO-BACTRIAN CONTEXT

Supplement 195

List of contributors 251

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В АРХЕОЛОГИИ

SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES IN ARCHAEOLOGY

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА

© 2017 В.И. Ионесов

Самарский государственный институт культуры
(Самара, Россия)

Аннотация. Археологические памятники являются разнообразным и социально значимым ресурсом социокультурного проектирования. Уникальное временное сцепление исторического наследия и современной практики археологических изысканий делает артефакты минувших веков наиболее репрезентативными материалами в коммуникативной стратегии культуры.

Ключевые слова: наследие, вещь, память, культурная практика, коммуникация, археологический объект.

ARCHAEOLOGY AS SOCIAL AND CULTURAL PRACTICE

© 2017 V.I. Ionesov

Samara State Institute of Culture
(Samara, Russia)

Abstract. Archaeological sites are diverse and socially important resource for historical relationships and involvement in the contemporary cultural landscape. The unique temporal connection of their historical heritage and the modern practice of archaeological research does artifacts of past as the most representative materials in the communicative strategy of culture.

Keywords: heritage, things, memory, cultural practice, communication, archaeological object.

Всемирный археологический конгресс совместно с Международным академическим издательством Left Coast Press готовит к печати обширную научно-информационную энциклопедию «Глобальные социальные археологии». Это первое в международном масштабе научно-справочное издание, посвящённое актуальным археологическим практикам, проектам, программам, исследовательским стратегиям в различных сферах

взаимодействия археологов с обществом и государством. Однако, несмотря на масштаб данного издания, оно не смогло вместить многие из представленных к публикации материалы, в том числе значительные тексты по археологическим изысканиям в России и странах СНГ.

В связи с этим появилась необходимость подготовить российское печатное дополнение к международному научно-информационному проекту «Глобальные социальные археологии», названное нами «Археология как социокультурная практика».

Цель проекта показать современную общественную значимость археологической науки, широкий спектр профессиональных интересов и креативных практик археологических сообществ России и стран СНГ, преимущественно, Узбекистана в контексте глобальных вызовов и насущной региональной специфики. Речь идёт именно об *археологиях*, точнее - *социальных археологиях*, поскольку сегодня археологическая наука предстаёт как разветвлённая сеть общественно значимых разнообразных опытов и практик, выражающих свои национальные традиции и профессиональные приоритеты. В современном мире археологические объединения всё больше сориентированы в решении своих профессиональных задач на тесное взаимодействие с обществом. В многогранной работе по исследованию и репрезентации культурного наследия археологи становятся активными участниками социальных преобразований. В каждом регионе мира есть свои полезные стратегии конструктивного взаимодействия археологов с общественными и государственными институтами, неправительственными организациями, волонтерскими группами, церковью. Раскрыть общественно-значимый потенциал современной археологической науки во всём многообразии её национальных и региональных практик и в позитивных опытах служения обществу одна из главных задач данного издания.

Всё, что мы видим, дано нам в образах и сюжетах культуры. Именно эти образы и сюжеты позволяют людям узнавать друг друга, различаться и объединяться. Своей связью с культурой человек (народ) спасается от утраты лица, от потери своей

идентичности. Но и культура обретает своё величие в свершениях людей, в их творениях, гражданских инициативах и креативных практиках. Бесконечно разнообразным и социально значимым ресурсом обеспечения связи времён и включенности в современность культурных ландшафтов исторического прошлого являются археологические памятники [1-2]. Уникальное временное сцепление исторического наследия и современной практики археологических изысканий делает артефакты минувших веков наиболее репрезентативными материалами в коммуникативной стратегии культуры.

Вместе с тем, креативный потенциал материального наследия в современных культурных практиках используется явно недостаточно. В управлении материальным историческим наследием часто превалируют шаблонные методы культурного проектирования, что не позволяет в должной мере раскрыть важные социально-эстетические и гуманистические возможности коммуникативного сцепления прошлого и настоящего [5]. Экспонаты музея нередко выступают некими статистами в диалоговом пространстве предметно-выставочных экранизаций. Им отводится лишь сакрально-презентационная функция в системе ретрансляции исторических ценностей. Между тем, артефакты наследия способны быть активными участниками передовых культурных практик, выступая в современном коммуникативно-символическом обмене в роли исторического персонажа и рассказчика. Мир вещей в предметной артикуляции материального наследия выражает самые разные антропологические проекции, эстетические ценности и культурные смыслы [3-4].

В формализованных объектах культуры, по существу, спрессован весь путь антропологического опредмечивания социального опыта от возникновения идеи вещи до её утраты, последующего открытия и нового применения уже в качестве артефакта наследия. Исторические (археологические) артефакты выражают несколько последовательных ракурсов меморативной информации: 1) *пред*-история вещи (необходимость); 2) возникновение вещи (*пред*-назначение); 3) самость вещи (назначение, функциональность, актуальное использование, т.е.

собственно «жизнь» вещи, её событийность); 4) позициональность вещи (её отношение к другим вещам (людям), социальную вовлеченность); 5) распад вещи; 6) утрата вещи («смерть» вещи); 7) исчезновение или консервация вещи; 8) открытие вещи или её архивация; 9) возрождение вещи, т.е. включение её в современный социокультурный контекст; 10) новая жизнь вещи в качестве меморативного объекта культурного наследия [1].

Возьмём, для примера, древний кувшин, в котором «спрессован» или гасится весь цикл предметных трансформаций вещи. Так, появлению кувшина предшествует некая необходимость в нём. Допустим, древний мастер вознамерился изготовить его для своей возлюбленной, ожидая предстоящую с ней встречу. Это – *предисторический* модус вещи, т.е. вещи ещё нет, но уже есть замысел, идея вещи и потребность в ней (1). Мастер лепит кувшин и художественно его оформляет, он вкладывает в него свои знания, настроение, эстетическое видение, мироощущение, воображение, этнокультурные традиции, индивидуальные способности и пр. Всё делается для того, чтобы вещь передала его мысли и чувства и принесла его возлюбленной не только эстетическое любование, но практическую пользу, т.е. вещь на этой стадии выражает процессом своего возникновения одновременно и своё *предназначение* (2). Изготовленная вещь направляется к своему новому хозяину, тому, кому она предназначена и в чьих руках обретает свою функциональную и событийную завершенность. Вещь распредмечивает себя и служит своему владельцу, она дарит ему то, что было в ней изначально заложено, т.е. осуществляет свою предметно-личностную *самость* (3). Но вещь не только служит своему хозяину, но и вступает в отношения с другими предметами, объединяясь и расходясь в своих различиях и самости с социально сопряженными с ней (вещью) культурными сущностями. Включаясь в семантическое поле функциональных связей, вещь обретает «хождение» в обществе, т.е. свою социальную *позициональность* (4). Постепенно вещь исстрачивает свою предметную атрибутивность, подаренный некогда кувшин теряет свой первозданный блеск, он ветшает,

становится менее привлекательным, особенно на фоне новых вещей. Им всё реже пользуются, он как бы выпадает из культурного тела социума, стираются его связи с другими предметами и социальными сущностями. В конечном счёте, вещь (кувшин) забывается, теряется или разбивается. Это есть полоса *десоциализации* или *распада вещи* (5). Забытая или потерянная вещь исключается из структурной и семантической привязки к культуре, а, следовательно, она *раз-веществляется*, *о-без-различивается* и исчезает. Будучи не востребованной и не *пронумерованной* в культуре, вещь становится обезличенной и безымянной, т.е. наступает её культурная смерть (6). Так, кувшин когда-то, где-то и кем-то теряется, его телесность покрывается пылью и возвращается в землю, из которой он когда-то, где-то и кем-то был сделан*.

Но вещь, если она, конечно, не была полностью разрушена, не исчезает бесследно. Она всегда, так или иначе, оставляет следы, отметины своего пребывания в культуре. Эти следы консервируют исчезнувшую «жизнь» вещи, и в её телесной атрибутивности (быть может, уже фрагментарно) всё ещё удерживается её предрасположенность к культуре. Выпавшая из культуры вещь образует новое семантическое поле отношений и выражает так называемую скрытую позициональность (7). Она не уходит в небытие. У процесса де-культурации и исчезновения есть свой смысл и своя логика, поскольку вещь (вещи) выпадает из культуры, по существу, так же упорядоченно, как и попадает в культуру. Но всё это скрыто густой пеленой распада и *обезразличенности*. Исключенные из культуры вещи или их остатки рассредоточиваются в организованном этим распадом порядке, в исторически зафиксированной композиции. В археологии эта композиционная рассредоточенность или

---

*Конечно, возможен и другой вариант, при котором вещь не теряется и не разрушается, но сохраняется и передаётся из поколения в поколение. Как правило, это случается с наиболее сакральными и социально-значимыми ценностями. Хотя в некоторых случаях именно самые сакральные вещи (святыни) в первую очередь уничтожаются (чаще всего при завоевании одной культуры другой или радикальной смене политических, религиозных или идеологических режимов).

скрытая позициональность артефактов называется культурным слоем.

Вскрытие культурного слоя и обнаружение артефактов, переводит вещь в разряд исследовательского объекта или исторического (археологического) источника (8). Артефакт попадает в качественно новую культурную реальность (как во времени, так и в пространстве) и, так или иначе, подвергается своему вторичному окультуриванию, опредмечиванию и восстановлению.

Под воздействием процедур классификации и систематизации вещь реконструируется и архивируется, и вновь обретает информационно-коммуникативную функцию и межпредметные связи, ретранслируя, в той или иной мере, первоначально заложенный в неё культурный смысл (содержание). Реконструированная или вторично социализированная вещь включается в современный социокультурный контекст. Она музеефицируется и обозначается (каталогизируется) и превращается в экспозиционный материал, обращённый из исторического прошлого к настоящему (9). Вещь как бы осовременивается, т.е. переводится из одного временного поля в другое – из прошлого в настоящее. Возникает новая артикулированная, проименованная и пронумерованная музейными (историческими) экспонатами структурная композиция, имитирующая культурный слой или исторический (эпохальный) срез времени. Эта новая культурная позициональность вещи сориентирована на её диалог с настоящим (современным). Образно говоря, «глазами древнего артефакта на современность смотрит история».

Пройдя стадию музеефикации, вещь, как объективированное историческое время, вступает в актуальные отношения с другими вещами или объективированными временными сущностями, формируя и расширяя культурное пространство современности. На стадии своего овеществления артефакт вновь становится активным культурным агентом и обретает актуальную функциональность, но уже в качестве меморативного (наследческого) комплекса или новой меморативной культуры (10). Вещь возрождается для своей новой жизни, и уже в ином

культурном пространстве становится активным участником социальных отношений, воздействуя на ментальность человека и развивая его мировоззренческие и эстетические возможности. Подвергаясь так называемому новому окультуриванию, или социализации, артефакт трансформируется из своей формально заданной экспозиционной предметности в меморативный объект и включается в структуру культурного наследия социума. Тем самым воплощенные в наследие вещи по существу образуют меморативную культуру со всеми присущими культурной реальности признаками, атрибутами и механизмами [1].

Таким образом, посредством архивации и музеефикации вещи осуществляется ретрансляция исторической информации или, точнее, производится социальная транспортировка культурных залежей из одной эпохи в другую, т.е. из ушедшей культурной реальности в культурную реальность современности. Тем самым культура пополняет свои запасы общечеловеческих ценностей, служащие своего рода компенсаторами той перманентной культурной дефициентности, которая неизбежно сопровождает трансформирующееся общество, коим является современный социум. Культурные трансформации раскачивают и растрачивают запасы культурной прочности. И поскольку строительным материалом нового почти всегда выступает переработка старого – в период активных трансформаций новое растёт обратно пропорциональному убыванию старого, т.е. чем больше в культуре возникает инноваций, тем объективно меньше остаётся в культуре традиций. Именно поэтому в период инновационной экспансии поддержание устойчивой транспортировки культурных залежей из прошлого в настоящее посредством музеефикации и меморализации артефактов наследия становится императивом выживания и жизнеспособности трансформирующейся культуры.

Однако для того, чтобы меморативная культура обрела свою социальную эффективность, она должна структурироваться с культурной жизнью современности, а не стоять особняком от неё, занимая место изношенных, омертвевших и не нужных вещей. Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может ещё стать

будущим. Как отмечает Э.Сепир: «Творения прошлого по-прежнему вызывают глубочайший интерес и симпатию потому и лишь постольку, поскольку мы можем распознать в них выражения человеческого духа, волнующе сходного, несмотря на все внешние различия, с нашим собственным» [8, с.29].

Мир оформленных в наследии культурных форм, взятых в пределах одной социальной среды, есть завершённая система обозначения завоёванного культурой опыта. Но что такое опыт, «как не переработанная культурой жизнь», служащая побудительной силой для последующих преобразований. «Мы вполне можем предположить, – пишет Э.Сепир, – что то относительное равновесие и устойчивость, которые характерны для развития культуры, в значительной степени обязаны нашему привычному восприятию формальных контуров и формальных хитросплетений нашего опыта. Там, где жизнь состоит из проб и экспериментов, когда мысли и чувства выставляют свои костлявые локти из унаследованного запаса сухих, негибких образцов – вместо того, чтобы изящно сгибать их в соответствии с их предназначением, форма неизбежно ощущается как бремя и деспотизм, а не как нежное объятие, каковым ей следует быть» [8, с.251].

Поскольку наследие есть материальное воплощение переработанного времени и укрощение вечности, через наследие на нас смотрит время и вечность. В силу этого, наследие, по существу, всегда актуально, оно не устаревает, так же как не может устареть время. Именно окультуренная вечность делает из объектов наследия сугубо постоянные и не устаревающие комплексы. Образна говоря, через объекты наследия проглядывает лик вечности, победы жизни над смертью. Всё это позволяет рассматривать наследие не только как способ меморативного и художественного оформления истории, но и как надвременной онтологический императив жизнеспособности культуры.

В современной быстроменяющейся культуре необходимо последовательно переходить от мумификации истории к живому структурированию памяти и образцов наследия. Слишком быстро инновации вымывают культурную почву традиционной жизни, и

слишком медленно прирастают запасы культурного наследия, которое всё больше уподобляется заброшенной свалке и становится заложником техногенной цивилизации. Но, как известно, «у истории нет корзины для хлама» (В.Гюго). Нельзя бальзамировать наследие и рассматривать его «в виде какого-то мировоззренческого кладбища, на котором гниют большие или малые покойники» [6, с.504]. Наследческая культура подобна истории идей и воплощённых замыслов «по своему существенному содержанию имеет дело не с прошлым, но с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своём результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов», – пишет Гегель [Цит. по: 6, с.504]. Но следы прошлого можно сохранить и включить в функциональный контекст настоящего, только если освободить их от воплощённой в них человеческой бренности, от их исторической телесности, анахроничности, т.е. чтобы спасти культуру прошлого, «нужно её же обесчеловечить, обездушить, обезличить» [7, с.645].

Культурное наследие должно быть интегрировано в общественную жизнь современности, поскольку именно через современность прошлое обретает свою социальную значимость, а современное обретает через прошлое свою функциональную завершенность. «Нельзя придумать лучшего теста на подлинность культуры, как личностной, так и общественной, чем занимаемая ею позиция по отношению к прошлому, к его институтам, сокровищам его искусства и культуры, – пишет Э.Сепир. Подлинно культурный индивид или подлинно культурное общество не отвергают прошлое с презрением. Они почитают творения прошлого, но не потому, что в изменчивом потоке истории эти последние сверкают жемчужными каплями, не потому, что они, находясь вне нашей досягаемости должны по необходимости рассматриваться сквозь оберегающие их стёкла музейных стендов. Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может ещё стать будущим» [8, с.485].

Следовательно, наследие не живёт без связи с настоящим,

без обретения своей структурно-функциональной значимости и социальной востребованности, т.е. без включенности в культурную систему современного социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества. Материалы Междунар. науч. конф., 29 ноября 2009, СГАКИ. – Самара: Век #21, 2010. – С. 58-87.
2. *Ионесов В.И.* Борьба за наследие и сопротивление культур в глобализующемся мире // Креативная экономика и социальные инновации. 2014. № 2 (7). – С. 40-49
3. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
4. *Ионесов, В.И.* Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации, №2 (3), 2012 а. – С. 75-94
5. *Ионесов В.И.* Сопротивление культур: к особенностям нашего времени // В сборнике: Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2014. С. 166-173.
6. *Лосев А.Ф.* Самое само: сочинения / А.Ф. Лосев. – М.: ЗАО «Изд-во ЭКСМО-Пресс», 1999. – 1024 с.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь Мир, 1997. – 704 с.
8. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

АРКАИМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2017 Г.Б. Зданович, А.И. Левит, Т.С. Малютина
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

Аннотация. В Южном Зауралье на протяжении последних тридцати лет складывается особое историко-культурное и туристическое пространство. Основой его создания послужило открытие укрепленных поселений бронзового века рубежа III – II тыс. до н.э. Базовая (генерализованная) идея пространства лежит в плоскости истории Степи и истории человека в степи.

Ключевые слова: укрепленное поселение Аркаим, кластерный заповедник, музей природы и человека, социализация археологического наследия, наука – системообразующий фактор.

ARKAIM AS A GLOBAL PROJECT OF SOCIAL ARCHAEOLOGY

© 2017 G.B. Zdanovich, A.I. Levit, T.S. Malyutina
Chelyabinsk State UNiversity
(Chelyabinsk, Russia)

Abstract. In the Southern Trans-Urals over the past thirty years is generated the particular historical, cultural and tourist space. The basis for its creation was the discovery of a Bronze Age fortified settlements abroad III - II millennium BC. Basic (generalized) the idea of space lies in the history of the Steppe and the history of man in this Steppe landscape.

Keywords: a fortified settlement Arkaim, cluster reserve, Museum of Nature and man, the socialization of the archaeological heritage, science as system factor.

С начала 90-х годов на юге Челябинской области формируется особое историко-культурное пространство. Базовая территория около 4 тыс. га. В нее входят земли Челябинского государственного университета, которые осваиваются учебными практиками и международным молодежным лагерем; земли лесничества «Степное», филиала Ильменского государственного

заповедника, где находится укрепленное поселение Аркаим рубежа III – II тыс. до н.э. Третья составляющая базовой территории – площадки областного государственного учреждения – заповедника «Аркаим». На них расположены музейный комплекс с его научной составляющей и туристическая база. Кроме этого заповеднику «Аркаим» принадлежат 14 кластерных участков площадью более 700 га с памятниками эпохи бронзы «Страны городов» и другими объектами археологического наследия. Это уникальный для России заповедник кластерного типа, где охраной охвачена не группа памятников, не усадьба, а целая «Страна» бронзового века. Она занимает территорию водораздела великих сибирских и европейских речных бассейнов, протянулась на 300 – 350 км с севера на юг, и более чем на 200 км с запада на восток [1; 3].

«Страна городов» - это условное название археологических комплексов эпохи бронзы, которые включают в себя укрепленные поселения, могильники, рудные выработки, культовые сооружения. Под эгидой охраняемых кластеров находится около 400 памятников разных эпох – резерват генетической памяти степных народов и стратегический резерв туристического пространства Южного Урала.

На базовой территории заповедника расположено здание и экспозиции «Музея природы и человека», музей под открытым небом «Исторический парк» с погребальной и жилой архитектурой от каменного века до эпохи поздних кочевников. В него входит русская казачья усадьба, ветряная мельница, музей древних и традиционных технологий с действующими площадками по металлургическому производству, изготовлению керамики, доткацкого и ткацкого текстиля. Активно посещается музеефицированный раскоп на укрепленном поселении Аркаим, а также археологические раскопки, которые регулярно ведут работающие археологические отряды заповедника.

Туристическими программами охвачены экологически значимые объекты, где проложены ботанические и орнитологические тропы, геологические маршруты по уникальным памятникам природы зауральского пенеппла и объектам горно-технической деятельности с живописными

ландшафтами (гора Чека, Мартыновская интрузия, гранитный и мраморный массив Колчинской депрессии). В туристический и образовательный процесс постепенно втягиваются археологические полигоны, расположенные в разных концах «Страны городов»: «Северные ворота» - историко-культурный комплекс «Степное»; «Западный форпост – укрепленный центр «Аландское»; «Храмовый лабиринт» - «Большой синташтинский курган» и др. Богатые материалы по истории и быту казахов, башкир, татар, нагайбаков, а также русского населения XIX – XX вв. предоставляют для туристической деятельности этнографические экспедиции.

Аркаимский комплекс в течение сезона посещают не менее 40 тыс. человек. Целый ряд сельских поселений активно участвует в обслуживании туристов, студенческих отрядов, сотрудников научных экспедиций. Местные жители давно относятся к «Аркаиму» как к градообразующему предприятию. В настоящее время предпринимаются действия к созданию градостроительной документации для поселения Александровка и вновь созданного поселения «Аркаим». Развитие туристического и историко-культурного пространства идет в направлении объединения территорий в единый музей – заповедник. Вновь становится актуальной идея национального парка «Аркаим» [2].

Аркаимский проект социализации археологического наследия ведет свой отсчет с 1991 года, со времени прекращения строительства Большекараганского гидроузла на юге Челябинской области [2]. Уникальное по своей сохранности укрепленное поселение Аркаим эпохи бронзы должно было уйти на дно водохранилища. Памятник был спасен от затопления общественностью Южного Урала на волне социальных преобразований, охвативших Россию в начале 90-х годов XX столетия. Волна гражданской активности, поддержанная крупными учеными академиками Б.Б. Пиотровским, Б.А. Рыбаковым, Г.А. Месяцем привела к тому, что Совет Министров РСФСР поддержал предложение о сохранении археологического памятника. Инициатором борьбы за спасение Аркаима выступил

Челябинский госуниверситет, во главе которого в те годы стоял В.Д. Батухтин.

Основные положения аркаимского проекта сложились в процессе борьбы за спасение памятника. Его первый принцип заключается в следующем.

Судьба археологического наследия не должна ограничиваться научным изучением памятника, его консервацией и охраной. Он должен быть встроен в систему экономической и культурной жизни региона, должен функционировать как объект образования, просвещения и туризма.

Второй принцип – уйти от ведомственного отношения к наследию. Охрана археологических памятников и их социализация должны осуществляться в неразрывном единстве с охраной природных ландшафтов, флоры и фауны в их историческом и современном содержании. Опыт деятельности Заповедника «Аркаим» в этом отношении выступает как своеобразная творческая установка в поисках созидательных путей современного развития степных территорий Южного Урала.

Третий принцип связан с категориями пространства и времени. Представляя срединную часть степного пояса Европы и Азии, мы опираемся на территориальный фактор. Конкретная территория Южного Зауралья в пределах «Страны городов» рассматривается как «место развития», а его археологические памятники, археологические экспозиции и вмещающие их природные ландшафты как «музей места». Путешествие во времени по перипетиям истории человеческих обществ и лабиринтам проблем взаимоотношения человека с природой мы представляем как временную непрерывность от эпохи заселения человеком Южного Урала до исторической современности. Только глубокое восприятие пространства и времени способно породить ценностные ориентиры настоящего и преобразовывать их в историко-культурный потенциал будущего.

Серьезная трудность в привлечении внимания к степным древностям заключается в специфике современного состояния археологических памятников, культурные слои которых фактически не фиксируются на дневной поверхности. Основным

материалом для строительства в степи, лесостепи всегда были наиболее экологичные и доступные дерево и грунт. В отличие от каменной архитектуры многих туристических районов мира, восстанавливать и демонстрировать древности степи можно только, опираясь на ювелирную работу археологов и археологическое моделирование. Это касается не только жилой архитектуры, фортификации и погребальных обрядов, но и восстановлении различных древних технологий водоснабжения, металлургии, гончарного дела и т. д. Создание музейных комплексов и развитие туризма в таких условиях можно только при серьезном вкладе в научные исследования и сохранении за наукой системообразующего фактора в социализации археологического наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Зданович Г.Б., Малютина Т.С.* Достижения культуры «Страны городов» бронзового века Южного Урала как ценностный ориентир и историко-культурный потенциал современности // Горизонты цивилизации: материалы пятых аркаимских чтений. Челябинск, 2014. – С. 83–102.
2. *Левит А.И.* Национальный парк в степной зоне Зауралья // Актуальные вопросы современного естествознания Южного Урала. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2 декабря 2014 г. Челябинск: ЧелГУ, 2014. – С.138–145.
3. *Приходько В.Е., Иванов И. В., Зданович Д. Г., Зданович Г.Б., Манахов Д.В., Инубуши К.* Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. М.: 2014. – 264 с.

ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ «ДРЕВНИЙ МИР» В САМАРЕ

© 2017 С.А. Агапов

Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»
(Самара, Россия)

© 2017 М.В. Борисов

Самарский областной историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина (Самара, Россия)

Аннотация. Центр исторического моделирования “Древний мир” – комплексный научно-исследовательский и туристический объект (универсальная рекреационная зона) под открытым небом, насыщенный жилищами и производственными сооружениями разных исторических эпох и обладающий достаточными ресурсами для организации стационарной и выездной интерактивной просветительской деятельности. Месторасположение: Российская Федерация, Самарская область (Средняя Волга), Красноармейский район, с. Каменный Брод.

Ключевые слова: археология, каменный век, бронзовый век, железный век, образовательные программы, эксперимент, фестивали исторического моделирования.

CENTER FOR HISTORICAL MODELING AND REENACTMENT «ANCIENT WORLD» IN SAMARA

© 2017 S.A. Agapov

Historical and Eco-Cultural Association "Povolzje"
(Samara, Russia).

© 2017 M.V. Borisov

Samara Regional History Museum by P.V. Alabin
(Samara, Russia).

Abstract. Centre for Historical Modeling and Reenactment “Ancient World” – is a comprehensive research and touristic place (as well as a universal recreation zone) under the open sky, full of dwellings and production buildings from different historical periods. It has sufficient resources for the organization of stationary and traveling interactive

educational activities. Location: Russian Federation, Samara region (Middle Volga), Krasnoarmeyskiy district, Kamenny Brod village.

Keywords: archeology, Stone Age, Bronze Age, Iron Age, educational programs, experiment, festivals of historical reconstruction.

Центр исторического моделирования “Древний Мир” (далее ЦИМ “Древний Мир”), создан в 2003 году Самарским региональным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (СРО ВООПиК), негосударственной некоммерческой организацией (NGO) [1].

ЦИМ “Древний Мир” создавался как средство адаптации академических исторических, археологических исследований к процессу общего образования и просвещение населения. Эта цель, естественным образом, включала в себя несколько направлений:

- создание интерактивной модели экспонирования историко-культурного наследия;
- создание объекта для познавательного (просветительского) туризма для жителей и гостей области;
- развитие новой формы образования учащихся;
- создание научно-экспериментального полигона для студентов, аспирантов и специалистов-археологов.

Сегодня в ЦИМе «Древний Мир» функционируют полномасштабные модели жилищ эпохи камня и бронзы, павильон погребального обряда, где воссозданы основные типы погребений от медного века до средневековья, а также археологические экспериментальные площадки, действующие в круглогодичном режиме: мастерская по обработке камня, гончарная мастерская, мастерская по литью цветных металлов, кузница [1, с.296-300, рис.1-10; 2; 3;]. Ансамбль этих объектов создает антуражный «ландшафт» Центра, все они являются ключевыми элементами экскурсионных маршрутов, тематических мероприятий (культурно-массовых фестивалей, научных лекториев, спортивных соревнований, художественных пленэров).

Обстановка «Древнего Мира» - не декорации, а экспонаты, собранные в демонстрационные комплексы, - не муляжи. Большинство из того, что экспонируется здесь – реконструкции

древних объектов, «встроенных» в процесс взаимодействия с аудиторией. Неподдельный интерес у посетителей вызывает то, что в отличие от обычных музеев, предметы находятся не за стеклами витрин, к ним можно прикасаться, рассматривать вблизи, а в определенных ситуациях, например, на мастер-классах по ремеслам, применять по назначению. Таким образом, посредством активизации чувственного восприятия достигается эффективность передачи специфичной информации.

Вся идеология просветительской работы Центра основана на идее личностного проживания частицы той или иной исторической эпохи посетителем-экскурсантом. Каждый посетитель Центра не просто созерцает экспонаты, но «погружается» в разные эпохи, примеряя к себе образ охотника палеолита, литейщика бронзового века, гончара раннего железного века, средневекового кузнеца.

В презентации реконструированных реалий прошлого недостаточно ограничиваться демонстрацией «определенных картинок», выполненных на основе теоретических сведений. Очень важно иметь максимально компетентное суждение об объектах показа, понимание как создавался, использовался тот или иной предмет, какая в нем была заключена идея, частью каких явлений жизни в прошлом он являлся. Порой в самых простых вещах кроется загадка, ведущая вглубь времён, позволяющая вникнуть в детали обихода, ремесла и даже распознать свидетельства масштабных исторических процессов. Поэтому модели, копии древних вещей не только воссоздаются в Центре на основе исторических, археологических, этнографических источников. Многие «древности» «Древнего Мира» прямо предназначены для практического использования, существования в условиях, приближенных к древним. Тесты, эксперименты с моделями-реконструкциями позволяют накапливать опыт, рождать догадки, научные предположения и на практике проверять их. Следует отметить, что достижение успешного результата в этой деятельности требует значительных, кропотливых, а зачастую и многолетних усилий.

За годы работы в «Древнем Мире» выработалось особое отношение к созданию объектов экспозиции, которые являются

натурными реконструкциями. Главными критериями обоснованности таких моделей признается профессиональный подход к подбору источников, достижение функциональности и, конечно, строгая оценка реалистичности моделирования. К настоящему времени в Центре одним из актуальных признан вопрос о необходимости формулирования методологических основ построения сложных моделей-реконструкций для корректного использования их в популяризации, образовании, научных исследованиях. Не получившими пока должной теоретической проработки в исторической науке, являются современные модели, имитирующих процессы, в т.ч., в древних производствах, в хозяйственно-бытовой деятельности. Отсутствие четких критериев корректности результатов профессионального моделирования, с одной стороны, делает его уязвимой для неконструктивного скептического отношения, с другой, неправомерно уравнивает с любительскими упражнениями, что еще хуже – с откровенными фантазиями на около историческую тему. Эта проблема затрагивалась сотрудниками «Древнего Мира» в публикациях. Она обсуждалась на «Круглом столе» по итогам проекта «Один в прошлом» (Москва) в 2014 г., ей был посвящен «Круглый стол» в рамках традиционного фестиваля «Путешествие в Прошлое», который состоялся в самом «Древнем Мире» в 2016 г.

Наиболее надежное обоснование сведений, полученных в «Древнем Мире» в результате работы со сложными моделями, обеспечивается использованием данных из сферы межпредметных связей. В свою очередь, это открывает новые возможности для решения образовательных задач. К примеру, без знания основ физики и химии понимание процесса производства металлов в древности невозможно. А в процессе экскурсии, когда археологи-экспериментаторы демонстрируют технологии выплавки и обработки металлов, даже школьники понимают и запоминают, как с помощью поддува можно управлять интенсивностью горения, зачем нужен углерод для получения меди из руды, при каких температурах и иных условиях плавится медь, бронза, железо. За полтора, два часа специализированного интерактивного занятия посетители «Древнего Мира» проживают

несколько эпох металлургического производства и, определенно, начинают понимать всю важность знаний о свойствах металлов в современной жизни.

Опыт функционирования Центра исторического моделирования «Древний Мир» на протяжении 13 лет убедительно показывает, что в современном массовом сознании существует интерес к темам, связанным с историко-культурным наследием. Это предъявляет повышенные требования к поиску новой информации, побуждает к выработке способов адаптации ее к восприятию различными аудиториями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Субботин И.П., Субботина В.В.* Актуальные проблемы развития музейных комплексов под открытым небом в современных условиях на примере центра исторического моделирования «Древний мир» // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы междунар. полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» / Сост. И науч. редактор С.А.Агапов. Ульяновск: «Печатный двор», 2013. С.291-317.

2. *Борисов М.В., Борисова Е.В.* Опыт создания модели и процесса эксплуатации средневекового гончарного горна в 2006 – 2010 гг. // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы междунар. полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» / Сост. И науч. редактор С.А.Агапов. Ульяновск: «Печатный двор», 2013. С.91-120.

3. *Агапов С.А., Гошко Т.Ю., Агапов Д.С.* Проект по созданию каталога микроструктур эталонов литых бронз (предварительное сообщение) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы междунар. полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» / Сост. И науч. редактор С.А.Агапов. Ульяновск: «Печатный двор», 2013. С.187-202.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК В МЕГАПОЛИСЕ: ДИАЛОГ ГОРОДА СО СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ

© 2017 С.Е. Чичёва

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва
(Самара, Россия)

Аннотация. Выявленные в ходе археологических раскопок фрагменты сооружений Самарской крепости начала 18 века имеют бесспорную историческую и культурную ценность, а сложившийся на Хлебной площади историко-архитектурный ансамбль, воспроизводящий многослойность самарской истории, запечатленной в культурном ландшафте и топонимике города, достоин сохранения как «место исторической памяти» Самары. Важно найти органичную форму включения раскопа в культурное пространство Хлебной площади, чтобы сохранить преемственность диалога города со своей историей.

Ключевые слова: город, городская история, городской культурный ландшафт, «археологический парк», исторический памятник, Самарская крепость.

ARCHAEOLOGICAL PARK IN THE METROPOLIS: THE DIALOGUE OF THE CITY WITH ITS HISTORY

© 2017 S.E. Chicheva

Samara National Research University named after academician
S.P. Korolev
(Samara, Russia)

Abstract. Construction fragments of early 18th century Samara fortress which was revealed during archaeological excavations have an undeniable historical and cultural value. Historical and architectural ensemble that formed in the Bread square representing the layering of Samara history embodied in the cultural landscape and the city toponymical. This place is worth to be conserved as a place of Samara “historical memory”. It is important to find an organic form of excavation area inclusion in the cultural space of Bread square to conserve the continuity of the dialogue of the city with its history.

Keywords: city, city history, urban historical landscape, archaeological park, historical monument, Samara fortress.

Город, как исторический феномен, отличается многоаспектностью, городская история - многослойностью. В глобальном смысле город является воплощением человеческой цивилизации, всех ее свершений и достижений. И.М. Гревс называл город квинтэссенцией человеческой жизни, узловой точкой истории [1].

Вместе с тем, каждый город являет собой неповторимую реальность – материальную и духовную, сотканную из множества индивидуальностей, событий, происшествий, фактов, случайностей и закономерностей. А пространство города – это место исторической памяти, в котором соединяются эти случайности, закономерности, индивидуальности, поколения, эпохи, события, место, где формируется уникальный, присущий только этому городу хронотоп. Он запечатлен и раскрывается в истории города. Городская история, в свою очередь, заключена в различного рода представлениях - от памятников коллективного творчества, включающих в себя мифы, легенды, сказания, нарративы, до исторических документов и источников личного происхождения. Сокрыта она и в археологических памятниках – живых свидетелях далекого прошлого города. Вместе они позволяют реконструировать образ города, складывающийся на протяжении всей истории его возникновения и существования. Как писал Н.П.Анциферов, «город - для изучения самый конкретный культурно-исторический организм» [2, с.19]

Не останавливаясь на том, как важно изучать родной город, понимать его язык, сохранять историческое наследие – об этом много и хорошо написано у И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, П. П. Муратова [1; 2; 3], обратимся к проблеме сосуществования истории и современности в пространстве города. Как найти актуальные формы сохранения историко-культурного наследия в границах городского ландшафта и не превратить город в музей?

Городской ландшафт современного города предстает в соединении нескольких не всегда логично взаимосвязанных, но необходимо дополняющих друг друга компонентов: жилая среда,

промышленная зона, социокультурная сфера, транспортная и логистическая структура. Это также городская предокруга, подгородье, как ее называли в средневековой Европе, и посад – в средневековой Руси. Не менее важная часть города – его природный ландшафт, зачастую задающий доминанту архитектурного и исторического облика города.

Многие европейские и российские города, обладающие богатой многовековой, а порой и тысячелетней историей, нашли разнообразные формы включения исторических мест памяти и археологических памятников в современный городской контекст. Одним из наиболее эффективных и хорошо себя зарекомендовавшим способом сохранения, музеефикации и презентации исторического и культурного наследия является технология «археологический парк». Эта технология служит популяризации древней истории края, является основой для создания привлекательного туристического маршрута, и, кроме того, позволяет проводить дальнейшее изучение объекта культурного и исторического наследия. Созданные по этой технологии археологические и этнографические парки в Европе являются излюбленными местами семейного отдыха, востребованными и самыми популярными маршрутами в составе туристического тура, а также как маршруты выходного дня.

Наибольший эффект технология «археологический парк» дает в отношении сохранения археологических объектов, выявленных в природном ландшафте – лес овраг, пещера, берег реки. Здесь условия позволяют проводить весь необходимый комплекс работ по изучению и музеефикации объекта в аутентичных условиях. А вот музеефикация археологических объектов, выявленных в городском ландшафте, весьма проблематична, поскольку задача осложняется необходимостью сохранить исторический объект в условиях плотной городской застройки и сложившейся городской социальной и транспортной инфраструктуры. Но и для таких условий существует обширная практика и технологии сохранения исторического и культурного наследия.

Примерами могут служить многочисленные сохранившиеся средневековые городские крепостные сооружения и фрагменты

раскопок древнеримских поселений в европейских городах. Все они охраняются соответствующими законами о сохранении культурного наследия и бережно поддерживаются городской общественностью и городскими властями как национальное и мировое культурное достояние. В Вене, например, раскоп поселения, основанного в 1 в. н.э. как форпост 15-го римского легиона, находится в самом центре исторической части города, на площади Архангела Михаила, где располагается Императорская резиденция Хофбург. На её территории расположены девятнадцать дворцов, возведённых в разные периоды, и два десятка других зданий. Не сохранить место раскопок древнего поселения, с которого начинается история Вены как населенного пункта, конечно же, было нельзя, но и возвести над раскопом какое-либо сооружение также не представлялось возможным, поскольку это разрушило бы весь дворцовый ансамбль в барочном стиле. Поэтому раскоп был огражден мостиками с перилами, местами перекрыт прозрачным оргстеклом. Все это позволяет осматривать объект, но, в то же время, обеспечивает безопасность, как жителей, так и туристов, посещающих достопримечательность. Каменная римская кладка и участки грунта пропитаны специальными клеями, защищающими объект от атмосферных осадков.

Кроме того, в центре Вены сохранены остатки последнего уцелевшего венского бастиона - части некогда мощной системы крепостных укреплений. Остальные бастионы были срыты 1858-1865 гг., а один, под названием Мёлькер Бастей, оставили. Остались лишь одни исторические ворота – Бургтор, построенные в 1660 году, все остальные в разное время и по разным причинам были уничтожены. Бургтор, правда, позже перестроили в стиле классицизма, но других ворот уже нет. Ещё остался маленький кусочек средневековых стен на станции метро «Штубентор», которые также напоминают об обширной неприступной системе венских укреплений, возведенных по римскому способу в самом начале нашей эры именно тем римским легионом, который завоевал земли, принадлежащие кельтам, и присоединил их к Римской империи. Благодаря этим линиям укреплений венские улицы Наглер, Рингштрассе, Грабен,

Кольмаркт и другие до сих пор имеют расположение, точно очерчивающее бывший лагерь легионеров. В XII веке правители Бабенберги на основе римских укреплений построили новую венскую крепость, а из оставшихся римских камней даже построили собор святого Штефана [4].

Эти «реликты» как бы «проступают» сквозь тысячелетнюю историю города, составляя неотъемлемую часть городского текста, напоминая о его легендарном историческом прошлом, связывают воедино ткань городской истории, выстраивают диалог города со своим прошлым, который не прерывается уже более 2000 лет. Благодаря хорошей сохранности городской культурной среды в 2001 году исторический центр Вены был включен Юнеско в список Всемирного наследия [5]. В настоящее время внутренний город также выполняет функцию делового центра Вены и этому совершенно не мешают исторические архитектурные ансамбли и археологические памятники.

Однако не всегда археологические памятники возможно сохранить и законсервировать в аутентичном виде. Большую роль здесь играют погодные и климатические условия. Такая ситуация, например, сложилась в Петербурге на Охтинском мысу, где на месте предполагаемого строительства офисного 400-метрового здания Охта-центр в результате проведенных предварительных раскопок был выявлен многослойный памятник, в котором присутствуют остатки сооружений разных периодов истории: шведская крепость Ниеншанц 1611-1702 годов, новгородское поселения Невское Устье 14-16 веков, шведская крепость Ландскрона 1300-1301 годов, следы новгородского поселения 12-13 веков, стоянка эпохи неолита VII–III тыс. до н.э. Археологи обнаружили хорошо сохранившиеся фрагменты рвов, земляных и деревянных бастионов и башен. За эту многослойность памятнику дали название «Петербургская Троя». Проблема состояла в том, что все археологические памятники находятся на территории, выделенной под строительство и по планам застройщика место этих бесценных памятников должен занять многоуровневый подземный гараж. Но, поскольку, по мнению специалистов, памятник этот совершенно уникальный, причем не только с

научной, но и с экспозиционной точек зрения, т.к. больше такого памятника в Европе, в Восточной Балтике нет, то согласно действующему законодательству, подобные исторические сооружения попадают под охрану с момента их выявления. И при любом развитии событий, проект освоения этой территории должен учитывать наличие здесь грандиозного по масштабам археологического объекта. Поэтому после завершения исследований часть территории, в соответствии с рекомендациями государственных органов охраны памятников, была законсервирована, а строительство Охта-центра приостановлено [6]. Однако, несмотря на несомненную ценность найденного памятника для археологии, мнения археологов, строителей, архитекторов и музееведов по поводу его дальнейшей судьбы разошлись. Археологи считают, что выявленный памятник имеет уникальную ценность для изучения не только истории Санкт-Петербурга, но и всей Древней Руси, а также Северной Европы и предлагают создать на месте раскопок Археологический парк [7]. Специалисты по музейному делу считают эту идею утопичной прежде всего из-за невозможности сохранить памятник в открытом виде во влажном петербургском климате [8].

Архитекторы полагают, что создавать большой археологическо-исторический музей на основе раскопок там нецелесообразно, т.к. он будет неинтересен, а если создавать музей искусственно, то это будет новодел, что противоречит самой идее сохранения культурного наследия. Правильнее всего было бы оставить небольшой фрагмент шведской крепости Ниеншанц с хорошо сохранившимися бастионами и сделать крытую неотапливаемую площадь-музей. Такой музейный объект повысит привлекательность и жилой, и деловой зоны в этой части города [9].

Такие примеры подсказывают наиболее оптимальный вариант сохранения и музеефикации археологического объекта на Хлебной площади в Самаре, где в 2013 году в результате археологических разведок и специального колонкового бурения для изучения глубоко залегающих культурных слоев были обнаружены фрагменты деревянных конструкций - клетей,

служивших, по-видимому, фундаментом для укрепления основы земляного вала так называемой второй Самарской крепости.

Как известно, первая небольшая деревянная крепость, названная Самарский городок, была построена в 1586 году на реке Самара в месте ее впадения в Волгу князем Григорием Засекиным. В результате пожара в 1703 г. старая крепость практически полностью выгорела, а необходимость защиты юго-восточных рубежей российского государства продолжала быть актуальной, поскольку в Заволжье на границе со степью безраздельно хозяйничали кочевые племена ногайцев и башкир, зачастую совершавшие грабительские набеги на поселения оседлых жителей. Именно поэтому в 1704-1706 гг. в Самаре были заново построены городские укрепления в некотором отдалении от старой крепости. Вся территория города была обнесена новой крепостной стеной с башнями, которая протянулась вплоть до оврага, на месте которого сейчас проходит улица Ленинградская. Главной частью крепостных сооружений являлась земляная крепость, построенная по европейскому образцу, что закрепило за ней название «замок». Подобные укрепления использовались в петровское время при строительстве крепости на Заячьем острове в Санкт-Петербурге. В «замке» располагался гарнизон крепости, комендатура, гауптвахта и другие административно-хозяйственные сооружения.

После создания Самарской губернии и преобразования Самары в губернский город в 1856 г. остатки земляных валов «замка» за ненадобностью были срыты, а на этом месте была сформирована новая городская площадь, существующая и поныне.

На раскопе продолжают работы. Сейчас они ведутся уже на глубине от трех до пяти метров. Главной целью археологических раскопок является изучение особенностей крепостных сооружений Самары и создания на этом месте музея ранней истории Самары. Предстоит найти органичную форму включения раскопа в ландшафт Хлебной площади, позволяющую, во-первых, сохранить место археологических раскопок для продолжения исследований и, во-вторых, создать на его основе туристический объект, новое историческое место

памяти на карте города. И, при этом, сохранить социальную и транспортную инфраструктуру центра города. Кроме того, в Самаре, как и в Санкт-Петербурге, место в исторической части города, в непосредственной близости от стрелки у места впадения реки Самары в Волгу, представляет большой коммерческий интерес для застройщиков. Проектным институтом «Ленгипрогор» уже разработан план застройки значительной части территории старого города – здесь планируется построить офисные, торговые и жилые кварталы повышенной высотности с подземным паркингом.

Варианты решения проблемы, вероятно, могут быть разные, но совершенно очевидно, что необходимо сохранить фрагмент археологического раскопа, реконструирующий период ранней истории Самары, когда она была хорошо укрепленным форпостом и защищала восточные рубежи и торговые пути московского государства. Для этого стены раскопа и деревянные клетки в основании крепости нужно укрепить, сделать удобными и безопасными для посещения и осмотра, снабдив по периметру перилами и закрыв наиболее глубокие места раскопа прозрачным оргстеклом с подсветкой в вечернее время суток. Кроме того, важно реконструировать историческое значение первой городской площади, поскольку Хлебная площадь в Самаре – самостоятельный, самодостаточный и очень важный персонаж городской истории.

Известно, что рыночная площадь всегда играла особую роль в жизни города. Часто именно с рыночной площади город начинался, рос, богател, приобретал силу, значение экономического, торгового, политического и культурного центра. На главной городской площади располагались наиболее важные административные, общественные учреждения. В праздничные дни здесь проводились ярмарки, игрища, выступали актеры-кукольники, скоморохи, устраивались различные состязания в силе и ловкости, катание на каруселях, «гиганстких шагах» и т.д. Площадь, таким образом, была средоточием городской жизни, сценой, на которой вершились события городской истории.

Самара в этом также не была исключением. Но, самарская городская площадь обладает еще и очень интересной и

многозначной – собственной - историей, в разное время она называлась по-разному: Торговая, Щепетильная, Казанская, Полицейская, Театральная, Хлебная. На ней располагались торговые ряды, склады и купеческие лавки, пожарная каланча, театр, полицейский участок. Изначально и до середины восемнадцатого столетия площадь называлась Торговой, так как была главной площадью, на которой развивалась торговое дело. Затем ее стали именовать Щепетильной (изысканной), по характеру товара, поставляемого самарскими купцами. Со строительством Казанского собора - площадь стала именоваться Казанской, с момента основания театра - Театральной, а с появлением первой полицейской части - Полицейская. После того, как торговля зерном стала главным промыслом самарских купцов, городская площадь получила свое современное название - Хлебная.

Учитывая бесспорную историческую и культурную ценность выявленных в ходе археологических раскопок фрагментов сооружений Самарской крепости начала 18 века, а также существующего на Хлебной площади уникального историко-архитектурного ансамбля, воспроизводящего многослойность самарской истории, сохранившейся в культурном ландшафте и топонимике года, также логично создать на Хлебной площади историко-культурный музейный комплекс «Самарский городок». Это способствовало бы восстановлению исторической справедливости и воссозданию в подлинном историческом центре Самары «территории исторической памяти» города.

Поскольку большая часть артефактов, обнаруженных во время археологических раскопок на Хлебной площади относятся к XIX веку, когда на этом месте располагался рынок, (основные находки, обнаруживаемые в культурном слое – черепки глиняной посуды, предметы быта, монеты XIX-XX вв.), то целесообразно оформить этот комплекс в стиле городской рыночной площади. Кроме фрагмента археологического раскопа объектами историко-культурного музейного комплекса могли бы стать стилизованная деревянная надвратная башня, которая также может служить входом на территорию комплекса. Этот объект отсылает к

периоду Засекинской крепости XVI в., когда она выполняла в основном роль военной заставы. В стене башни можно расположить музей археологии и ранней истории Самары. По двум сторонам периметра музейного комплекса логично выстроить стилизованные купеческие торговые ряды, оформленные в виде купеческих лабазов, с открытой галереей, открывающейся на площадь. Эта страница актуализирует историю самарского купечества, с торговой и благотворительной деятельностью которого связано формирование купеческой Самары и превращение нашего города в крупный торговый центр, хлебную столицу, российской империи.

Украшением площади может стать карусель – главный атрибут праздничной инфраструктуры городской рыночной площади в российских городах XVII-XIX вв. Кроме того, до настоящего времени на площади возвышается подлинное сооружение конца XIX века – пожарная часть. Тогда площадь называлась Полицейской и 26-метровая пожарная каланча была самой высокой постройкой в Самаре. Сегодня этот архитектурный комплекс является объектом культурного наследия и включен в проект "Историческая память". В 2014 году он был отреставрирован, причем 12-метровую смотровую башню реконструировали по старинным чертежам. Сейчас в здании исторической пожарной части находится музейно-выставочный центр истории и развития пожарно-спасательного дела Самарской области [10].

Дополнить музейный комплекс и задать его темпоральную доминанту мог бы верстовой столб с указателями «Москва», «Казань», «Оренбург», «Царицын», «Ногайская Орда», «Дикое поле».

Предлагаемая форма музеефикации оптимально подходит для эффективной реализации комплекса мер по сохранению, изучению и популяризации объектов археологического наследия, находящихся в исторической части города. А создание историко-культурного музейного комплекса на Хлебной площади позволит реконструировать на основе сохранившихся археологических и исторических объектов, и с использованием элементов

стилизации, музеефикации и реставрации основные этапы и наиболее важные вехи городской истории Самары XVI - XIX вв.

Такое решение будет способствовать включению площади в активное культурное пространство города, сделает ее интересной для посещения и использования в городских культурных и туристических практиках. У самарцев появится новое место для отдыха и для диалога с историей города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гревс И.М.* Краеведение и экскурсионное дело // Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10-12 марта 1923 г. / под общ. ред. Б.Е. Райкова. – Пг. : Культ.-просвет. кооп. изд-во «Начатки знаний», 1923. С. 3-10
2. *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М.Б. Вербловская. СПб.: Лениздат, 1991. 335с.; Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1927. 148 с.
3. *Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1913. Т. 2.
4. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1469362>;
<http://wien2000.mybb2.ru/viewtopic.php?t=255>;
5. <http://www.rutraveller.ru/place/11895>
6. *Компромиссное решение.* Охтинский мыс получил статус достопримечательного места. <https://rg.ru/2012/03/22/reg-szfo/ohita.html>
7. *Петербург теряет «Трою»...* // 30 сентября 2009 Игорь Зубов :: MR7 - Новости Петербурга
8. *Дорогие ископаемые.* Идея создания археологического парка на Охте поддержки у профессионалов не находит: Российская газета 24.02.2011
9. *Архитекторы не советуют делать Охтинский мыс только музеем: "Метро"* 28.10.2011
10. <http://sdelanounas.ru/blogs/45747/>

ИСКУССТВО ЛЕДНИКОВОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ РЕКИ СИМ (ЮЖНЫЙ УРАЛ) КАК КУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ

© 2017 В.Н.Широков.

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(Екатеринбург, Россия)

Аннотация. На Урале открыты уникальные объекты живописи ледникового периода: Капова, Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры. Они образуют отдельный центр пещерного искусства, тесно связанный с европейским культурным пространством ледникового периода. Статья посвящена актуальной проблеме сохранения этих объектов. Пещеры посещаются большим количеством людей, в результате чего происходит ухудшение состояния рисунков и разрушение культурного слоя. Игнatieвская пещера включена в «Перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального значения», однако реальной охраны и контроля за посетителями нет. Необходима разработка и реализация проекта сохранения данных объектов и рассмотрение их как ресурс просветительного, интеллектуального, познавательного, обучающего характера.

Ключевые слова: пещерная живопись, ледниковый период, культурное наследие, охрана памятников.

ART OF ICE AGE AT THE RIVER OF BASIN SIM (SOUTH URALS) AS A CULTURAL RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT

© 2017 V.N. Shirokov

Institute of History and Archaeology
Ural Department of Academy of Sciences of Russian Federation
(Yekaterinburg, Russia)

Abstract. In the Urals opened unique objects painting Ice Age: Kapova, Ignatievskaya Serpievskaya and 2 caves. They form a separate center of cave art, closely connected with the European cultural space of the Ice Age. The article is devoted to an actual problem of preserving these objects. Caves are visited by more people, resulting in the deterioration of the drawings and the destruction of the cultural layer. Ignatievskaya cave is

included in the "list of objects of historical and cultural heritage of federal importance", but the real protection and control of visitors there. We need to develop and implement the project of conservation of these objects and *their consideration* as a resource for educational, intellectual, cognitive, learning character.

Keywords: cave painting, ice age, cultural heritage, protection of monuments.

В Катав-Ивановском районе Челябинской области РФ известны и исследуются две пещеры с верхнепалеолитическими росписями – Игнatieвская и Серпиевская 2.

На стенах и сводах Игнatieвской пещеры, более чем в ста метрах от входа и дневного света, размещены рисунки одной из древнейших пещерных «картинных галерей». В репертуаре ансамбля есть фигуры мамонтов и лошадей, человекообразных существ и фантастических животных, символических знаков.

Репертуар более скромной по размерам Серпиевской 2 пещеры состоит из небольшого набора плохо сохранившихся геометрических фигур и двух анималистических мотивов – головы зверя и схематичной фигуры северного оленя.

Набор артефактов в виде каменных изделий и украшений из внутренней части Игнatieвской пещеры, костные останки животных, найденные при раскопках в обеих пещерах, подтверждают время создания подземных «художественных галерей» ледниковым временем. Возраст изображений, выполненных минеральными красками красного и чёрного цвета, более 10 тысяч лет.

Пещеры с подобной живописью длительное время были известны только в Западной Европе, преимущественно на территории Франции и Испании. В настоящее время их насчитывается около 300. На территории Урала и всей России подземных декорированных палеолитических галерей всего 3: Капова, Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры. Они образуют отдельный центр пещерного искусства, однако тесно связанный с европейским культурным пространством ледникового периода.

Открытие в пещере древней живописи и её изучение экспедицией В.Т. Петрина в 1980-1986 гг. привело к всероссийской известности Игнatieвской пещеры [1]. В 1997

году к ней пришла мировая известность, чему способствовала прошедшая Международная научная конференция «Пещерный палеолит Урала», а также издание в 1999 г. в Германии книги В.Е. Щелинского и В.Н. Широкова «Пещерная живопись на Урале. Капова и Игнатьевская пещеры» [2]. После этого в пещеру устремился огромный поток паломников, краеведов, туристов.

Вместе с тем, в настоящее время полностью отсутствует охрана обеих пещер. Происходит их бесконтрольное посещение большим количеством людей – до 1000 человек в месяц в летний сезон. И количество посетителей год от года увеличивается. В результате этого произошло значительное ухудшение состояния рисунков, а часть из них находится на грани гибели. Происходит постоянное необратимое разрушение культурного слоя, в котором были найдены каменные орудия и украшения. При сохранении подобного положения в ближайшем будущем рисунки и культурный слой будут уничтожены. Следует особо подчеркнуть, что все западноевропейские пещеры находятся под надёжной охраной. А многие из них превращены в великолепные музеи.

Игнатьевская пещера Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 г. включена в «Перечень объектов исторического и культурного наследия Федерального значения», а ранее в Государственный список памятников истории и культуры Челябинской области под № 218 в 1961 году. Однако реальной, действенной охраны и контроля за посетителями нет.

Инициировать охрану этого памятника предлагалось неоднократно, но реальных результатов так и не было достигнуто. В целях сохранения Игнатьевской пещеры как историко-культурного памятника необходимо выделить целевое финансирование для выполнения ряда неотложных мер по проведению эффективных охранных мероприятий. В частности, предлагаем провести оценку современного состояния различных параметров пещеры, сделать высокоточное лазерное сканирование полости для создания её 3D модели, выполнить фотосъёмку изображений в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, провести исследования по оценке возможности

реставрации рисунков, начать долговременный мониторинг внутренней среды пещеры. На основании результатов вышеперечисленных работ необходимо будет разработать режим использования пещеры в будущем. Однако в первую очередь необходимо в кратчайшие сроки полностью закрыть доступ в Игнатьевскую пещеру на время оценки её состояния, создав для неё заповедный режим и охранную структуру для контроля соблюдения режима недоступности этой карстовой полости.

Реализация такого проекта может рассматриваться в рамках подхода к культуре как к ресурсу развития, поскольку и государство, и члены общества получают новую «точку притяжения» – просветительного, интеллектуального, познавательного, обучающего, развивающего. Немаловажно и финансовое пополнение бюджета за счёт туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение АН. 1992, 207 с.

2. *Scelinskij V.E., Širokov V.N.* Hohlenmalerei in Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderholen im Sudlichen Ural. Deutchland, Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1999, 171 s.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД УКЕК

© 2017 А.Л. Кашникова
Саратовский областной музей краеведения
(Саратов, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблематика изучения и популяризации исторического и археологического наследия золотоордынского города Укека, существовавшем с середины XIII в. до конца XIV в. В статье даются основные этапы изучения Увекского городища с конца XIX в. и до наших дней. За это время удалось исследовать мавзолей, баню, один из некрополей города, жилище ювелира, христианский квартал. Был обнаружен фрагмент фундамента христианского храма. В статье анализируются результаты исследования городища, рассматривается история города в контексте изучения археологических находок. В статье затрагивается тема популяризации наследия города Укека, посредством проведения выставок и фестиваля исторической реконструкции «Один день из жизни средневекового города».

Ключевые слова: Укек, Увекское городище, средневековье, фестиваль «Один день из жизни средневекового города».

GOLDEN HORDE TOWN UKEK

© 2017 A.L. Kashnikova
Saratov regional museum of local lore
(Saratov, Russia)

Abstract. The problems of research and popularization of historical and archaeological heritage of the Golden Horde town Ukek, that existed since the middle of the XIII century until the end of the XIV century are considered at the article. The article contains the main stages of studying the Uvek settlement from the late XIX century and to the present day. During that time we managed to explore the mausoleum, the bath, one of the cemeteries of the city, goldsmith dwelling, the Christian quarter. A fragment of the Christian temple foundation was discovered. The article analyzes the results of the settlement research, discusses the history of the city in the context of the study of archaeological finds. The article deals with the theme

of popularizing the heritage of the town of Ukek, through exhibitions and the festival of historical reconstruction "A day in the life of the medieval town".

Keywords: Ukek, Uvek settlement, medieval, festival "A day in the life of the medieval town".

Увекское городище – памятник археологии, расположенный на южной окраине г. Саратова. В XIII-XIV вв. здесь, на территории современного поселка Увек располагался золотоордынский город Укек. В переводе с монгольского «укек», означает «удлиненный шкаф, ящик; массивная гора или крупная возвышенность с плоским верхом в форме сундука» т.к. городище располагается под горой с плоской верхушкой.

Предположительно, город был основан в 1250-х гг., но точная дата неизвестна. Упоминания о городе встречаются в письменных источниках, записках средневековых путешественников, картах. Самым первым по времени упоминанием об Укеке принято считать сообщение Гильома де Рубрука. Летом 1253 г. он проезжал через «новый поселок» на берегу Волги, «который татары устроили вперемежку из русских и сарацин, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу, в восточном направлении...» [3, с.118].

Следующее упоминание содержится в «Книге Марко Поло». Он пишет, что его отец и дядя «...вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земли западного царя и назывался Укака» [7, с 45]. Арабский географ Абу-л-Фида пишет о соседстве Укека и Сарая [8, с.125].

В 1334 г. в Укеке побывал марроканский путешественник, богослов Ибн-Батута. В своих заметках он назвал Укек городом «средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» [22, с 302-303].

История изучения Увекского городища началась в конце XIX в. Первые раскопки были проведены Саратовской ученой архивной комиссией (далее СУАК). Несмотря на эпизодический характер раскопок, за время работы СУАК на Увекском городище были обнаружены: около пяти средневековых построек неизвестного назначения, остатки общественной бани, гончарный

горн для посуды, мавзолеей с семью богатыми захоронениям [2; 4; 5; 9].

С 1919 г. на Увекском городище начала работать экспедиция Саратовского госуниверситета под руководством профессора Ф.В. Баллода. Были раскопаны два горна для обжига посуды, саманная постройка с очагом и суфой, три погребения в кирпичных склепах. Вскрыт саманный мавзолей [1, с 6-7].

В 1994 г. были вскрыты остатки деревянной постройки, остатки тандыра, вымостка из кирпича и камня. В 2004 г. двумя шурфами была частично вскрыта кирпичная постройка со следами деревянного перекрытия [20; 21].

С 2005 года ежегодные археологические раскопки на Увекском городище проводит экспедиция саратовского областного музея краеведения под руководством Д.А. Кубанкина. За 11 лет раскопок были обнаружены жилище мастера ювелира, гидротехническое сооружение, фрагменты двух христианских храмов, северо-западный исламский некрополь [11; 12; 13; 14; 15].

Археологические раскопки на Увекском городище имеют свою специфику. Памятник полностью перекрыт жилой застройкой. Раскопки учитывают интересы местных жителей, так как работы ведутся непосредственно во дворах частных домов на незастроенных участках, преимущественно в пределах одного участка. К сожалению, в таких условиях нет возможности сохранять обнаруженные археологические объекты. Поэтому одной из основных задач по исследованию Увекского городища является всестороннее научное изучение материалов раскопок.

Площадь города в период его расцвета в 1330-1350-е гг. не превышала 270 га. Эта цифра условна, т.к. исследована незначительная часть городища. Предположительно, здесь проживало около 6-9 тыс. человек [16, с.6].

Золотоордынские города, в большинстве своем, возникали на пустом месте. Укек, возникший как поселок у переправы через р. Волгу на пути к ставке хана, затем разросся, став значительным торговым центром. Его удобное местоположение на основном торговом пути того времени – р. Волге, близкое соседство с русскими землями привлекало многочисленные

купеческие караваны, путешественников, миссионеров. Расцвет города пришелся на 1330-1350-е гг., но, начавшаяся в 1340-х гг. эпидемия чумы, дважды прокатившаяся по городам Золотой Орды, нанесла серьезный урон по населению и экономике города. Гражданская война 1360-1370-х гг. продолжила разрушение города, его размеры и население после этих событий сильно сократились. Пришедший в 1395 году Тамерлан нанес непоправимый урон городу. После этого нашествия, Укек вскоре прекратил свое существование [6, с.7].

В период своего расцвета Укек был благоустроенным городом, здесь имелся глиняный водопровод, позволявший жителям использовать воду для питья и для хозяйственных нужд, общественные бани, туалеты.

Основу населения Укека составляли ремесленники, рабы, мастера различных народностей. Так же здесь проживали купцы, монгольская элита. В Укеке существовала крупная христианская община. В 2011-2013 гг. была обнаружена часть каменного фундамента православного храма, украшенного фресковой росписью и каменной резьбой. Храм датируется 1260-1270 гг. После гибели этого храма, в 1330-х гг. рядом строится еще одна христианская церковь [10; 12; 16].

В Укеке проживало полиэтничное население. Монголы образовывали правящее меньшинство, основу населения составляли покоренные оседлые жители Волжской Булгарии, русских княжеств, мордовских земель [10; 17].

Основными занятиями жителей средневекового Укека были ремесло и торговля. Здесь работали мастера: кузнецы, ювелиры, оружейники, столяры, плотники, кожевники, гончары, косторезы, ткачи, скорняки. На Увекском городище были найдены продукты кузнечного дела – топоры, ножницы, ножи, замки, шилья. Гончары изготавливали и простую красноглиняную посуду, и дорогую кашинную поливную посуду, глиняные трубы для дымоходов и водопровода. Ювелирное дело представлено литейными формами, перстнями, подвесками, серьгами, поделочными камнями.

Торговля была не менее развитым направлением жизни города. Здесь продавали и покупали товар купцы со всего мира –

из Китая, Индии, Средней Азии, Египта, Ирана, Кавказа, Руси, Византии, Европы, Прибалтики [13].

Основу питания жителей Укека составлял мясной рацион – баранина, говядина. Близость Волги давала возможность ловить рыбу. Кроме этого, жители Укека употребляли пшеницу, рожь, рис, нут, пекли хлеб [19].

Для популяризации наследия Укека Саратовским областным музеем краеведения создавались выставки находок с Увецкого городища «Тайны древнего города» и «Прикосновение к прошлому». С 2012 г. проводится фестиваль исторической реконструкции «Один день из жизни средневекового города» на Увеке, автором которого выступил археолог Д.А. Кубанкин. В нем приняли участие реконструкторы с разных городов России. Гости могли самостоятельно отчеканить сувенирную монету, изготовить глиняную посуду, пострелять из лука и арбалета, увидеть выставку находок с ежегодных раскопок [16, с.14-15].

Золотоордынский город Укек – один из ранних городов, основанных монголами на Волге. В результате раскопок и сборов получены находки, свидетельствующие о раннем этапе становления золотоордынской культуры в XIII в. Население города было многонациональным, исповедующим различные религии, с доминированием ислама в XIV в. Процент древнерусского населения был значителен, обнаружен христианский квартал с храмами. Изучение городища затруднено плотной жилой застройкой, поэтому раскопки проводятся на отдельных участках и не носят сплошной характер. Научное исследование сопровождается активной популяризацией полученных знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. Москва. Петроград. Мосполиграф, 1923.
2. Голицын Л.Л. Краснодубровский С.С. Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека. Типография Губернского земства. Саратов, 1890.

3. *Джиованни дель Плано Карпини*. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Ред., вступит. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957.
4. *Духовников Ф.* Раскопки и находки на Увеке. Московские ведомости, №284. М.:, 1895.
5. *Духовников Ф.* Несколько слов о старинной татарской постройке на Набережном Увеке. Саратовский листок, 3 апреля, 1896.
6. *Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Рассказова А.В., Куфтерин В.В.* Антропологические исследования северо-западного некрополя Увецкого городища // Вестник Московского университета.- Серия XXIII. – Антропология. Москва, 2013.
7. *Книга Марко Поло*. Пер. старофранцузского текста И.П. Минаева. Ред. И вступит. Ст. И.П. Магмдовича. М.: Географиз, 1955.
8. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII– XIV вв. – М., 2009.
9. *Кубанкин Д.А.* Неопубликованная рукопись А.А. Кроткова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии». Поволжский край (12). Саратов, 2005.
10. *Кубанкин Д.А.* Древнерусское население золотоордынского города Уке- ка // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. – СПб.; М.; Великий Новгород, .,2011.
11. *Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки на Увеком городище в 2005-2008 гг.// Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета, 2012.
12. *Кубанкин Д.А.* Русская община золотоордынского города Уека // Поволжская археология. - Казань: ЗАО "ИД Казанская недвижимость", 2012б.
13. *Кубанкин Д.А., Масловский А.Н.* Предметы импорта с Увецкого городища (Случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения).// Поволжская археология. Казань, 2013.
14. *Кубанкин Д.А.* Древнерусский слой золотоордынского города Уека (материалы археологических исследований 2010-

2012 гг.)// Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XVI в.). Самара: Офорт", 2013а.

15. *Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки на Увекском городище в 2008-2009 гг., Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Научная книга, 2013б.

16. *Кубанкин Д.А.* Прикосновение к прошлому. Историческое эссе (буклет). Саратов, 2014.

17. *Кубанкин Д.А.* Армяне в золотоордынских городах Поволжья.// Археологическое наследие Саратовского края, Саратов, 2014а

18. *Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки на Увекском городище в 2012-2013 гг. (предварительное сообщение).// Археологическое наследие Саратовского края. - Саратов, 2014б.

19. *Лебедева Е.Ю., Кубанкин Д.А.* Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке.// Краткие сообщения института археологии. Вып. 236. Москва, 2014.

20. *Сингатулин Р.А.* Отчет об археологических разведках на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова и прилегающей акватории Волгоградского водохранилища. Архив ИА РАН. Р-126196. Саратов, 2005.

21. *Сингатулин Р.А.* Археологические исследования на Увекском городище.// Археологическое наследие Саратовского края 7. Саратов: Научная книга, 2007.

22. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. (Извлечения из сочинений арабских). СПб.:Тип. Имп. АН, 1884.

МУЗЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

MUSEUM PRACTICES IN PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

МУЗЕЙНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРАКТИКАХ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРИМИРЕНИЯ

© 2017 В.И. Ионесов

Самарский государственный институт культуры
(Самара, Россия)

Аннотация. В статье предпринята попытка переосмыслить опыт деятельности такого особого института миротворческой практики как музей мира и ненасилия. Есть несколько причин рассматривать музей мира (миротворчества) как культурную деятельность и креативную практику. Во-первых, музей мира выступает как институт культивирования опыта и образцов социальной практики посредством включения артефактов миротворчества в диалог с людьми. Во-вторых, в отличие от стандартных толкований, мы утверждаем, что предметные экспозиции музея мира могут быть полезными для общества лишь тогда, когда это прошлое удаётся креативно связать и актуализировать с настоящей жизнью. В-третьих, оставляя и выставляя артефакты миротворчества только в качестве экспонатов прошлого мы, тем самым, консервируем и даже умертвляем их, лишая их жизненной сопричастности с современностью. Речь идёт об опасном синдроме отстранения меморативной вещи от живой повседневной практики, насущных запросов бытия. Отталкиваясь от этих постулатов, рассмотрим музей мира как площадку коллекционирования и экспонирования артефактов миротворчества и ненасилия.

Ключевые слова: музей мира, миротворчество, артефакты, коммуникация, культурная практика.

Что такое музей мира и какова его социальная миссия в условиях глобальных перемен и вызовов человечеству? Для того чтобы разобраться с этим вопросом нужно, прежде всего, определить и понять значение такого важного феномена культурной жизни как музей, т.е. дать некоторые пояснения относительно данного понятия.

Музей выступает в современной культуре в самых разных проекциях. Так, музей это: 1) место коллекционирования и сохранения исторически значимых артефактов; 2) институт репрезентации социальных ценностей; 3) витрина образцов художественно-эстетического творчества; 4) механизм

ретрансляции и передачи памяти (опыта); 5) технология культурной коммуникации; 6) объект социокультурного проектирования и креативной практики. Одновременно *вещи как образцы миротворчества* выражают опыт культуры ненасилия и примирения и потому становятся наиболее востребованными в самых неотложных и драматичных ситуациях современности.

Однако в своей основе все эти проекции обусловлены взаимодействием между социальными и предметными артикуляциями культуры. Иначе говоря, речь идёт об отношении человека и вещи. Люди создают вещи и вкладывают в них не только свою энергию (деятельность), но и своё видение мира, ценностные представления, чувственно-художественные переживания, социальный опыт. По существу, вещь выражает, фиксирует и удерживает гармонию той части мира, из которого она сделана. Ведь всякая поделка, так или иначе, воплощает в себе заданный человеком порядок. У каждого предмета свой порядок. В зависимости от структуры этого порядка будет определяться функция того или иного предмета (ружьё, чайник, книга, телефон, очки, скульптура, плакат, ручка и пр.). Когда-то изготовленная вещь не только хранит память о своём времени, его социальных и художественных ценностях, но и показывает нам то, для чего она была сделана, то, в чём человек больше всего нуждался, к чему стремился. Тем самым, «веществование есть приближение мира» (М.Хайдеггер).

Бесспорно, музей мира выступает важнейшим институтом сохранения и визуализации исторической памяти. И когда культура переживает на себе экспансию инноваций и глобальных вызовов, именно музеи мира могут стать стратегией креативных действий и гуманистических преобразований. Но как сделать меморативные объекты и музейные институты эффективным инструментом современной культурной политики и гуманистической практики?

Здесь представляется важным рассматривать музей мира как коммуникативное пространство и опыт примирения в диалоге вещи и человека. Музейные артефакты позиционируются в качестве актуальных участников современных событий в двух ракурсах видения. *Исторические артефакты как экспонаты*

музея и опыт пережитого (образцы прошлого) обретают свои смыслы и значения лишь в соприкосновении с настоящим, включаясь в диалог по самым последним вызовам сегодняшней жизни.

Отметим, что «всякая вещь – это главным образом ряд условий, выполнение которых создаёт её возможность» (Ортега-и-Гассет). Так в цикле культурно-генетической трансформации вещи можно различать несколько последовательных вычленений или модусов: 1) *конкретизирование* (выбор и обособление объекта, материал изготовления – от лат. *concretus* – густой, сгущённый уплотнённый); 2) *позиционирование* вещи (матрица, физическая среда и положение объекта); 3) *конструирование* (оформление, морфологическая упорядоченность – от лат. *construere* – создавать); 4) *проектирование* (организация отношений с внешним миром, включение в социум – от лат. *projectus* – брошенный вперёд); 5) *проецирование* (визуальная экранизация и коммуникация вещи). Конечным пунктом культурно-генетической трансформации вещи собственно и выступает её визуально-художественная проекция или символическая персонификация, где вещь становится персонажем, обретает событийность и сюжетность.

THE MUSEUM STRATEGIES IN PRACTICES OF SOCIAL AND CULTURAL RECONCILIATION

© 2017 V.I. Ionesov
Samara State Institute of Culture
(*Samara, Russia*)

Abstract. There are several reasons to consider a peace museum as a cultural activity and creative practice. First, a peace museum acts as an institution of cultivation of experience and social practice by incorporating the artifacts of peacemaking in a dialogue with people. Second, unlike standard interpretations, we argue that the object expositions of a peace museum can be useful to the society only when they manage to creatively link this past and update it with current experience. Third, leaving and exposing the artifacts of peacemaking only as exhibits of the past, we, thus,

conserve and even sacrifice them, depriving them of vital communion with modernity. We are speaking about a dangerous syndrome of the discharge of a memorative thing from life's daily practice.

Keywords: museum for peace, peacemaking, artefacts, communication, cultural practice.

Probably, each of us has acquaintances who do not really like to go to museums. And so, it might be difficult to persuade a friend to visit a museum. On the question of what caused this reluctance, he says, "It is dull, lifeless, and detached there!" One must admit that it is a very common situation that obligatory visits to museum are often dreaded instead of being keenly anticipated. Why is this so? To answer this question, it is necessary to clarify the modern sense and meaning of the basis on which museums arise, i.e. history itself and its most responsive values - artifacts of peacemaking and nonviolence that are presented in the respective museums.

Let's try to figure it out. First of all, it is necessary to distinguish between heritage, as 1) a memorative repository of stories and values from heritage, and 2) a vital substrate through upon which one can reflect on conditions in the modern world. In her recent study of cultural mission of the modern museum Claire Bishop (after W. Benjamin) distinguishes between two kinds of stories: the first as the keeper of the sacred memory heritage, which commemorates triumphs, and the second as a way of requalification and identification of issues of today, seeking out "in the past a source of the present historical moment", that is "the determining motivation of our interest to the past... Rather than think about the museum collections as repositories of treasures, we could rethink of them as public archives" [1, p. 72], that is as sort of resource-consulting centers of culture, visualizing alternatives for development and encouraging us to active transformative social practice.

The world changes, the heritage remains. And in this situation the contradiction between the history of the past and the reality of the present is exacerbated, i.e. between the sense of whom and to what the heritage is serving and of how it is involved in the transformation of modern culture. In other words, the question arises: how to make the heritage modern, attractive and creative for the present? For only in this case, can history truly serve a protective lesson and function for

modern day culture. To protect requires connecting the past, the present and the future. After all, the past does not live in the past, it becomes such (the past) by and for the sake of the present. Thus, the past finds its constructive function through its widespread and responsible involvement in the actual practice of the present.

It seems that peace museums can become not only institutions of harmonization and removal of these contradictions, but also a catalyst for positive change. After all, nothing in heritage is so visibly and fundamentally in contact with modernity as peace and peacemaking. This is at least partially because peace as a model of ideal coordination of interests has no past as such. Whereas the texture of the heritage is always a material of the past. In a sense, peacemaking experience is the part of the past that most completely expresses itself through the present. In essence, there is no peace in the past. Peace is always in the present.

Therefore, peace must be considered as the part of the heritage that, towering over the past (but without coming off it!), links it with the present and overwhelmingly influences the future. In our view, this is not only a problem, but is also a part of its solution. We argue that management of heritage in contemporary museum practice can be effectively implemented on the basis of the creative experience of museums of peace and nonviolence. Peacemaking values as memorative objects are most strongly directed to the present. Ideas and artifacts of peace give to the historical heritage of the past the necessary vital dynamics and by that reveal their constructive potential for modern transformations.

After all, any absolute needs something to revolve around it. Losing this rotation, it inevitably ceases to be an absolute. Values are not values by themselves, but rather they become such only when surrounded by those who yearn for them. Without this attraction, values lose their significance. It is indicative that we speak of the most valuable object (thing) as being “invaluable”. It enables us to assume that a museum comes to life and grows with its links with what lies outside of it, in the big and hectic modern life. Creative practice in the museum's policy is the ability to coordinate and harmonize space and time, a human and an object, traditions and innovations, and, at times, to skillfully connect the unconnected.

The museum serves many functions in contemporary culture. For example, the museum is: 1) a place of collecting and preserving of historically significant artifacts; 2) an institution of a representation of social values; 3) a showcase of samples of artistic and aesthetic creativity; 4) a mechanism of retranslation and transmission of historical experience; 5) a transmitter of cultural communication; 6) an object of socio-cultural design and creative practice. At the same time, *artefacts of peacemaking* express an experience of the culture of nonviolence and reconciliation, and therefore they become the most in demand in urgent and dramatic situations [6].

Undoubtedly, peace museums act as an important institution of preservation and visualization of historical memory. And when cultures experience an expansion of innovations and global challenges, peace museums can become a strategy for creative actions and humanistic transformations. But how does one make memorative objects and museum institutions an effective tool of modern cultural policy and humanistic practice?

Here it is important to consider a peace museum as a communicative space and as an experience of reconciliation in the dialogue of an object and a person. Museum artifacts are positioned as the actual characters of current events in the two angles of vision. The historic artifacts like museum exhibits and the experience of going through these samples of the past acquire their meaning and significance only in contact with the present by engaging in a dialogue on the latest challenges of today's life.

So in a cycle of cultural and genetic transformation of a thing, we can distinguish several consecutive articulations or modes: 1) *concretization* (selection and separation of an object), material it is made of - from Latin *concretus* - thick, condensed, compacted); 2) *positioning of object* (matrix, physical environment and location of the object); 3) *design/ construction* (layout, morphological ordering - from Latin *construere* - create); 4) *project management/ projecting* (organization of relations with the outside world, inclusion in the society - from Latin *projectus* - thrown forward); 5) *projection* (visual screening and communication of a thing). The final destination of cultural and genetic transformation of things actually performs its

visual-art projection or symbolic personification, where the thing becomes a character, acquires eventfulness and a plot [5].

So, there are several reasons to consider a peace museum as a cultural activity and creative practice. *First*, a peace museum acts as an institution of cultivation of experience and social practice by incorporating the artifacts of peacemaking in a dialogue with people. *Second*, unlike standard interpretations, we argue that the object expositions of a peace museum can be useful to the society only when they manage to creatively link this past and update it with current experience. *Third*, leaving and exposing the artifacts of peacemaking only as exhibits of the past, we, thus, conserve and even sacrifice them, depriving them of vital communion with modernity. We are speaking about a dangerous syndrome of the discharge of a memorative thing from life's daily practice.

Thus, modern communicative practice appears in a creative society in the form of a new dramatic art and a culture of participation. Multimedia revolution puts forward not only efficient technologies of interaction between subjects and objects of culture, but also it constructs for them trans-subject narratives and scenarios for participation in events, offering various combinations of interactivity and motivating a search for new forms of creativity and transformation alternatives [8].

Peace museums appear as a sphere of cultural participation and citizen diplomacy. Museum culture through artifacts of peacemaking provokes life and causes emotions, records experience, makes the world sensitive, concrete, contactable, and forces us to change. It is obvious that the way of transformation of culture lies through the promotion of creative practice based less on behavioral standards, but rather on the principle of action and creative participation [2; 3]. *Culture of participation* can be regarded as a paradigm of positive changes and a scenario of designing a new communication environment.

Therefore, museum artifacts as patterns of cultural peacemaking are not just what we store and display in a museum, but also what is included in the design of a creative environment and communicative space of cross-cultural dialogue, that is, they become a factor in social change. This is clearly demonstrated by the socio-cultural projects of

the Samarkand Museum of Peace and Solidarity (Uzbekistan) and creative practices of Samara Society for Cultural Studies "Artifact - Cultural Diversity" (Russia) [4-7].

REFERENCES

1. Bishop, C. 2014. *Bishop, K. Radikal'naya muzeologiya, ili tak li "sovremeny" muzei sovremennogo iskusstva.* – Moskva: Ad Marginem Press. – 96 s.
2. Hawkins, J. 2011. *Hawkins, J. Kreativnaya ekonomika: kak prevratit' idei v den'gi.* – Moskva: Klassika-XXI. – 256 s.
3. Joas, H. 2005. *Joas, Kh. Kreativnost' deistviya.* – Sankt-Peterburg, Aleteya. – 320 s.
4. Ionesov, A.I. 2014. *Ionesov, A.I. and Ionesov, V.I. Malaya entsiklopedia Samarkandiany: Kultura, ob'edinyayuschaya mir / A Concise Encyclopedia of Foreign Samarkandiana: Culture Linking the World* 2014. – Samara: Vek #21. – 389 s.
5. Ionesov, V.I. 2012. *Ionesov, V.I. Veschi v prostranstve kultury: Predmety, menyaiusche mir / Creative Economics and Social Innovations: International E-journal.* – Issue 2 (2) 2012 (Samara, Russia) – S. 75-94
6. Ionesov, V.I. 2008. *Ionesov, V.I. Veschi, kotorye dvizhutsya, ili bytie na granitsakh / Ionesov, V.I. (Ed.) Transformations: Risk, Crisis, Adaptation.* – Samara: Vek #21. – S.165-175 c.
7. Ionesov, A.I., Ionesov, V.I. 2001. *The International Museum of Peace and Solidarity in Samarkand // For the Love of Life, Theosophical Order of Service, Tucson (USA), Issue № 61, Summer.* – P.57-62
8. Pachter, M., Landry. Ch. 2003. *Pakhter, M., Lendry, Ch. Kultura na pereputie. Kultura i kulturnye instituty v XXI veke.* – Moskva: Klassika-XXI. – 96 s.

МУЗЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 Н.В.Федорова

Научный центр изучения Арктики

(Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме актуализации археологического наследия в музейно-выставочной деятельности на примере северных территорий России. Северная земля бережнее хранит прошлое, здесь глубже корни культуры, живее мифология, здесь прошлое и будущее сплетены в один цикл творения. Важным фактором является наличие в г. Салехарде, столице Ямало-Ненецкого автономного округа, современного музейного комплекса, где происходят различные выставочные мероприятия, сочетающие археологический материал и артефакты современной этнографии коренных народов. Внимание автора сосредоточено на трех выставках: «Сокровища Приобья», «Душа севера» и «Две тысячи лет искусства Ямала». Все три выставки базировались на экспонировании произведений искусства, и именно в них наиболее ярко отражены идеи расширения пространства и диалога культур.

Ключевые слова: археологическое наследие, музейно-выставочная деятельность, археология, этнография, диалог культур.

MUSEUM EXHIBITIONS AS A MEANS OF ACTUALIZATION OF THE AINCIENT AND MODERN CULTURE OF THE NORTH

© 2017 N.V. Fedorova

Arctic Research Center

(Salekhard, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia)

Abstract. The article deals with the actualization of the archaeological heritage in the museum and exhibition activity on the example of Russian northern territories. North earth Cherishing the past, there is a deeper cultural roots alive mythology, here the past and future are intertwined in a cycle of creation. An important factor is the presence in the city of Salekhard, the capital of the Yamalo-Nenets Autonomous District, the modern museum

complex, where there are various exhibition events, which combine archaeological material and artefacts of modern ethnography of indigenous peoples. The author's attention is concentrated on three exhibitions: "Treasures of the Ob", "northern soul" and "Two thousand years of art Yamal". All three exhibitions based on the original works of art, and that they most clearly reflected the idea of expanding space and the dialogue of cultures.

Keywords: archaeological heritage, museum and exhibition activities, archeology, ethnography, cultural dialogue.

Ряд особенностей северных территорий в пределах современного Ямало-Ненецкого автономного округа позволяют успешно актуализировать археологическое прошлое в музейно-выставочной деятельности. Во-первых, это необыкновенная по сравнению с другими арктическими регионами сохранность традиционной культуры коренных народов Севера, позволяющая рассматривать ее в системе постоянного, многомерного диалога прошлого и настоящего. Во-вторых, действующая в течение нескольких десятилетий государственная поддержка археологических изысканий. В-третьих, наличие великолепной площадки для реализации музейных проектов – Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С.Шемановского (г. Салехард). На этой площадке систематически осуществляются различные выставочные мероприятия, сочетающие археологический материал и артефакты современной этнографии коренных народов.

Музейно-выставочный комплекс в г. Салехарде, образованный в 2002 году на основе окружного краеведческого музея, является преемником одного из старейших в Сибири музея в с. Обдорском (современный Салехард), который был открыт в 1906 году известным деятелем православной церкви – отцом Иринархом (в миру – И.С.Шемановский) [1]. Первоначально он назывался «Хранилище коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера», но практически с самого начала его функционирования в фондах музея появляются археологические артефакты из сборов и – позднее – раскопок, проводимых в Нижнем Приобье различными исследователями.

В настоящее время археологические фонды музея являются наиболее значительными и по количеству экспонатов, и по их качеству, что позволяет организовывать самые различные по своей направленности и охвату материала выставки. Наибольшим успехом пользовались такие проекты, как: «Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья», «Душа севера: сотворение миров», «Дом и мир на Полярном круге: традиционные культуры циркумполярной зоны Западной Сибири», «Дети на Севере», «Две тысячи лет искусства Ямала», «Происхождение ямальского оленеводства», «Urbi et Orbi» (Граду и Миру). Основной идеей всех этих проектов стала идея конструирования гармоничного пространства культуры и природы Севера в диалоге древности и современности, в котором складывается самоопределение человека, его место под солнцем.

Подробно рассмотреть все эти выставки в заданном объеме статьи абсолютно не возможно, поэтому внимание автора будет сосредоточено на трех из них: «Сокровища Приобья», «Душа севера» и «Две тысячи лет искусства Ямала», так как именно в них наиболее ярко отражены идеи расширения пространства и диалога культур. Все три выставки базировались на экспонировании произведений искусства.

Искусство ямальского Севера, и - в общем - циркумполярной зоны Евразии, крайне мало известны «граду и миру». Но уж когда они выставляются – оставляют поистине ошеломительное впечатление, которое не всегда поддается рациональному объяснению. Возможно потому, что северная земля бережнее хранит прошлое, здесь глубже корни культуры, живее мифология. Здесь прошлое и будущее сплетены в один цикл творения, а художник участвует в нем как соавтор, демиург, интерпретатор.

Выставка «Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья» была организована в содружестве с Государственным Эрмитажем. Экспонаты для нее предоставили оба музея - участника. Это уже вторая выставка «Сокровища Приобья», первая прошла в Эрмитаже в 1996 году [2]. Отдельные ее экспонаты впоследствии выставлялись в музее Метрополитен

в Нью-Йорке и некоторых других музеях Европы и Америки. Необходимо пояснить, что на обеих выставках были представлены сокровища в полном смысле этого слова, причем до сей поры, практически, никому в мире не известные. Экспонировались, причем иногда впервые, 32 серебряных сосуда, привезенных на север Западной Сибири из Византии, Ирана, Западной Европы, Волжской Болгарии, Золотой Орды, серебряные украшения, выполненные в технике зерни и скани, части парадного вооружения, художественные бронзы, изготовленные в бронзолитейных центрах Западной Сибири – всего более 60 предметов. Основная задача выставки, прошедшей в стенах МВК им. И.С.Шемановского, помимо демонстрации великолепных произведений средневекового искусства, заключалась в зримом представлении идеи о расширении пространства ойкумены для населения приобского севера, установлении им взаимодействия с центрами средневековых цивилизаций Евразии.

Каждый художник творит свой мир. Но лишь настоящий мастер вновь и вновь воспроизводит в своих творениях вселенную, в которой вместо солнца – искра Божья. Сотворенное им напоминает миф - просто с виду и глубоко по сути. Может быть именно поэтому древняя мифология пронизывает творчество художников Севера, не разорвавших свою глубокую связь с землей, на которой они родились и выросли. Связи древней мифологии и современности, восприятию окружающей природы и своего места в ней была посвящена выставка «Душа Севера: сотворение миров» [2].

Искусство мастеров-косторезов – самое древнее на Земле, ему более 30 тысяч лет. Уже несколько десятков тысяч лет из сочетания кость-резец-мастер возникают маленькие вселенные, теплые, как материал, из которого они созданы. Те немногие, что дошли до нас, вдохновляют современных мастеров, протягивают луч из прошлого в будущее, замыкают цепь традиций.

В соответствии с основной идеей, выставка слагалась из двух компонентов. Ямальская древность демонстрировалась на совместной с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) РАН экспозиции «Усть-Полуй: 1 в. до н.э.»,

большая часть экспонатов которой представляла собой шедевры древнего косторезного искусства – изображения птиц и зверей местной фауны [3]. Второй компонент – выставка работ современных мастеров-косторезов северных регионов России и наиболее представительная среди них коллекция – работы ямальских мастеров.

Диалогу древности и современности на языке искусства была посвящена и выставка «2000 лет искусства Ямала». На ней представлялись предметы искусства разных видов и жанров: орнамент, скульптура и пластика, графика, живопись. Временные рамки охватывали период более чем двух тысяч лет: от древности до современности. Основными целями экспозиции были, во-первых, показ искусства западносибирского Севера в единстве образного строя, художественных приемов, материала, традиционных сюжетов. Во-вторых - демонстрация общего магистрального пути развития искусства региона, обусловленного базовой традиционной культурой народов Ямальского Севера.

Предметы искусства выставлялись вне зависимости от их хронологической принадлежности, экспонатами были артефакты из археологических коллекций МВК им. И.С.Шемановского и творения современных художников – скульпторов, графиков, мастеров прикладного искусства: керамика, костяная и деревянная скульптуры, бронзовое литье, изделия из бересты. Наиболее интересным для раскрытия основной идеи выставки оказалось совместное экспонирование древней и современной – как этнографической, так и художественной – графики, показавшей наглядно не вполне осознаваемую в наше время общность образного строя культур севера, преемственность не только сюжетного строя произведений, но и их художественного воплощения.

Закончить тему хочется цитатой из статьи Г.Ю. Мысливцевой, активного участника художественной жизни города Омска и Сибири в целом, вдохновителя и организатора ярких выставочных проектов, профессионала, постоянно искавшего новые возможности музейной работы: «Сравнение музея с книгой и храмом давно стало привычным и

воспринимается, как стершаяся метафора. Попытка оживить эту метафору уводит нас в глубокую древность, в те эпохи человеческой цивилизации, когда музея в его настоящем понимании не существовало. Наука, религия, философия, искусство, воспитание, политика входили в единый синкретический культурный комплекс, в котором можно обнаружить компоненты таких сформировавшихся позже институтов трансляции культуры, как храм, школа и музей». Sapienti sat, лучше не скажешь...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шеманского* // www.mvk-yamal.ru
2. *Сокровища Приобья* (каталог выставки) / СПб: «Формина», 1996. 228 с.
3. *Усть-Полуй. I век до н.э.* / Каталог выставки в МАЭ. Салехард, СПб, 2003. 76 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МУЗЕЯ САМАРКАНДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2017 Н.А. Аванесова

Самаркандский государственный университет
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена музеям, как учреждениям культуры, которые сохраняют подлинные творения всех этапов истории человеческой цивилизации. Подлинность и абсолютная достоверность музейных коллекций делает их уникальным источником передачи традиций, знаний и материальных ценностей, накопленных человечеством, новым поколениям. Последнее обстоятельство очень важно, особенно для молодежи, поскольку музеи сочетают возможности образования и воспитания, формируют чувство глубокого уважения к своим корням и национальному культурному наследию. В статье рассмотрена история формирования археологического музея Самаркандского университета, его задачи и направления деятельности.

Ключевые слова: музейные коллекции, Научно-исследовательская и просветительская работа, музейная коммуникация, национальное культурное наследие.

THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE MUSEUM OF SAMARKAND UNIVERSITY: SOCIAL ASPECTS

© 2017 N.A. Avanesova

Samarkand State University
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. The article is devoted to museums as cultural institutions, which preserve the original creation of all stages of the history of human civilization. The authenticity and the absolute accuracy of the museum collections makes them a unique source of transmission of traditions, knowledge and wealth accumulated by mankind, new generations. The latter circumstance is very important, especially for young people, because the museum combine education and training opportunities for the respect of its roots and national cultural heritage. The article describes the history of the

formation of the archaeological museum of the University of Samarkand, its objectives and activities.

Keywords: museum collections, the research educational activities, museum communication, national cultural heritage.

В современном мире музеи являются единственным учреждением культуры, которые сберегают подлинные творения всех этапов истории человеческой цивилизации. Последнее делает их уникальным в своем роде источником передачи традиций, знаний и материальных ценностей, накопленных человечеством, новым поколениям, которым всегда будет важна и необходима история Отечества как пример, как источник вдохновений [9].

Историческая основа формирования Музея археологии (МА) при историческом факультете Самаркандского университета (СамГУ) была заложена в 1947 г. и связана с первыми археологическими изысканиями вуза под руководством Д.Н. Лева, созданием археологического кабинета первобытной культуры. Позже, в 1967 году, на базе последнего был организован Музей-лаборатория по историко-археологическому изучению городища Афросиаб под руководством М. Д. Джуракулова. Материалы, накопленные сотрудниками кафедры археологии в результате стационарных и разведочных археологических исследований на территории Среднеазиатского междуречья, послужили научным фундаментом для открытия в 1989 г. Музея археологии СамГУ [1-6; 10-12]. С этого времени реально наблюдается его становление как научно-исследовательского культурно-просветительного учреждения.

Назначение нашего музея – осуществлять сбор, экспонирование, изучение и популяризацию древних памятников материальной и духовной культуры, являющихся первоисточниками знаний о развитии, истории ранних, древних и средневековых обществ Узбекистана.

Задачи МА СамГУ определяются ее основными функциями. Это учебно-вспомогательная, научно-исследовательская и просветительская деятельность.

В Фондах музея на постоянном хранении находится более 30 коллекций общим количеством свыше 58 тыс. единиц,

представляющих научную и художественную ценность по истории Узбекистана. Суммарная количественная оценка археологических артефактов впечатляет. Они получены в результате археологических исследований, проведенных в различные годы: в пещерной стоянке Аман-Кутан, Самаркандском верхнепалеолитическом памятнике, на поселениях неолитической сазаганской культуры, некрополей эпохи бронзы Бустон VI-VII и др. Особое место в музейном пространстве занимают артефакты ритуальных практик сапаллинской культуры (II тыс. до н.э.) [2-4;13]. Материалы фондов получили широкую известность среди археологической общественности, как в Средней Азии, так и за рубежом. Исследования в Зеравшанской долине и на юге Узбекистана вносят важные коррективы в изучении научных проблем по древнейшей и урбанистической истории региона. Они отражают историческую летопись региона почти всех эпох – начиная с мустьерского времени (80-40 тыс. до н. э.) до начала I тыс. до н. э. Кроме того, экспозиции включают ценные экспонаты из раскопок городища Афросиаб, касающиеся истории города Самарканда (IX-XI вв.). Здесь же демонстрируются ценнейшие нумизматические коллекции и клады из случайных сборов и археологических раскопок. Экспозиции выстроены в хроникально-документальном порядке, иллюстрируют развернутую картину истории края.

Особенность нашего музея состоит в том, что здесь экспозиции традиционного музея сочетаются с учебным процессом университета. Более того, историко-археологические памятники нашего музея служат основой для дальнейшего развития национального самосознания. Главным источником пополнения коллекций МА является полевая археологическая практика студентов-первокурсников, предусмотренная программой высшей школы. Основная деятельность МА направлена на:

организацию учебно-вспомогательного процесса, включающего:

- проведение кафедрой археологии лекционных, специальных, факультативных курсов с использованием

экспозиций и фондов, способствующих качественному освоению исторического наследия родного края, а также активизации познавательной деятельности студентов;

- практическое изучение вещественных источников студентами, магистрами через реставрацию, консервацию и камеральную обработку археологических материалов. При этом основной задачей является историческая реконструкция техники и производства, формы хозяйства и социального строя;

- комплектование учебных коллекций и демонстрационных пособий по соответствующим учебным разделам с целью реализации в педагогическом процессе принципа наглядности;

- использование археологических источников при написании рефератов, курсовых, выпускных исследований и диссертаций.

Научно-исследовательская работа:

- комплектование фондовых коллекций через археологические экспедиции, учебно-полевую практику и научно-поисковую работу по изучению каменного века и эпохи палеометалла Узбекистана;

- фондовая и камеральная обработка материалов с помощью инновационных технологий – создание электронного каталога;

- обновление экспозиции с учетом новых открытий и возросших требований современности через постоянно действующий семинар «Древний и современный Узбекистан»;

- монографическое изучение и публикация отдельных коллекций;

- создание электронного банка данных всего объема археологических фондов, охватывающего широкий пространственный и временной диапазон (от палеолита до средневековья), что будет способствовать более эффективному использованию материала в качестве одного из инструментов реконструкции культурно-исторических процессов.

Просветительская работа:

- популяризация достижений науки о древности среди школьников, студентов и магистров через тематические вечера: «Путешествие в эпоху героев», «Как выглядели люди эпохи палеолита», «Человек – царь природы или ее часть?», «Как ученые узнали, какой климат был в древности», «Охраняем прошлое – традиции и новации», оживляющие историческую память и позволяющие создать объективное представление о научной значимости, художественной ценности, исторической уникальности материалов археологического музея;
- проведение конференций, направленных на решение одной из основных воспитательных задач – окунувшись вглубь веков, углублять и расширять знания молодежи по духовной культуре Отечества;
- разработка и внедрение в повседневную практику внеаудиторных мероприятий (викторины, диспуты, экскурсии по историческим памятникам и т. д.), направленных как на воспитание у молодежи интереса и уважения к местным этническим культурам, так и сохранение национальных традиций;
- предоставляет справочно-консультативные услуги в виде: помощи в образовательной и просветительной деятельности через доступ к фондам развивающего возможности самообразования.

В повседневной деятельности МА мы решаем большую и трудную задачу – стать центром информации, важнейшей лабораторией культуры, а не просто хранилищем материальных ценностей. Особенность музейной коммуникации, принципиально отличающей ее от других средств массовой информации, состоит в том, что, будучи основанной на оригиналах, она абсолютно достоверна. Последнее обстоятельство очень важно, особенно для молодежи, которая, несмотря на свойственный ей возрастающий скептицизм и нигилизм, высоко ценит подлинные факты. Археологические материалы нашего музея являются тем фундаментом, на основе

которого могут быть решены актуальные задачи научно-исследовательской работы бакалавров и магистров. И не только. В том же ряду они сочетают возможности образования и воспитания, доставляют огромное эстетическое наслаждение, прививают любовь к прекрасному, формируют чувство глубокого уважения к своим корням и национальному культурному наследию. Сосредоточив в своих фондах огромную коллекцию древностей, МА стал хранителем одного из крупнейших и интереснейших археологических собраний Узбекистана. Главная заслуга здесь бесспорно принадлежит сотрудникам Кафедры археологии СамГУ.

В настоящее время обсуждаемый музей востребован, активно посещается и высоко оценивается не только студентами, но и коллегами из дальнего и ближнего зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991
2. *Аванесова Н. А.* Археологический музей-лаборатория Самаркандского госуниверситета // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ, посвященной 100-летию со дня рождения Д. Н. Лева. Самарканд, 2006
3. *Аванесова Н. А.* Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. Вып. I. Москва, 2012
4. *Аванесова Н. А.* Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013
5. *Джуракулов М. Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита каменного века в Средней Азии. Ташкент, 1987
6. *Джуракулов М. Д., Холматов Н. У.* Мезолит и неолит Среднего Зеравшана. Ташкент, 1991
7. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // В сборнике: Наследие и гуманизм:

культурная антропология на службе человечества. Материалы Международной научной конференции: посвящается 100-летию и памяти Анны Хознварт-Герлахштайн. Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарская государственная академия культуры и искусств»; Международная комиссия по срочным антропологическим исследованиям; Самарское культурологическое общество «Артефакт - культурное разнообразие». – Самара: Век #21, 2010. – С. 58-87.

8. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.

9. *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). – С.75-81.

10. *Лев Д. Н.* Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования 1953-1954 гг.) // Труды УзГУ. Новая серия. Вып. 61. Самарканд, 1956

11. *Лев Д. Н.* Поселение древнего каменного века в Самарканде // Труды СамГУ. Вып. 35. Самарканд, 1964

12. *Холматов Н. У.* Мезолит и неолит Нижнего Зеравшана. Ташкент, 2007

13. *Ionesov, V.* Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice // *Current Anthropology*. 1999. V. 40. № 1. – P. 87-89.

ВОПРОСЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ)

© 2017 Ж.З.Ахмедов

Национальный институт художеств и дизайна имени
Камолиддина Бехзода (*Ташкент, Узбекистан*)

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения и музеефикации археологических памятников в Ферганской долине. Работы по государственной защите памятников археологии были положены еще в середине прошлого века. В настоящее время основным организатором работ по сохранению культурного наследия данной территории выступает Институт Археологии АН РУз, часто совместно с международными организациями (Общественным фондом имени Бабура и Институтом археологии Китайской Академии общественных наук). В то же время остается угроза разрушения уникальных памятников. Можно указать такие причины сложившейся ситуации: сооружение из сырцового кирпича, не устойчивого к погодным воздействиям, и отсутствие консервации таких построек после проведения археологических раскопок. Возникает необходимость включения отдельных археологических памятников в «Перечень Всемирного наследия вдоль Шелкового пути», в том числе музеефикация исторической Старогородской части Андижана.

Ключевые слова: археологические памятники, музеефикация, консервация, сырцовая архитектура, Всемирное наследие, шелковый путь.

THE ISSUES OF MUSEUMIFICATION OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS (On the example of the Fergana Valley)

© 2017 J. Z. Akhmedov

National Institute of Arts and Design named after Kamoliddin
Behzod (*Tashkent, Uzbekistan*)

Abstract. The article is devoted to the preservation and museumification archaeological sites in the Fergana Valley. Works on State

protection archaeological monuments were put back in the middle of the last century. Currently, the main organizer of the work on the preservation of cultural heritage of this area stands the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan, often in collaboration with international organizations (Public Fund Babur and the Institute of Archaeology of the Chinese Academy of Social Sciences). At the same time there is a threat of destruction of the unique monuments. You can specify the reasons for this situation are: the construction of mud brick is not resistant to weathering and the lack of conservation of the buildings after the archaeological excavations. It should be the inclusion of individual archaeological sites for inclusion in the "List of World Heritage Sites along the Silk Road", including transforming of the Old Town part of the historic museum of Andijan in museum.

Keywords: archaeological, museumification, conservation, raw architecture, World Heritage, the Silk Road.

С конца XIX века начата работа по научно обоснованному изучению, реставрации и классификации культурного наследия территории Узбекистана. Сделаны первые шаги по изучению материальных культурных памятников, собраны вещественные материалы и был открыт путь к будущим исследованиям. Особо следует подчеркнуть деятельность таких организаций как “Турккомстарис”, “Средазкомстарис”, “Узкомстарис”, в которых работали ведущие ученые того периода.

Как свидетельствуют источники, начиная с 50-годов до конца 80-годов прошлого века, в Узбекистане были уничтожены около 20 тысяч исторических памятников, приблизительно 2,5 тысячи вновь найденных памятников не были приняты под государственную защиту [7]. В настоящее время на территории Ферганской долины музеи археологии или связанные с археологией, имеются в Андижане, Куве и в Папе. В перечисленных выше музеях сохраняются редкостные и ценные материальные и культурные реликвии касательно далекой истории нашей нации, которые демонстрируют богатую историю, высокую культуру и ремесленное мастерство народа с периода каменного века и до наших времен. В сложившейся ситуации нельзя проявлять равнодушие к объектам археологического наследия и музеям, рассказывающих о нашем прошлом.

Необходимо обращать артефакты наследия на службу культуре и обществу, формировать новые стратегии музейной и образовательной деятельности [2; 4]. Гуманистические ресурсы культурного наследия весьма ярко раскрываются в археологических памятниках [3].

В Ферганской долине сохранились множество историко-культурных реликвий. В зависимости от назначения, какое они выполняли в каждую историческую эпоху, выделяются стоянки, села, города, кладбища, молельни, отдельные помещения, оборонительные сооружения, крепости. Среди них отдельное место занимают археологические памятники, которые сыграли важную роль в человеческой цивилизации. К ним можно отнести такие известные памятники, как городище Кува (III-II века до н.э. - I-XII века н.э.), городище Дальверзин (XII-VII века до н.э.), городище Эйлатан (VI-III века до н.э.), городище Мингтепа (III век до н.э. - V век н.э.), Ахсикет (I-XIII века), Мунчактепа (I-VIII века), Мугтепа (I-VIII века) [5].

Для включения этих памятников в сферу образования и публичной культурной практики необходима определенная работа. Так, Институтом Археологии АН РУз совместно с международным Общественным фондом имени Бабура проводятся многолетние научно исследовательские изыскания на исторических памятниках, находящихся в Андижане и периферии. В результате осуществленных работ был создан «Музей культуры градостроительства Андижана» [6]. В музее на основании археологических материалов освещены этапы исторического развития отдельно взятого города – Андижана. В музее имеется отдельное хранилище для археологических находок. Общественный фонд имени Бабура планирует еще более расширить музей, увеличить экспонируемые материалы и издать отдельный каталог по ним. За последние годы значительно расширены работы по археологическим раскопкам, проводимые совместно с Фондом. В этой работе вместе с местными специалистами активно участвуют и иностранные археологи. Огромная часть совместных исследований проводится учеными Узбекистана (Институт Археологии АН РУз) и Китая (Институт Археологии Китайской Академии общественных наук). В

частности, поисковые работы на археологическом памятнике Мингтепа, расположенном в Мархаматском районе, проводят специалисты двух государств. Научный анализ, выполняемый в сотрудничестве, приносит ощутимый результат в оптимизации культурных практик, связанных с управлением археологическим наследием региона.

Археологические памятники Ферганской долины медленно исчезают в результате их разрушения. Причиной тому является, во-первых, то, что они возведены из глины, то есть, построены глинобитным способом или из сырого кирпича, не устойчивого к погодным воздействиям, а во-вторых, годами не принимаются меры по их сохранению после раскопок. Для предотвращения подобных нежелательных явлений, в смету археологического изучения необходимо включить расходы на химическую консервацию памятников, открытых при раскопках. Впервые в Узбекистане разработаны и внедрены методы химического изучения артефактов археологических памятников, возведенных из глины.

За последние годы сделаны крупные открытия по изучению памятников прошлого на основе применения современных приборов и оборудования с использованием методов точных наук. В качестве примера можно привести методы периодизации, определения компонентов, фотографирование в формате 3D. Безусловно, это создает широкие возможности для правильного освещения технологий прошлого и истории ремесленничества.

Обогащение музеев новыми материалами и развитие туризма через археологические памятники приносит неплохие результаты. По расчетам на сегодняшний день, в Ферганской долине имеются 328 археологических памятников, из них 113 находятся в Ферганской, 79 - в Андижанской, 136 - в Наманганской области [1]. В процессе археологических раскопок указанных памятников были зафиксированы топографические элементы древнего города или села, жилые массивы, улицы, поселения ремесленников и молельни (Дальверзин, Мингтепа, Кува, Ахсикет и др.). Целесообразно также создание музеев под открытым небом на базе таких памятников. В ряде государств археологические памятники превращены в музеи под открытым

небом, включены в туристические маршруты. Например, в древних городах Утрар в Казахстане, Лоян, Чанан, Е в Китае успешно работают и приносят валютную прибыль музеи под открытым небом.

Сохранение, учет, изучение и поэтапная реставрация и консервация исторических городов, архитектурных памятников, исторических реликвий, находящихся на территории нашей страны и завоевавших огромное место в развитии мировой цивилизации, осуществляется на основе разработанной программы.

В связи с этим вносим следующие предложения по превращению в музей исторической Старогородской части Андижана и отдельных археологических памятников для включения их в «Перечень Всемирного наследия вдоль Шелкового пути». На семинаре, проведенном в 2007 году в Душанбе, археолог Б.Х. Матбабаев внес Старогородскую часть Андижана в качестве кандидатуры в «Перечень Всемирного наследия вдоль Шелкового пути».

Названные памятники могут служить привлекательными объектами посещения для местных и иностранных туристов. Путем превращения их в музеи, будет обеспечена передача реликвий тысячелетней давности будущему поколению, а, с другой стороны, они будут лучшими свидетелями нашей цивилизации. Все это указывает на важность разработки научно обоснованных стратегий по реставрации, охране и использованию объектов культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ахмедов Ж.* К вопросу изучения историко-культурных памятников Ферганской долины // *Общественные науки в Узбекистане*. Ташкент, 2013. №1-2. С. 38-40.

2. *Ионесов, В.И.* Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // *Креативная экономика и социальные инновации*, №2 (3), 2012 а. – С. 75-94+1

3. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики //

Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.

4. *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). – С.75-81.

5. *Матбабаев Б.Х.* Раннесредневековая культура Ферганы (На основе исторического анализа археологических источников V–VIII вв.): Автореф. Дис... доктора ист. наук. Самарканд, 2009.

6. *Матбабаев Б.Х., Маширабов З.З.* Древний и средневековый Андижан. Ташкент. 2011. С.100-101.

7. *Рахматуллаев Т.* Использование археологических материалов в обучение история народов Узбекистана (на узб. языке). Ташкент, 1994.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МУЗЕЕ

© 2017 Ж.Х. Исмаилова

Государственный музей истории Узбекистана АН РУз
(*Ташкент, Узбекистан*)

Аннотация. В условиях глобализации происходит переосмысление роли музея в обществе и в научных исследованиях. Особое значение придаётся музею в освоении новых методов научного познания и разработке новых подходов к интерпретации исторических источников. В статье рассматривается история формирования и современного состояния археологического фонда Государственного музея истории Узбекистана АН РУз. Особое внимание уделяется современным методам работы музея, среди которых выделяется сотрудничество как с международными научными центрами, так и с местными жителями.

Ключевые слова: музей, методы научного исследования, археологический фонд, древние цивилизации.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE MUSEUM

© 2017 Zh. Kh. Ismailova

State Museum of History of Uzbekistan,
Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan
(*Tashkent, Uzbekistan*)

Abstract. In the context of globalization is redefining the role of the museum in society and in research. Particular importance is attached to the museum to learn new methods of scientific knowledge and the development of new approaches to the interpretation of historical sources. The article considers formation history and the current state of the archaeological fund State Museum of History of Uzbekistan at Academy of Sciences of Uzbekistan. Particular attention is paid to modern methods of work of the museum, including cooperation with international research centers, and with the locals.

Keywords: museum, methods of scientific research, the Archaeological Foundation, the ancient civilization.

Глобальные перемены в XXI веке затронули и историческую науку. Происходит переосмысление исторического прошлого и настоящего в соответствии с новым философским, социологическим, культурологическим и научным контекстом. Одновременно происходит переосмысление роли музея в обществе и в научных исследованиях. Особое значение придается музею в освоении новых методов научного познания и разработке новых подходов к интерпретации исторических источников [2-5].

Анализ истории археологического изучения показывает, что археологическая наука развивалась при непосредственном участии музеев разного профиля и ведомственной подчиненности. Музейные учреждения и сотрудники музеев внесли большой вклад в развитие археологических исследований и научного познания древней истории страны. В свою очередь развитие науки оказывало существенное влияние на становление музеев и развитие их разносторонней деятельности, связанной с работой с археологическими источниками.

Известно, что Узбекистан – один из ярчайших культурных очагов цивилизации. Здесь в течение почти столетних археологических исследований не только открыты яркие и самобытные очаги бактрийской, хорезмийской, согдийской цивилизаций, не уступающие по уровню развития другим известным мировым очагам древнейшей культуры, но и установлено, что освоение этой территории человеком началось не менее 1 млн. лет назад. Планомерные и развернутые археологические исследования на территории Узбекистана позволили воссоздать общую историческую картину развития, начиная с глубокой древности и заканчивая средневековьем.

Как и другие музеи, Государственный музей истории Узбекистана считается одним из крупнейших в республике хранилищем памятников материальной и духовной культуры народов Узбекистана [1; 5]. Музей формировался в течение более чем 139 лет как крупный исторический и научно-просветительский центр, являющийся одним из признанных мировых лидеров музейного дела. В настоящее время фонды музея насчитывают свыше 300 тысяч предметов, в том числе из

них около 60 тысяч археологических и около 100 тысяч нумизматических материалов.

В составе археологического фонда музея 325 коллекции первобытной, античной и средневековой эпох. Хронологически коллекции охватывают огромный промежуток времени, начиная с эпохи раннего палеолита (1,5 млн. лет до н.э.) до XVI в. н.э. Среди экспонатов уникальные орудия труда, предметы бронзового и железного производств, изделия из стекла и дерева, скульптура из глины и ганча, настенная живопись и др. Экспонаты фонда отражают историю возникновения древнейших государственных образований, культурные и торгово-экономические связи народов Узбекистана с сопредельными государствами и др.

Богатый раздел археологического фонда составляют предметы эпохи античности (V в. до н.э. – IV в. н.э.). Это великолепные образцы керамики с городищ Афрасиаб (Самарканд), Коктепа (Самаркандская обл.), Халчаян и Дальверзинтепа, Термез (Сурхандарьинская обл.), образцы каменной, глиняной и ганчевой скульптуры и настенной живописи из буддийских храмов Фаязтепа и Каратепа. В фонде хранится крупная коллекция терракотовых статуэток, насчитывающая около 300 образцов мелкой пластики.

Не менее богаты археологические коллекции раннесредневекового и средневекового периодов (V-XVI вв. н.э.) Среди них можно выделить великолепные образцы монументальной живописи и резьбы по ганчу с городища Варахша в Бухарской обл. Сохранившиеся образцы резьбы по дереву из замка Джумалактепа свидетельствуют о высоком уровне мастеров – резчиков по дереву. В IX-XVI вв. н.э. данный вид ремесла воплотился в великолепные образцы резных колонн из Хивы, которые некогда украшали айваны жилых построек.

Среди образцов керамического, медночеканного производств, предметов стеклоделия IX-XV вв. н.э. выделяются глазурированная керамическая посуда из Ташкента и Самарканда. Уникальной является хранящаяся в фонде крупнейшая коллекция оссуариев – костехранилищ, связанных с зороастрийским погребальным культом. Кроме того, в фонде хранятся предметы

материальной культуры с образцами письменности, начиная с IV в. до н.э. Среди них арамейская, хорезмийская, согдийская, кхароштки, брахми, греческая, бактрийская, тюркская, арабская системы.

Государственный музей истории Узбекистана (1876 г) как центральный музей республики, проводящий научно-исследовательскую работу, был включен в Академию наук Узбекистана с 1943 года. Это имело принципиальное значение для его последующей деятельности. С этого периода музей активно участвовал в археологических экспедициях музея и Академии наук.

Музей участвовал в комплексной экспедиции Института истории материальной культуры в Хорезм, где были получены интересный обширный материал, относящийся к эпохе бронзы, и большая этнографическая коллекция инструментов ювелиров. В 1948-1951 гг. музей включился в работу экспедиции Академии наук Узбекистана, ведущей раскопки обсерватории Улугбека в Самарканде, Тешиктепа в Ташкенте, погребальных сооружений в Бухарской и Самаркандской областях. В 1950-1951 гг. музей участвовал в Памиро-Ферганской экспедиции и раскопках мугхона – каменных погребальных сооружений первых веков н.э.

Были найдены интересные антрополого-археологические материалы, позволившие сделать важные выводы относительно истории развития культуры и экономики Узбекистана и Средней Азии в целом. Например, находка сосуда I-II вв. н.э., скрепленного хлопковыми и льняными нитями, позволила утверждать, что культура хлопчатника бытовала в Узбекистане еще в первые века н.э.

В 1950-1970-х годах Музеем проводились раскопки на городище Мингурюк в Ташкенте, археологических объектах VI-VII и XI-XII вв. н.э., выявленных на территориях города Ташкента. Многие коллекции поступили с памятников, раскопанных в Ташкентской области – Дукентсая, Наугарзансая, городищ Ак-курган, Паркент, Канка, Шахрухия, Бричмулла, Пскемтепа, Улькантойтепа, Киндыктепа и др. В 1970-80-х годах большие исследовательские работы велись на городище Старого Термеза. Здесь был открыт уникальный храмово-монастырский

комплекс Фаязтепа; выявлена фортификация древней крепости, защищавшей находившуюся здесь в греко-бактрийский и кушанский периоды речную переправу через Амударью; христианский храм XI-XIII вв. н.э., один из первых обнаруженных на территории Средней Азии памятников христианства.

В годы независимости (начиная с 1991 г) археологи музея, участвовали в археологических раскопках на городище Кампыртепа (Сурхандарьинской обл.). Основные работы были сосредоточены на изучении самых ранних (нижних) слоев восточной части городища. В процессе работ была подтверждена ранее предложенная дата для времени возведения первоначального поселения на Кампыртепа (конец IV-III вв. до н.э.). Кроме того, в западной части цитадели было продолжено изучение ранних слоев, исследование которых было начато в 2006-2007 гг. В результате была частично выявлена первоначальная планировка. Оказалось, что в отличие от восточной части цитадели, обживание западной части началось, вероятно, во II в. до н.э.

Сотрудниками музея ведется собирательская работа среди жителей республики. Несколько десятков керамических изделий, обнаруженных во время проведения земляных работ, были доставлены в археологический фонд из с.Ханабад Зангиатинского района Ташкентской области. Городище Ханабад известно археологической науке еще с начала XX в. Основная часть находок представлена неглазурованными серо-глиняными сосудами хорошего обжига, сформованными на гончарном круге быстрого вращения.

В 2008-2009 годах в музей был доставлен значительный и интересный материал, собранный на городище Канка. Это отдельные части разнообразных поясных наборов, пуговицы, фрагменты металлических предметов. Институт искусствознания АН РУз передал музею свыше 90 предметов, найденных в ходе проведения археологических раскопок на территории Узбекистана. Среди них уникальной является находка на городище Мунчактепа (Пап, Наманганская обл.) 4-х образцов

ткани (фрагменты одежды) V-VI вв. н.э. Их размеры более полуметра. Такие находки чрезвычайно редки.

Целый ряд предметов был найден при проведении археологических работ на памятниках в Сурхандарьинской области. Так, на памятнике Джаркутан (XV-XIII вв. до н.э.) были найдены бронзовая заколка, каменная матрица для отливки изделий из бронзы, четыре кремневых наконечника стрел, каменный топор. Находка трех каменных пряслиц XV-XIII вв. до н.э. свидетельствует о наличии уже в этот период ткацкого производства. Уникален амулет с изображением двух оленей.

Большую помощь в пополнении музейных собраний оказывает население. Значительное количество разнообразных по своему содержанию предметов передал в 2010 году музею житель Ташкента А.В.Кузнецов. В июне 2013 г. в музей поступили уникальные предметы из захоронения, предположительно, знатного византийского воина (V-VI в. н.э.) из поселка Майский Ташкентской области, обнаруженные во время проведения земляных работ местными жителями. Это монета с изображением головы императора и божества, фрагмент поясного набора, включающий в себя 4 поясные накладные бляшки с изображением ангела на лицевой стороне и имеющих по 4 крепления для ремня из белого металла на оборотной стороне (на трех бляшках крепления обломаны); концевую накладку ремня и т.д. Все 14 изделий выполнены из золота. По заключению специалистов, они имеют большое историческое значение для истории торговых отношений Средней Азии с Византией. Подобного рода находки крайне редки. Клад был передан в археологический фонд музея.

В августе 2013 г. между Государственным музеем истории Узбекистана и Музеем Токийского университета в целях расширения и углубления творческого и научного сотрудничества заключено «Соглашение» о сотрудничестве в области изучения археологических памятников эпохи камня.

В 2011-2013 гг. в музее истории Узбекистана проходили семинары и мастер-классы по подготовке кадров и передаче технологий в целях сохранения культурного наследия Узбекистана. Данный проект по исследованию уникального

культурного наследия был осуществлен с целью его сохранения и передачи последующим поколениям, а также обучения молодых специалистов методам охраны и консервации культурного наследия усилиями археологов, реставраторов, архитекторов, музееведов Узбекистана и Японии. Он осуществлялся при финансовой поддержке Японского научного Фонда «Japan Foundation». Целью семинара 2012 года явилась передача технологий по консервации глиняной скульптуры на примере памятников, обнаруженных в ходе раскопок на городище Фаязтепа и хранящихся в музее истории.

Таким образом, развитие археологических исследований и сохранение культурного наследия в перспективе связано с использованием опыта музееведческих исследований на археологическом материале. Памятники, хранящиеся в музее - это база для его научной деятельности. Пополнение музейных коллекций путем экспедиций и выявление ценных источников при обработке фондов дают возможность постоянно не только обогащать экспозицию музея, но и внедрять новые музейно-выставочные технологии визуальной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Исмаилова Ж.Х., Левтеева Л.Г.* Музей, где хранятся реликвии истории. – Ташкент, 2014.
2. *Ионесов, В.И.* Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации, №2 (3), 2012 г. – С. 75-94
3. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
4. *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). – С.75-81.
5. *Научный отчет Государственного музея истории Узбекистана за 1991-2011 гг.* – Ташкент, ГМИУ АН РУ, 2011.

ИЗУЧЕНИЕ МИНГУРЮКА – ПЕРВОГО МУЗЕЕФИЦИРОВАННОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА В ТАШКЕНТЕ

© 2017 М.С.Мухамедова

Национальный институт художества и дизайна имени
Камалиддина Бехзада, кафедра «Музееведение»
(*Ташкент, Узбекистан*)

Аннотация. Археологическое наследие является составной частью историко-культурного наследия. Значительная часть археологических объектов не отличается внешней выразительностью, и их презентация достаточно сложна. Это приводит к тому, что они, являясь объектами активного научного изучения, часто остаются вне культурного оборота. В статье рассматривается история исследования и проблема сохранения исторического ядра Ташкента – городища Мингурюк. В настоящее время городище находится под охраной государства и представляет собой интересный объект для посещения туристами. Однако современное окружение памятника оставляет желать лучшего (свалка городского мусора). Для превращения его в полноценный музейный комплекс необходима разработка нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: культурное наследие, археологические памятники, музейный объект, городище Мингурюк.

STUDY MINGURUK AS THE FIRST MUZEUMIFICATED ARCHAEOLOGICAL OBJECT IN TASHKENT

© 2017 M.S.Muhamedova

National Institute of Arts and Design named Kamaliddin Behzad,
Department "Museology"
(*Tashkent, Uzbekistan*)

Abstract. The archaeological heritage is an integral part of the historical and cultural heritage. A large part of the archaeological sites is no different external expressiveness, and their presentation is quite complicated. This leads to the fact that they are being active objects of scientific study, are often left out of cultural practice. The article discusses the history of the

study and the conservation of the historic core of Tashkent - Minguruk settlement. Currently fort is under state protection, and is a point of interest for tourists. However, the modern monument to the environment is poor (landfill of municipal waste). To turn it into a full-fledged museum complex is necessary to develop the regulatory framework.

Keywords: cultural heritage, archaeological sites, a museum object settlement Minguruk.

Сохранение историко-культурного наследия - жизненная необходимость современного общества. ЮНЕСКО ведет последовательную работу по обсуждению и решению проблем правового регулирования охраны культурного и природного наследия. Мировое сообщество рассматривает историко-культурное наследие как инструмент самоидентификации человека, материальное свидетельство его связи со своим прошлым, традициями [9-11]. Археологическое наследие как составная часть историко-культурного наследия является важнейшим научным источником познания эволюции человеческого общества, ранних периодов его истории, освоения природного окружения и формирования культурного ландшафта.

Памятники археологии, с одной стороны, - это своеобразные источники, повествующие о древней истории, с другой, - они представляют собой составную часть современной социокультурной среды. Большая часть археологических объектов не отличается внешней выразительностью и их презентация достаточно сложна. Эта особенность приводит к тому, что они, как правило, остаются вне культурного оборота, являясь, несмотря на это, объектами активного научного изучения. Между тем, препятствием на пути к использованию памятников археологии в культурных целях является отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей механизм превращения памятника археологии в музейный объект. Роль государства должна состоять в том, чтобы устанавливать «правила игры» между всеми заинтересованными сторонами, участвующими в процессе сохранения и использования археологического наследия.

Следует отметить, что на территории собственно Ташкента есть множество раннесредневековых городов (Мингурюк,

Кугаиттепа, Ханабад, Ак-ата на Юнусабаде), поселений и замков (Бугтепа, Актепа Чиланзарское, а также Актепа, что расположено на арыке Кукча). Облик памятников той поры достаточно красноречиво свидетельствует об активном освоении территории города.

Древнее городское ядро Ташкента - Мингурюк расположено вблизи железнодорожного вокзала Ташкента на речной протоке Салар. Судя по топографическим съемкам 90-х годов XIX столетия, его территория составляет около 8 га. В тот период это городище включало вышку-замок, примыкавшую к подквадратной цитадели, и всхолмленную территорию собственно города - шахристан. В настоящее время в результате интенсивного городского строительства, нивелировавшего и уничтожившего былой рельеф и культурные отложения городища, сохранилась лишь небольшая часть бугра, т. е. самого «замка». Название городища Мингурюк происходит от огромного урюкового сада, существовавшего здесь на берегу Салара в XIX в. Народное предание размещало на буграх городища кухню мифического царя Турана Афрасиаба, в отличие от другого «тепа» - Шахнишин, где, якобы, помещался его трон.

Согласно данным М.Е.Массона, при опросе старожилов в 20-е годы прошлого столетия было установлено, что городище занимало территорию более 30 га, охватывая кварталы ташкентского трамвайного парка, электрической станции и ремесленного училища, где просматривались останцы внешней стены шахристана.

В 1896 г. городище упоминалось Е.Т. Смирновым и Н.С. Лыкошиным, а в 1912 г. об Мингурюке говорит и А.И. Добросмыслов. В 1920-х годах археологические наблюдения проводились М.Е.Массоном. В 50-70-х годах прошлого столетия систематические раскопки выполнялись Ю.Ф. Буряковым [1-4], Д.Г. Зильпером [4; 5] и О.В. Обољченко. Чуть позже, в 70-80-х годах XIX в. работы осуществлялись под руководством М.И. Филанович [6; 7]. В ходе раскопок, проведенных в 80-х годах XX в. Ташкентской археологической экспедицией совместно с зарубежными учеными, было установлено, что Ташкент имеет 2200-летнюю историю.

По мере разрастания русской части Ташкента началось заселение Мингурюка жителями. В конце 60-х годов XIX в. часть его была отведена под войсковые огороды, однако в 1870 году эта территория была изъята генерал-губернатором, пожелавшим устроить там ярмарочную площадь. Последняя просуществовала недолго, так как не оправдала себя, и с 1896 года началась распродажа земель, часть которых была отдана военному ведомству. Однако в 1898 году городская Дума, боясь, что на площади будут строить пороховые склады, попросила вернуть земли обратно. Эта просьба была удовлетворена и территория Мингурюка стала заселяться жителями. Хотя последние деревья некогда огромного сада были вырублены ещё в 1893 году, однако название «Мингурюк» употреблялось населением вплоть до недавнего времени. На основе найденного здесь вещественного материала, прежде всего следует отметить набор керамики, изготовленной как вручную, так и с использованием гончарного круга. Итогом кропотливой работы явилось раскрытие крепостных стен и башен, дворцово-храмового комплекса на цитадели и фрагментов жилых застроек в шахристане.

Памятник открыт только по южному и восточному фасадам, т.е. вплотную к нему еще ничего не пристроено, однако всё его подножие представляет собой свалку бытового и строительного мусора. Таким образом, для того, чтобы подняться на цитадель Мингурюк, следует миновать почти непроходимую полосу городской свалки.

Начиная с 2007 года, шахристан Мингурюк взят под защиту государства Государственной инспекцией по городу Ташкенту и Ташкентской области Главного научно-производственного управления по сохранности и использованию объектов культурного наследия при Министерстве по делам культуры и спорта Республики Узбекистан в качестве объекта культурного наследия [8]. В настоящее время данный памятник находится под охраной государства и представляет собой интересный объект для посещения туристами.

Также следует отметить, что упомянутые выше городища существовали в данном регионе еще со времён античности и, несмотря на поздние, их современные названия, они хранят

память об истоках городской культуры Ташкента. В городских массивах современного города хранятся многочисленные свидетельства далёкого исторического прошлого столицы Узбекистана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Буряков Ю.Ф.* Городище Мингурюк в Ташкенте // Труды САГУ. Вып. 81. Ташкент, 1956.
2. *Буряков Ю.Ф.* Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
3. *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
4. *Буряков Ю.Ф., Зильпер Д.Г.* Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Мингурюк в Ташкенте // Труды ТашГУ. Вып. 172. Ташкент, 1960.
5. *Зильпер Д.Г.* Дворцовый комплекс городища Мингурюк в Ташкенте // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
6. *Филанович М.И.* Работы в Ташкенте // АО, 1979. М., 1980.
7. *Филанович М.И.* Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
8. *Артемов В.И.* Проект охранных зон городищ Мингурюк, Кугайттепе, Актепе Чиланзарское, сохранившихся на территории г. Ташкента. Кн. 1. Исследование памятников, 1995 // Архив ГлавАПУ объектов культурного наследия. – Ташкент, 1995
9. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества. Материалы Междунар. научн. конф., 29 нояб. 2009, СГАКИ. – Самара: Век #21, 2010. – С. 58-87.
10. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
11. *Ионесов В.И.* Борьба за наследие и сопротивление культур в глобализующемся мире // Креативная экономика и социальные инновации. 2014. № 2 (7). – С. 40-49

О СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2017 В.И. Ионесов

Самарский государственный институт культуры
(Самара, Россия)

Аннотация. Основная проблема в определении места и роли вещей в современной культуре состоит в усиливающемся разрыве предметного мира от духовного. В прежние времена такая связь существовала в виде ритуализации и сакрализации артефактов культуры. Сегодня это связь угрожающе эфемерна. Если раньше почти каждый предмет был привязан к конкретной социальной идее и выполнял предназначенную для него функцию, то в современной культуре мир вещей превращается в самостоятельный обособленный конгломерат чисто материальных индикаторов и технологических приёмов. Если раньше вещи часто переживали своих непосредственных хозяев и порою даже поколения, то в современной культуре, модификация вещей заставляет нас многократно менять один и тот функциональный предмет (например, мобильник или компьютер) в течение ограниченного отрезка времени.

Ключевые слова: археология, памятник, культурное наследие, предметный мир, трансформация артефактов.

Современная постмодернистская реальность задает и формирует новые формы культурных взаимоотношений с ярко выраженным художественным колоритом. Проблеме социодинамики и трансформации культуры посвящена обширная научная литература, в том числе, представленная работами М. Фуко, Т. Адорно, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра. Эстетизация и визуализация культурного ландшафта могут рассматриваться как парадигмы инновационного проектирования, так называемой, энвайронментальной культуры. Энвайронментальная культура отражает взаимозависимость всех срезов социальной жизни и артикулирована интеграционным взаимодействием фундаментальных культурных установок в диалоге человека, социума и природы. Дифференциация культуры

и усложнение интернальных связей внутри культурной системы заставляют искать новые модусы взаимодействия культурных конститuentов. В этот процесс вовлекаются все больше культурных агентов и акторов, благодаря взаимодействию которых открываются новые культурные горизонты в ландшафтной полистилистике постмодернистской реальности.

Современный мир становится всё более изменчивым и непостоянным. Незыблемые прежде традиционные постулаты и ценности сменяются релятивистским видением, идейной открытостью, культурным плюрализмом и социальной апатией. На этом фоне возрастает значение предметных артикуляций культуры как материализованных воплощений идей постоянства и дискретности.

В этой ситуации, вспоминая известную максиму «всё должно измениться, чтобы всё осталось по-старому», уместно признать и другую важную установку для нашего развития: что-то должно непременно оставаться по-старому, для того, чтобы всё могло измениться. Всякое изменение нуждается в постоянстве, удерживается и направляется им. Изменчивость без постоянства оборачивается для человека разрушительной и губительной стихией.

Вот почему в период глобальных трансформаций возрастает социальная значимость культурных констант, и прежде всего, мемориальных комплексов и предметно-символических артефактов. Наиболее визуально репрезентативными константами культуры в ситуации нарастающих перемен выступают объекты культурно-исторического наследия и артефакты повседневной культуры, иными словами, вещи. Вещь воплощает в постоянстве своего материального образа единство идеи (мысли), формы (слова) и содержания (действия). Во многих языковых традициях слово *вещь* этимологически отождествляется с понятием, выражающим *голос* жизни, *силу* живой *речи*, знания и опыта. Вещь — это тот сгусток окультуренной материи, который вещает, ведает, выражает, обозначает, определяет, оживляет и маркирует. В культурологическом понимании, *вещь можно определить как категорию, обозначающую культурно преобразованный,*

предметно-оформленный портативный и транспортабельный объект, выражающий своим именем, визуальным образом и функцией социально заданный смысл, т.е. артефакт, который посредством культуры говорит, движется и несёт знание.

В эру информационно-компьютерных технологий вещи меняются гораздо чаще и быстрее, нежели ментальные сущности (идеи, ценности, нормы). Предметный мир, оторванный от духовных ценностей и социальных регуляций, перестаёт выполнять миссию защитного механизма культуры, он всё больше превращается в симулякр, имитацию, бутафорию и самодовлеющую химеру. В этих условиях абсолютизируется стихия изменчивости и непостоянства. Тогда как идеализированные константы культуры вытесняются на обочину, границу социальной жизни.

Между тем, предметный мир как материальный субстрат культуры по определению консервативен, стереотипен и немобилен. В то же время, ментальные образования культуры, по своей сути, креативны, подвижны, и потенциально устремлены к инновационным изменениям, трансформации и транслокации (мобильности). В ситуации быстрой смены жизненных циклов культуры, мир вещей и мир ментальных сущностей не успевают подстраиваться друг к другу и теряют между собой необходимую функциональную связь. Это ещё сильнее расшатывает основания культуры и дестабилизирует социум. Следствием чего является десоциализация, фрагментаризация культуры, и абсолютизация идей непостоянства, безответственности, сепаратизма и вседозволенности. Десоциализация актуализирует переход к индивидуальному мифотворчеству и самоизоляции. Но поскольку личность/индивидуум самоутверждается в культуре посредством своей связи с обществом, порывая с ним, человек, обрекает себя на отчуждение и деидентификацию. Отсюда, неизбежный рост индивидуальной апатии, депрессии, ксенофобии и нетерпимости. Наступает ситуация критической неопределенности или «кризиса различий» (по Рене Жирану), когда все ценности размываются и непонятно, что такое хорошо, и что такое плохо. Возникает опасная деструктурация или

морфологический разрыв, влекущий за собой структуральное насилие и конфликты.

Структурный разрыв влечёт за собой потерю связи человека с обществом. Но поскольку все блага культуры приходят к человеку через социум, разрыв с ним означает декультуризацию личности, т.е. утрату способности адаптироваться к вызовам меняющегося мира и выстраивать вокруг себя среду выживания. Чем быстрее нарастает темп перемен в культуре, тем важнее становятся для общества образцы устойчивости и постоянства. Воплощенные в артефактах культуры, образцы материализации удерживают социум от риска саморазрушения на крутых виражах времени. Сцепляющей силой артефактов осуществляется связь времён и культур и обеспечивается устойчивое развитие общества.

Самым ярким и информативным образцом материальной культуры являются археологические артефакты. Это определяет особую социальную миссию археологии в процессе выстраивания институциональных связей между миром вещей и идей. Особенность археологического артефакта состоит в том, что он воплощает идею постоянства в потоке исторической изменчивости. Вещи движутся вместе с человеком, как в пространстве, так и во времени. Когда одно поколение людей уходит, оно оставляет после себя для другого поколения свои творения. Опираясь на них, культура движется дальше. Как писал Н.К.Рерих «камни прошлого есть ступени в будущее».

Каждый артефакт древности несёт в себе следы непрекращающейся борьбы жизни и смерти, прошлого и настоящего, формы и бесформенности, присутствия и отсутствия. Культура спасается от стихии распада в своих материализованных сущностях, в артефактах. Артефакты следует рассматривать как последнее убежище культуры. Культуры умирают, но артефакты остаются. Именно через них культура вновь способна вернуться к людям. Ещё одна специфика артефакта в том, что передвигаясь вместе с человеком в пространстве и времени - от культуры к культуре, от эпохи к эпохе — в материальных объектах всегда удерживается нечто неизменное, жизнеутверждающее. Часто случается, что

изменилась социальная среда, художественный ландшафт, язык, вероисповедание, политическая власть, общественные институты, традиции, образ жизни, отношения с внешним миром, но артефакты культурного наследия остались. В истории немало примеров того, как один и тот же объект служил разным историческим культурам и народам. Яркими образцами такого служения является Тадж-Махал в Агре, Айя-София в Стамбуле, Иерусалимские древности и многие другие объекты. Эта особенность артефакта быть неподвластным времени, сохранять историческую память и связывать между собой народы и культуры нередко вызывала воинственный протест со стороны религиозных и политических фанатиков. Не поэтому ли, в революционном угаре первыми жертвами разрушения становятся именно образцы материальной культуры - мемориальные комплексы и исторические памятники. К сожалению, наша современная история эту традицию продолжает (достаточно указать на уничтожение мемориальных сооружений в Ираке, Ливии, Сирии, Египте и пр.).

Способность артефактов культуры преодолевать и связывать время, не только выставляет их образцом исторической устойчивости, но и делает их как первой, так и последней жертвой межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Вот почему, даже в тех случаях, когда религиозный фанатизм, казалось бы, всецело подчинил себе все жизненное пространство культуры, ему всё ещё необходимо завоевание последней самой незащитной но, одновременно, и неподвластной культурной субстанции. Именно незримые свидетели времени – памятники истории культуры, становятся последней и самой сакральной жертвой безудержного фанатизма. Варварское уничтожение монументальных сооружений в долине Бамияна (Афганистан) – печальное тому подтверждение и суровое для всех нас предостережение.

Между тем, исторические артефакты и памятники материальной культуры служат мощным ресурсом для диалога культур, социальной гармонии и межкультурного примирения. Поскольку современная культура характеризуется структурным разрывом материального и духовного, вещественные образцы

культурного наследия в значительной мере существуют сепаратно. Объекты культурного наследия всё ещё слабо структурированы в социальную жизнь людей и потому нередко становятся жертвами агрессивного произвола и политической спекуляции. Механизмами включения артефактов наследия в современную культуру могут быть информационно-компьютерные технологии, которые способны эффективно и функционально объединить ментальные инновации и исторические традиции. Это структурирование возможно через новый диалог с культурным наследием – посредством развития визуальной коммуникации, тур-индустрии, ландшафтного дизайна и художественно-реконструктивных проекций.

Среди наиболее динамично развивающихся визуальных комплексов в современной культуре выделяются туризм и фотография. Несмотря на их позиционную автономность в локусах культуры, они образуют вполне отчетливую сеть взаимоотношений в культурном пространстве социума. Туризм, как способ расширения культурной реальности и примирения культуры и природы, императивно нуждается в фиксированной социальной экранизации. Эффективным и наиболее доступным средством этой экранизации как раз и является фотография. Фотография позволяет преодолевать синдром расставания с только что открытым (увиденным) и закадрировать быстротекущую жизнь, максимально сохраняя ее документальную точность. «Кадрированием, по определению Ж.Делёза, называют обусловленность закрытой или относительно закрытой системы, включающей в себя всё, что присутствует в образе» (Ж.Делёз. Кино. - М.2004. – С.53). Фотография схватывает движение в образе и тем самым предоставляет тур-культуре шанс на самосохранение и самоутверждение. Образ (фотография) и движение (тур-культура) необходимы друг для друга, поскольку в своем бинарном оппозиционировании поддерживают целостность мироощущения и миропорядка в антропосфере культуры. Если туризм открывает человеку новые культурные горизонты, то фотография делает этот открытый мир доступным для многократного использования. Горизонтальные срезы (заданной тур-культурой) становятся посредством фотографии

вертикальной транспликацией и дополняющим онтологическим компонентом. Туризм, как мигрирующая культурная реальность, и фотография, как мерцающая культурная значимость, соотносятся друг с другом подобно взаимодополнению кочевого и оседлого, изменчивого и постоянного, движения и покоя, разнообразия и единства. На этой синтетической взаимосвязи замешано всякое культурное развитие.

ABOUT THE SOCIAL MEANING OF MATERIAL HERITAGE IN CULTURE

© 2017 V.I. Ionesov
Samara State Institute of Culture
(*Samara, Russia*)

Abstract. What are the artefacts of archaeology? The artefacts of archaeology are more than only samples of material culture and objects of scientific interpretation; they are active participants of social life. We know many examples of archaeological things being used in political, ideological and religious and inter-ethnic relations. Archaeology and anthropological reports confirm that such things often become objects over which fierce fighting and conflicts evidently occur. A crucial point arises that things have human measure and they do not exist without their creators. So every object can be considered as a concentrated expression of human life. Things are also a great resource of humanistic and aesthetic development and especially educational activities. In spite of this knowledge, very little information is available about understanding of cultural mission of artefacts, or their explicit and implicit influence on social life of people. The matter is highly relevant theoretically because things are of such profound importance in today's cultures. The contemporary age is time of transitions. It is era of mega shift. And every transition launches a challenge against human being.

Keywords: archaeology, monuments, cultural heritage, things, transformation of artefacts.

Who investigate the meanings of things before?

The scrutinize analysis of different manifestations of material culture and symbolic forms of things have been the subject of profound studies, for instance by Victor Turner, Garry Trompf, Luis Binford, Ian Hodder, Robert Layton, Miles Richardson, Christopher

Tilley, in the English-speaking tradition. Work has been devoted to the phenomenology of things by Michel Foucault, Claude Levi-Strauss, Jean Baudrillard, Georges Didi-Huberman, Gilles Deleuze, Gaston Bachelard in the French-speaking tradition. Besides, we have large history of scholars pursuing this question in Russian science, thanks to publications by Vladimir Propp, Aleksey Losev, Yakob Golosovker, Victor Toporov, Leo Klein, Oleg Genisaretsky, I should naturally mention here the collection on 'The Meanings of Things' edited by Ian Hodder in special WAC series of the One World Archaeology, concentrated on the study of material culture and symbolic expressions through the artefacts of archaeology [1]. Among recent publications one should pay special attention to recent issue of *Current Anthropology* [2], where three articles address the materiality of images. The authors concerned discuss particular sets of images as physical objects.

However vast the social anthropological and archaeological literature on this subject, we have some gap between archaeological and philosophical-anthropological knowledge. One cannot propose here any means of bridging this gap, but I intend to provide clarification of the anthropological nature of artefacts as active cultural phenomena, daring to hope that such an analysis of things in society might enable us to move to a deeper comprehension of cultural matters in human life.

One of the current trends of our changing world is the archaeologization of culture and culturalization of archaeology [3]. So it is important to trace the social and cultural contexts in the movement of things in the discourse of anthropological examination and phenomenological analysis. It is necessary to show the power of archaeological objects to provide a social environment for cross-cultural reconciliation and peacemaking in educational and civil relations. Historical artefacts and monuments of material culture serve as a powerful resource for dialogue of cultures, social harmony and intercultural reconciliation.

What is the fundamental problem of culture in our time?

We live in age of the virtualization of culture and the relativization of values. At the same time we have a crisis of identity. Structural rupture is as sign of contemporary times. As the modern

culture is characterized by *structural rupture/conflicts* between material and spiritual, material samples of cultural heritage mainly exist separately. Objects of cultural heritage are often poorly treated during the social life of people and consequently quite often become victims of social violence, political struggles and ideological manipulation. In the meantime artefacts of culture have great force of aesthetic and humanistic influence to the life of the human being.

The basic problem in the definition of a place and the role of things in modern culture consists in amplifying separation of the objective/material world from the spiritual. During many historical times such connections had been and were supported by way of ritualizing and sacralizing cultural artefacts, but today these connections are very unstable.

So there is a structural deformation/destruction of contemporary culture. I define a *special social mission of archaeology* as the means of forming institutional junctions/bridge between the worlds of things and ideas. Particularity, an archaeological artefact embodies the idea of constancy in a stream of historical variability. Things move together with the people in space, and in time. But when people of one generation leaves, they leave their creations for other generations after themselves. Leaning against them the culture moves further. As N.K. Rerih put it, "*the stones of past are steps to future*". Every artefact of any antiquity bears in itself traces of the struggle of a life and death, the past and the present, the chaos and harmony, presence and absence. The culture is rescued from disintegration and destruction in these materialized essences – in just artefacts.

Artefacts should be considered as last refuge of culture. The world has changed, but the artefact has remained. In history there are a lot of examples as to how the same thing/object served historically and positionally to different cultures and people. Clear samples of such 'services' are *inter alia* the Taj Mahal in Agra, Hagia Sophia in Istanbul, and the Jerusalem antiquities.

Artefacts and Policy.

The capacity of artefacts to overcome and memorialize time can often be subverted by the aggressive protest from religious and political fanatics. So the samples of material culture - memorial complexes and historical monuments have become the first victims of

destruction during revolutionary transformation. Unfortunately, in our modern history - this tradition continues. For examples, we can consider the deconstruction of a bronze monument to the Soviet soldier-liberator in Tallinn, and the destruction of monuments in Iraq [5]. Artefacts can become the last victims of interethnic and interreligious conflicts. The barbarous destruction of monumental constructions of Buddha figures in Bamiyan Valley by the Taliban in Afghanistan (2000), destruction mosques and mausoleums of Timbuktu in Mali (2012), ravage of historical sites in Syria (2011-2015) and plunder of artefact in Museum of Mosul (2015) by Islamic State are a sad acknowledgement and severe caution for all of us today. Even in those cases, though, when the religious and social fanaticism has captured all the vital space of culture, artefacts can still continue to offer resistance.

Artefacts are always between sustainability and destruction. In this connection *archaeology has a very significant social mission in contemporary time*. Artefacts always keep in itself some unchangeable essence during their moving from one culture to another one. We often find that though environments, societies and even cultures had changed, artefacts stayed. Therefore, I propose that the main social mission of artefacts is the *re-structuring* of the changing cultural reality. Artefacts enable us to link the parts of even most radical shifts in space and in time. And this link has a structuring nature. In history people don't stay, death taking them, but their creations/products (ideas, symbols and things) carry on. And peoples come back in a culture/life only through these products. That is why artefacts have a grand humanistic force. Our ancestors knew it better than us. They understood artefacts as the last refuge of culture [4]. But perhaps they sometimes knew it too well, because if they wished to destroy the culture of the enemy, they destroyed his material objects at first. So we have to create and develop a flexible infrastructure of artefacts in order to get sustainability in situation of fast cultural changes.

The more fast of the speed of the transitions, the more important the points of constancy, represented in artefacts. Artefacts keep and link the time. The force of artefacts is in opposition to destruction. Archaeology extends the points/borders of constancy in culture. And

simultaneously archaeology extends the points/borders of cultural diversity.

Challenges of contemporary time and artefacts.

At the present time, we can see that people change things more often than people change they self-visions, or mental structures. This is real problem. The material environment by its nature is a conservative essence. Things have been traditionally created for no changes, but they are created for the keeping life in constancy. When culture is transformed, it needs counterpoints of such a keeping. The culture saves itself from destruction thanks to these 'counterpoints of keeping.' But contemporary culture has dangerous limitation on these points. Everything is too changeable and fragmentary. In ancient times, people attempted to find support against transformation or disruption by constant forms of ritual practice and sacral mythology. But in modern time we can see the complete de-sacralisation and de-ritualization of culture. Absolutely, the world has now almost nothing without shifts of time. This presents a great challenge to humanity. So it is quite pertinent to face the arresting challenge that 'just objects of cultural and historical heritage' could become saving point for the sustainable development of the changing world.

What do the artifacts of peacemaking mean?

We may claim that the peacemaking has its own culture, and we should not forget about its concrete artifacts. It is these artifacts that make this particular culture socially important. These artifacts are diverse, but each of them, even the tiniest and most unnoticeable can possess a great humanistic value for the society. For behind every artifact of culture there stands a real human being, with his ideas, feelings, emotional experiences, beliefs, hopes and loves. A social mission of artifacts of culture also consists in making the world in which we are living visible and recognizable for peaceful (and peace-making) purposes. Even the bravest and brightest thought is blind, helpless and lifeless without its material incarnation. Was not Michelangelo right when claiming that we "cannot strongly love what isn't seen well".

Acknowledgments

I am very grateful to Professor Garry W. Trompf for his helpful English editing of this article.

REFERENCES

1. *Hodder, Ian.* (ed.). *The Meanings of Things: Material Culture and Symbolic Expression / One World Archaeology*, V.6, London (UK): Harper Collins Academic, 1989. – 265 p.

2. *Current Anthropology / The Materiality of Images*. 2008, Vol. 49, 1:1-114

3. *Ionesov, Vladimir.* *The Things That Move or in Being at the Margins: The Anthropology of Things // Sixth World Archaeological Congress (WAC-6), 29-th-4-th July, 2008, Dublin (Ireland).* – P.67-68

4. *Ionesov, V.* *Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice // Current Anthropology*. 1999. V. 40. № 1. – P. 87-89.

5. *Habermas, Jurgen.* *What Does the Toppling of the Saddam Statue Signify? // Kulturchronik, Goethe Institute Inter Nationes*, 2003, 3:19-23

АРХЕОЛОГИЯ И ШКОЛА

ARCHAEOLOGY AND SCHOOL

АРХЕОЛОГИЯ, ШКОЛА И ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

© 2017 Н.Ю. Васильева

Средняя общеобразовательная школа № 7
(Нижний Тагил, Россия)

Аннотация. Статья посвящена методам знакомства школьников с археологическим наследием края. Значительное место в этом процессе занимает школьный музей истории. С методами археологического исследования школьники знакомятся в процессе сбора подъемного материала и на уроках истории. В статье приведены конкретные примеры работ школьников по формированию фонда источников школьного музея. Таким образом, археология в школе становится ключом к самостоятельному познанию увлекательного мира прошлого.

Ключевые слова: археология, школьный музей, фонды музея, методы музейной деятельности.

ARCHAEOLOGY, SCHOOL AND SCHOOL MUSEUM

© 2017 N.Y. Vasilyeva

School № 7
(Nizhny Tagil, Russia)

Abstract. The article is devoted to methods of dating students to the archaeological heritage of the region. A significant place in this process takes a school history museum. Thanks to methods archaeological research students are introduced to the process of collecting the material lifting and history lessons. The article gives specific examples of pupils work on the formation of a school museum fund sources. Thus archeology in school becomes the key to self-knowledge of the fascinating world of the past.

Keywords: archeology, school museum, the museum, the methods of museum activity.

Любой школьник всегда с живым интересом относится к археологии как науке, изучающей вещественные источники. Впервые ученики знакомятся с понятием археология еще в

начальной школе на уроках предмета «Окружающий мир». Учащиеся знакомятся с понятием «культурный слой», изучают иллюстрации, демонстрирующие процесс образования культурного слоя. Ученики 3 класса с удовольствием участвуют в диалоге с учителем о механизме археологических раскопок. Дети задают массу вопросов: «Как археологи находят древние города, могильники, храмы? Каким образом ведутся раскопки? Какими инструментами пользуются археологи? Что делают с найденными предметами?» - эти и многие другие вопросы задают учителю юные исследователи.

Переходя в старшую школу, учащиеся вновь встречаются с археологией на уроках, посвященных введению в историю Древнего мира, Средних веков, историю Отечества с древнейших времен. Любой урок, на котором учитель знакомит школьников с археологическими памятниками, обречён на успех! Порой достаточно принести на урок древний сосуд, реплику каменного орудия труда, или каску эпохи Второй мировой войны и покрытый ржавчиной штык от винтовки Мосина, даже гильзы от патронов и снарядов – и ученики увлеченно вслед за учителем погружаются в соответствующую историческую эпоху. Археологический артефакт, к которому можно прикоснуться, помогает учащимся глубже изучить повседневную жизнь народов.

В нашей школе мы даем возможность учащимся прикоснуться к археологической практике через деятельность в активе школьного музея. Ежегодно активисты участвуют в сборе подъёмного материала. Это происходит на садовых и огородных участках учащихся нашей школы. Юные любители древностей исследуют также сараи, чердаки и подсобные помещения в деревенских домах своих бабушек и дедушек. Естественно, что основная часть находок юных исследователей относится к 20 веку. К каждой находке составляется этикетка, в которой отражено место и обстоятельства, при которых обнаружен артефакт. В музее находка под шифром заносится в Книгу основного фонда, а затем используется в экспозиции музея. Некоторые экспонаты мы привлекаем как вещественные источники на уроках истории.

В летние каникулы 2013 года активист музея ученик 3 класса Валерий Ч. провел археологическую разведку на огороде своего деда в старинном уральском селе Висим. Он собрал подъёмный материал и привез находки в школьный музей. Среди вещей, найденных школьником около дедовского сарая, были и подковы, и кованые гвозди, и ножницы для стрижки овец, и штык от винтовки, керосиновая лампа и дореволюционная банка из-под монпансье, ботало для коровы, весы с гирями. Эти находки Валера самостоятельно описал, зашифровал, занес в Книгу основного фонда и составил выставку посвященную истории села Висим. Это стало практической частью его исследовательского проекта, посвященного истории и природе Висима. Презентация проекта состоялась в марте 2014 года, а на выставке побывали ученики начальной и старшей школы. Валера с гордостью поделился полученными знаниями об истории родного края. Вещи, собранные юным исследователем на огороде, вошли в основной фонд хранения школьного музея. Данный проект вызвал у школьника глубокий интерес к истории родного края и к археологической науке, при помощи которой через изучение вещественного мира можно проникать в историю повседневности.

Настоящим откровением для старшеклассников становятся уроки Мировой художественной культуры. На более научном уровне ученики 10-11 классов знакомятся с археологическими памятниками, относящимися к эпохе первобытности, Древнего мира и Средневековья. Каждый из учащихся имеет возможность по выбору подготовить проект об одном из археологических памятников. Так в 2010 году проект «Стоунхендж» выпускницы 11 класса Марии С. был подготовлен к презентации не только на русском, но и на английском языке. А практической частью этого проекта стала объемная модель Стоунхенджа, которая в настоящее время используется на уроках истории и мировой художественной культуры. Сама Мария, закончив исторический факультет Педагогической академии, стала научным сотрудником городского краеведческого музея.

Таким образом, археология в школе становится ключом, при помощи которого ребенок самостоятельно открывает дверь в увлекательный мир исследования прошлого народов планеты Земля.

ШКОЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САМАРЕ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2017 Н.П. Салугина

Самарский государственный институт культуры
(Самара, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления школьной археологии в Самаре, роль школьных археологических экспедиций в социализации школьников, становлении их как личностей, анализируются проблемы организации школьных полевых лагерей. Расцвет школьной археологии в Самаре приходится на 70-е – 80-е гг. XX в. В настоящее время наблюдается некоторый спад в развитии данного направления, что обусловлено как всеобщей компьютеризацией, так и принятием нормативных документов, ограничивающих данную деятельность.

Ключевые слова: археология, полевой лагерь, школьный кружок, экспериментальные исследования, научная деятельность учащихся.

SCHOOL ARCHAEOLOGY IN SAMARA: STAGES OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

© 2017 N.P. Salugina

Samara State Institute of Culture
(Samara, Russia)

Abstract. The article considers stages of formation of the school of archaeology in Samara, the role of the school of archaeological expeditions in the socialization of students, the formation of them as individuals, the problems of the school field camps. The flourishing school of archaeology in Samara accounts for 70 – 80-ies of XX century. To the present time, there is a decline in the development of this direction, both due to computerization and regulations restricting the activities of this work.

Keywords: archaeology, field camp, school, experimental studies, the scientific activity of the students.

В современном обществе на фоне массовой глобализации и унификации культуры популяризация положительных знаний, культурной памяти и информации о культурном наследии

становится средством эффективного пути поддержания и развития культурного разнообразия в целом в стране и в ее отдельных субъектах.

Археология является составной частью культурного наследия. Памятники археологии представляют собой значимый мировоззренческий символ, поскольку через их изучение и понимание формируется осознание длительности и сложности всей культуры человечества.

Самара рассматривается на археологической карте России как город со своей археологической школой, здесь работает более 30 кандидатов и 2 доктора исторических наук, защитившие диссертации по археологии. Можно с уверенностью говорить, что в культурном пространстве Самары сформировалась собственная археологическая субкультура с уникальными традициями и присущими ей особенностями. В современном научном знании категория субкультуры трактуется довольно широко, но, пожалуй, наиболее распространенным является следующее определение: «Субкультура – это особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [2, с. 236]. Профессиональная субкультура – это культура определённой социальной группы, которая на основе специфики своей профессиональной деятельности может образовывать формальные / неформальные, относительно закрытые/открытые сообщества. В структуре профессиональной субкультуры выделяются следующие компоненты: 1) субъекты профессиональной субкультуры, носителями которой могут выступать как общности людей, так и отдельная личность, реализующая себя в системе предметно-практической деятельности; 2) объекты профессионального воздействия представителей данной профессиональной субкультуры (к примеру, пациенты, учащиеся); 3) профессиональная культура, включающая в себя систему знаний, ценностей, традиций, обычаев, норм, технологий, моделей, идеалов профессионального поведения; 4) межличностные отношения, возникающие в ходе самореализации профессионала; 5) профессиональные институты, созданные с целью организации, координирования,

контроля профессиональной деятельности, трансляции и передачи профессионально значимой информации; 6) условия и требования выполнения работы; 7) саму профессиональную деятельность и её результаты. Все эти составляющие в совокупности образуют пространство профессиональной субкультуры, которое имеет временную характеристику, существуя в конкретный исторический период, определяющий специфику профессиональной субкультуры [6]. Практически всем указанным требованиям соответствует археологическое сообщество, которое мы вправе обозначить как профессиональная археологическая субкультура. Время сложения археологической субкультуры (в отличие от профессиональной культуры) можно определить 60-70-ми годами XX столетия. Именно в это время складываются, по крайней мере, в Волго-Уральском регионе не просто археологические школы, а формируется целый пласт культуры, связанный с исследованием древностей. [8].

В данной статье основное внимание уделяется так называемому объекту профессионального воздействия представителей данной профессиональной субкультуры – школьникам, которые включаются в археологическую субкультуру посредством трансляции им профессиональными археологами комплекса интеллектуальных, морально-психологических и поведенческих черт. До начала 70-х годов XX века археологические исследования в Самарском регионе проводились эпизодически. В 1969 г. в Самаре (тогда – Куйбышеве) был открыт государственный университет, после чего развернулось активное изучение археологии региона. Активное участие в этой работе принимали студенты госуниверситета и педагогического института – члены археологического студенческого кружка [1].

Практически сразу же к этой работе начали привлекаться школьники. В октябре 1970 г. в Городском Дворце пионеров состоялось первое заседание школьного археологического кружка, а весной 1971 г. – первый выезд кружковцев-школьников в с.Георгиевка Кинельского района Куйбышевской области на раскопки кургана эпохи бронзы. Первое время работой

школьного археологического кружка руководили Г.И.Матвеева и И.Б.Васильев, потом им стали помогать студенты – члены студенческого археологического кружка [3]. В середине 70-х гг. в Куйбышеве начало функционировать Научное общество учащихся (НОУ), в качестве одного из подразделений которого было создано «Общество юных археологов». Целями создания Общества было знакомство школьников с древней историей края, формирование у них «культурной памяти», социализация школьников в условиях полевого лагеря, приобщение к исследовательской деятельности и профессиональная ориентация. С момента образования, Общество юных археологов стало очень популярным у школьников г.Самары и области. Эта популярность обусловлена несколькими причинами: уникальностью и необычностью профессии археолога; возможностью окунуться во время экспедиции в «другую реальность», соприкоснуться с давно ушедшей эпохой; пожить жизнью древнего человека.

Основными базами для занятий юных археологов стали Городской и районные Дворцы детского и юношеского творчества (в то время - Дворцы пионеров) и Станции юных туристов, где были созданы коллективы «Археология края», «История древних культур», «Экспериментальная археология» и другие. Занятия проводили преподаватели и студенты университета и педагогического института. Структура занятий включала: 1) теоретическую часть, которая проводилась в зимний период и где школьники познакомились с основными археологическими культурами региона и мира; 2) практическую часть в форме полевых работ. Рассмотрим их подробнее.

1. Полевая работа включала:

- Участие в археологических разведках. Как уже упоминалось, Куйбышевская область была почти «белым пятном» на археологической карте России, и большое внимание уделялось археологическим разведкам. Школьники включались в разведочные отряды по сплошному обследованию территории региона. Для этого создавались отряды из студентов и школьников численностью в 5-10 человек, они получали определенный маршрут и пешком обследовали его. Этими

отрядами обнаружены сотни археологических поселений и могильников. Такая форма работы, помимо научной значимости, имела большое воспитательное значение, происходила передача знаний и опыта от студентов школьникам.

- Участие в археологических раскопках. Это совершенно уникальный опыт образовательной и воспитательной работы. В экспедициях решается несколько задач: образовательная - во время подобных экспедиций школьники знакомятся с методикой полевых исследований, общаются с учеными, узнают прелести и трудности профессии археолога; коммуникативная – в полевых условиях, вдали от родителей, дети быстрее входят в коллектив, общаются со сверстниками и старшими членами экспедиции, получают навыки обустройства лагеря, учатся ставить палатки, заготавливать дрова, разводить костер, т.е. учатся жить в совершенно непривычных для них условиях; оздоровительная – после учебного года школьники получают возможность пожить в экологически чистых условиях экспедиции, физическая работа также способствует оздоровлению.

2. Работа в условиях города, на базовых площадках, где школьники осваивают теоретические основы археологии и методику лабораторных исследований. Обычной практикой начальной поры школьной археологии было то, что школьники помогали обрабатывать полученные находки и работали над подготовкой научных отчетов под руководством преподавателей и старших студентов. Особое место отводилось приобщению школьников к учебно-исследовательской работе. Ее особенность заключалась в том, что обучающий (археолог – профессионал) и обучающийся (школьник) выступали не просто как учитель и ученик, а как партнеры, стремящиеся решить определенную научную проблему. Это способствовало формированию взаимодействия подростков с вузами и научно-исследовательскими институтами, знакомству с особенностями профессиональной деятельности ученых, научными направлениями работы разных учреждений и т.д. В результате практически все подростки, занимавшиеся в разных коллективах, легко проходили адаптацию в вузах и других учреждениях. В Самаре проводились ежегодные научные конференции

школьников, на которых члены Общества юных археологов представляли свои работы. Достаточно сказать, что на подобных конференциях работали по 2-3 археологических секции, а количество докладчиков достигало 60 человек. Особую значимость для школьников имело то, что Г.И.Матвеева, И.Б.Васильев, а также многие научные сотрудники археологических лабораторий, не смотря на занятость, постоянно принимали участие в работе школьных конференций, активно обсуждая представленные доклады, тем самым помогая ребятам понять суть археологической науки, освоить навыки публичного выступления и т.д. Помимо городских научных конференций, самарские школьники успешно выступали с докладами на школьных конференциях в городах Саратове, Уфе, Челябинске, а некоторые из них – на Урало-Поволжских археологических студенческих конференциях (УПАСК).

Можно без преувеличения сказать, что 70-е – 80-е гг. XX в. стали «золотым периодом» школьной археологии в Самаре. Можно отметить несколько причин невероятной популярности археологии у школьников: 1) общий подъем археологии в Самаре, связанный со строительством мелиоративных систем, необходимостью осуществления как охранно-спасательных работ в зонах новостроек, так и сплошного обследования территории области; 2) наличие своеобразного «информационного голода» у советских школьников, и именно археология, в силу своеобразной демократичности науки, открывала значительные возможности в познании нового, существенно расширяла рамки общения как между самими учащимися, так и между ними и профессионалами; 3) создание археологических лабораторий в госуниверситете и педагогическом институте, заинтересованных в подготовке новых кадров; 4) поддержка городских образовательных структур в лице Городского отдела народного образования, который финансировал работу школьных археологических экспедиций не только в Куйбышевской области, но и за ее пределами. Значительная часть школьников, которые занимались в детстве в археологических кружках, стали профессиональными археологами и в настоящее время составляют «костяк» самарской археологии.

Постперестроечный период оказался сложным для самарской археологии – началась активная коммерциализация науки. Этот период имел свои плюсы и минусы. Было образовано много мелких организаций, занимавшихся работами на разрушающихся памятниках, в которых археологам-профессионалам не всегда находилось место. Но в это же время наблюдается активизация и разнообразие форм работы с детьми, организуются археологические лагеря, фестивали [4], хотя количество школьных археологических кружков сократилось. В это время археологическое направление активно развивалось в Городском Дворце детского и юношеского творчества (СДДЮТ), где активно работали два коллектива: «История древних культур» (руководитель – к.и.н., Ученый секретарь СОИКМ им. П.В. Алабина Д.А.Сташенков) и «Экспериментальная археология и история древнего гончарства» (руководитель – к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии Поволжья Н.П.Салугина). Указанными руководителями были разработаны авторские образовательные программы, имеющие собственную специфику. В программе Д.А.Сташенкова основное внимание было уделено методам музейной археологии и компьютерным технологиям в исследовательском процессе. Члены данного коллектива активно участвовали в создании детского компьютерного журнала «Громозека». Программа Н.П.Салугиной была основана на методах экспериментальной археологии. Данная программа стала победителем Областного и лауреатом Всероссийского конкурса авторских образовательных программ дополнительного образования школьников [7].

В этот период значительно расширяются формы полевой работы со школьниками. Так, наиболее привлекательными становятся полевые экспериментально-археологические лагеря. Такие лагеря совмещают раскопки поселений и могильников и эксперименты по моделированию различных аспектов жизни древнего человека. Школьники могли лепить посуду по древним технологиям; делать каменные орудия; обрабатывать кость и делать из нее амулеты и украшения. Традиционно проводилась игра «В гостях у предка». Суть этой игры в том, что школьники проживают один день жизнью древнего человека. Они делятся на

команды – «племена», сочиняют «легенду» племени, выбирают себе тотема, строят жилище, собирают съедобные травы и варят из них напитки, лепят посуду и т.д. В конце игры проходит конкурс по стрельбе из лука, по традиционным танцам. Таким образом, происходит погружение в совершенно иной мир, где школьники должны продемонстрировать умение выживать, приспособляться к определенным условиям. Все это воспитывает уважение к их далеким предкам и формирует новые навыки и знания. В конце экспедиции проводится «Посвящение в археологи» - своеобразная инициация в игровой форме. В этот период, хоть и в сокращенном виде, продолжают организовываться школьные Городские и Областные конференции, проводятся краеведческие олимпиады и прочие виды презентации учебно-исследовательских работ школьников.

Подводя итоги развитию школьной археологии в Самаре в период с начала 70-х гг. XX в. и до начала XXI в., следует отметить, что школьники внесли огромный вклад в археологическое изучение самарского края. Можно без преувеличения сказать, что сотни археологических памятников были найдены и раскопаны с помощью школьников.

Подростки являются одной из наиболее проблемных социальных групп, поэтому актуально привлечение их к позитивной познавательной деятельности, формирование творческого мировоззрения и ответственного отношения к культурному наследию. Занятия археологией и, в частности, участие в археологических экспедициях, позволяют решать эти задачи. Действительно, участвуя в археологических исследованиях, школьники приобщаются к разным хронологическим пластам культуры, создавая своеобразную связь поколений; включение в сообщество сверстников, занимающихся специфическим (археологическим) видом деятельности, формирует особые ценностные установки, связанные с воспитанием ответственности, самостоятельности в принятии решений. Немаловажно, что в археологических экспедициях никогда не было разделения на богатых и бедных, «благополучных» и «трудных», все дети, как из обеспеченных, так и мало обеспеченных семей, одинаково активно включались в

жизнь лагеря, в раскопочный или экспериментальный процесс, в учебно-исследовательскую работу. У детей формировалась позитивная самооценка.

К сожалению, принятые в 2010 г. нормативные документы, регламентирующие организацию школьных полевых экспедиций и туристических лагерей («Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы детских туристических лагерей палаточного типа в период летних каникул» от 26 апреля 2010 г.), практически перечеркнули всю эту деятельность. Этот 30-страничный документ вызвал шок в среде профессионалов. Требования, прописанные в данном документе, не только не выполнимые, но часто и абсурдные. Как сказал президент Академии детско - юношеского туризма и краеведения А.Миндель, «Предлагаемые нормы Требований выхолащивают содержательно - организационную суть самостоятельных турлагерей, лишая их главных оснований, определяющих их привлекательность для учащихся (разумная свобода, детская самостоятельность и романтика), и организационной простоты для педагогов (малозатратность, гибкость программы, возможность реализации педагогической инициативы). Введение данных норм оставит без возможностей организованного отдыха наиболее уязвимую часть детского контингента (малообеспеченных, с неординарным поведением) и лишит инициативных педагогов возможности продуктивной профессиональной самореализации» [5]. Результаты не заставили себя ждать. По данным Минобразования, в 2009 году (т.е. до принятия данного документа), у нас в стране устраивалось около 7 тысяч палаточных лагерей, в которых отдыхали 600 тысяч детей. В 2012 году, после принятия указанного СанПиНа, количество палаточных лагерей сократилось до 1600. В 4,5 раза за три года! [5]. В Самарском Дворце детского и юношеского творчества, где в те годы работали и археологические, и туристические объединения, которые ежегодно устраивали и однодневные, и многодневные походы и экспедиции, в 2010 г. была проведена всего одна (!) экспедиция. И хотя, благодаря усилиям общественности, 29 мая 2013 г. Минюст России зарегистрировал

новый СанПиН - 13 «Санитарно - эпидемиологические требования к устройству и организации работы детских лагерей палаточного типа» (регистрационный номер 28563), исправить ситуацию уже крайне сложно.

Хочется верить, что ситуация исправится, что школьная археология возродится. Востребованность в этом есть, и сейчас в археологических экспедициях работают школьники, но они приезжают туда в частном порядке, по просьбе родителей. Необходимо только, чтобы чиновники от образования пошли навстречу Обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Общество юных археологов г.Самары // Самара: от прошлого к настоящему. Самара, 2007. С.196-207.
2. *Гуревич П.С.* Субкультура // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. - Т. 2.- С. 236.
3. *Матвеева Г.И.* Экспедиции в прошлое / Г.И.Матвеева. – Самара, 1998.
4. *Методическое пособие по организации летних экспериментально-археологических экспедиций для школьников* / Составители: И.Н. Васильева, О.Б. Васильева, Е.В. Козин, Л.В. Краснова, Н.И. Мацкив, Н.П. Салугина, С.Н. Торопынина. - Самара, 2003.
5. *Миндалевич С.* Кто не борется, тот уже проиграл // Отдых в России. Журнал об отдыхе, туризме и развлечениях в родной стране.- 03.03.2014 / Режим доступа: <http://rustur.ru/article/sergej-mindelevich-kto-ne-boretsya-uzhe-proigral>
6. *Мясоедов А.М.* К вопросу о соотношении понятий «Профессиональная культура» и «Профессиональная субкультура» // <http://sociosphere.ucoz.ru>
7. *Салугина Н.П.* Экспериментальная археология и история древнего гончарства / Н.П. Салугина. – Авторская комплексная образовательная программа. – Самара, 2003.
8. *Салугина Н.П.* Профессиональная субкультура в культурном пространстве города // Городская культура и город в культуре. Материалы Всерос. научно-практич. конференции 21-22 мая 2012 г. Часть I. Самара, 2012 С.336-345.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: ШКОЛА И МУЗЕЙ

© 2017 Н.А. Широкова

Средняя школа № 184 «Новая школа»

(Екатеринбург, Россия)

Аннотация. Статья посвящена обобщению опыта работы школьного учителя по привлечению данных археологии на уроках истории, мировой художественной культуры и изобразительного искусства. Работа включает регулярные экскурсионные пешеходные маршруты по археологическим памятникам, посещение Музея истории и археологии Урала (филиал Свердловского Областного Краеведческого Музея). Таким образом, предметы материальной и духовной культуры древнейших жителей Урала становятся не только источником изучения прошлого, но и вдохновляют детей на художественное творчество. Детские работы остаются в фондах Музея, становясь своеобразным источником для будущих исследователей. Работа ведется в тесном сотрудничестве с профессиональными археологами и сотрудниками Музея.

Ключевые слова: археологические памятники, вещественные источники, музейные практики, выставка, художественное творчество.

ARCHAEOLOGICAL PRACTICE: SCHOOL AND MUSEUM

© 2017 H.A.I Shirokova

Secondary school № 184 "New school"

(Yekaterinburg, Russia)

Abstract. The article is devoted to methods of dating students to the archaeological heritage of the region. A significant place in this process takes a school history museum. With metodamsi archaeological research students are introduced to the process of collecting the material lifting and history lessons. The article gives specific examples of pupils work on the formation of a school museum fund sources. Thus archeology in school becomes the key to self-knowledge of the fascinating world of the past.

Keywords: archeology, school museum, the museum, the methods of museum activity.

Без данных археологии невозможно понять мировую историю, культуру и искусство. Археология позволяет нам получить сведения о начальном (самом длительном) периоде развития человечества, от которого не дошли письменные источники, узнать о важных для человечества изобретениях далеких от нас времен.

В моей работе со школьниками сложилась длительная (уже около двух десятилетий) традиция изучения материальной культуры древних уральцев в рамках экскурсионных археологических и художественных практик. Эти уроки мы условно называли музейными. Они представляют собой первичное ознакомление с археологией Урала на занятиях изобразительного искусства, мировой художественной культуры и истории. Кроме этого, в осенние дни сентября-октября мы совершаем экскурсию по местам археологических памятников в окрестностях поселка Палкино. Поселок Палкино – одно из самых старинных поселений на территории Екатеринбурга, расположен на его западной окраине, в верховьях Верх-Исетского пруда, по обоим берегам реки Исеть. В районе Палкино, в бассейне реки Исеть находится целый комплекс археологических памятников различного времени: от мезолита до железного века. Материалы раскопок этих памятников представлены разными категориями вещей: фрагментами глиняных сосудов, орудиями из камня и отходами их производства, наконечниками стрел из камня и металла, культовым металлическим литьём, остатками металлургических печей и т.д. Предметы культового литья (птицевидные идолы) известны далеко за пределами Урала, они хранятся не только в музейных археологических коллекциях Екатеринбурга, но также в Эрмитаже Санкт-Петербурга, археологических собраниях Финляндии и Франции.

В разработке экскурсионного маршрута, проведении экскурсии нам оказывают помощь действующие археологи С.Н. Панина, В.Н. Широков.

В процессе пешеходной экскурсии ребята знакомятся с археологическими памятниками этой местности, узнают, что такое поселение, городище, писаница (древние наскальные рисунки под открытым небом).

После экскурсии ученики посещают Музей истории и археологии Урала (филиал Свердловского Областного Краеведческого Музея). Это постоянная экспозиция музея, в которой представлен материальный и духовный мир древних людей всего уральского региона, и частично материалы памятников окрестностей Палкино.

Полученные в ходе экскурсионных занятий знания и впечатления школьники затем воплощают в творческих работах, которые экспонируются на школьных выставках, а также направляются в Краеведческий музей Екатеринбурга для участия в ежегодном областном конкурсе «Уральская природа и человек в древности». На выставку-конкурс ребята представляют работы различного характера: фотографии, глиняную посуду, прясла, грузила, ковшички для розлива металла (ляльки), амулеты, рисунки, скульптуры, реплики иных артефактов, графические и объёмные реконструкции, макеты и т.д. Таким образом, предметы материальной и духовной культуры древнейших жителей Урала становятся не только источником изучения прошлого. Они вдохновляют детей на художественное творчество, на возможность образного видения древней истории через созданные ими самими образные реконструкции. Выставка детских работ в стенах музея доступна для всех посетителей. Фото детских работ остаются в фондах Музея, предоставляя, таким образом, возможность будущим поколениям ознакомиться с этим уникальным творческим источником.

В заключение, хочется поблагодарить сотрудников отдела археологии Свердловского Областного Краеведческого Музея за организацию и проведение данного конкурса: Бозунову С.Г., Панину С.Н., Савченко С.Н., Косинцеву А.П..

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

ARCHAEOLOGICAL PRACTICES IN STUDY OF INDIGENOUS COMMUNITIES

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ, ВОЗМОЖНОСТЬ РЕПАТРИАЦИИ

© 2017 А.В. Гусев

Научный центр изучения Арктики

(Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия)

Аннотация. Статья посвящена сложной проблеме изучения погребальных комплексов и взаимоотношениям с коренным населением в процессе полевых исследований. Не менее дискуссионной остается проблема дальнейшей судьбы человеческих останков, обнаруженных в погребениях. Указанные проблемы рассматриваются на примере исследования комплекса металлообрабатывающего (литейного) производства эпохи раннего средневековья и двух грунтовых могильников VIII-IX и XII-XIII вв., расположенных вблизи национального поселка Зеленый Яр. В пределах могильников обнаружены «могилы с мумиями», что вызвало к ним повышенное внимание как со стороны прессы, так и местного населения. В результате был найден компромиссный вариант: останки будут храниться в окружном музее в г. Салехарде, но с условием закрытого показа их в режиме особой кладовой.

Ключевые слова: погребальные памятники, мумифицированные останки, коренное население, ханты, ненцы, музеефикация.

MIDDLE AGE INTERMENTS IN THE NORTH OF WEST SIBERIA: RESEARCH, RELATIONS WITH THE LOCAL POPULATION, REPATRIATION POSSIBILITIES

© 2017 A.V. Gusev

Arctic Research Center

(Salekhard, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia)

Abstract. The article is devoted to the complex problem of studying funeral complexes and relationships with indigenous peoples in the process of field research. No less controversial is the problem of the further destiny of the human remains found in the graves. These problems are considered by

the example of the study of the complex metal processing (foundry) production of the early Middle Ages, and two ground burial grounds VIII-IX and XII-XIII centuries., Located near the national village Zeleny Yar. Within the cemeteries discovered "the tomb of the mummies," which caused him to attention from both the press and the local population. As a result, it was found a compromise: the remains will be kept in the District Museum in Salekhard, but with the condition of a closed show them in a special storeroom mode.

Keywords: funerary monuments, the mummified remains of indigenous peoples, the Khanty, Nenets, museumification.

«..Да и впредь о том заказ велели б есте учинить крепкой, чтобы служивые и всякие люди и новокрещенцы у Остяков Березовского уезду шайтанов не грабили, а могил у мертвых остяков не раскапывали, и обиды остякам некоторые не чинили».
Из указа царя Василия Шуйского от 25 мая 1610 года [3, с. 216].

Исследование погребальных памятников на севере Западной Сибири в зонах проживания коренных народов – северных ханты и ненцев – всегда являлось крайне сложным делом, так как эти памятники воспринимаются местным населением как «могилы предков». Можно прибавить, что в этих могилах размещалось довольно много металлических изделий, и уже со времени присоединения Сибири к России они становились объектами грабежа «служивыми» людьми.

Любому археологу известно, что изучение погребальных памятников дает несопоставимое с поселенческим количество информации: антропологический тип погребенных, собственно погребальный обряд, количество и качество сопроводительного инвентаря, наконец, такие данные, как уровень здоровья захороненных, наиболее распространенные заболевания и так далее. С другой стороны, эти исследования необходимо проводить крайне осторожно, и только с согласия местного населения. Вторым сложным вопросом, возникающим во время и – главным образом - после завершения раскопок, становится дальнейшая судьба человеческих останков, обнаруженных в могилах.

Автор в течение нескольких лет руководит исследованиями археологического комплекса, расположенного в полукилометре от национального поселка Зеленый Яр. Комплекс включает в себя остатки металлообрабатывающего (литейного) производства эпохи раннего средневековья и два грунтовых могильника VIII-IX и XII-XIII вв. С самого начала изучения этого комплекса мы пытались разрешить почти не разрешимое противоречие: с одной стороны необходимость изучения уникального памятника, с другой – толерантное отношение к позиции населения поселка. Для снятия напряженности мы постоянно проводили собрания жителей поселка, на которых объясняли, для чего проводятся раскопки и что эти самые жители получают в результате наших работ. Нужно отметить, что большее понимание («они потом нашу историю напишут») мы встречали у мужской части населения, женщины были более склонны к запрету наших работ.

За 6 лет исследования памятника (1999-2002 гг., 2013-2014 гг.) исследованы печь для плавки цветного металла, остатки поминальных действий и 52 грунтовых погребения, в числе которых впервые на территории севера Западной Сибири обнаружены мумифицированные останки одного взрослого мужчины и четырех детей [1]. Прекрасная сохранность органики дала возможность провести антропологический, генетический и паразитологический анализ мумифицированных останков погребенных, изучить одежду, погребальные конструкции (саркофаги и лодки). Уникальность находок спровоцировала восприятие памятника исключительно как «могил с мумиями», и вызвала повышенное внимание со стороны прессы. Статьи в газетах и сюжеты на телевидении зачастую не имели ничего общего с истинным отражением наших результатов, но своей скандальностью спровоцировали неадекватную реакцию местного населения. Во избежание нарастания конфликта было решено закончить археологические работы на могильнике в 2002 г. [4, с. 176]. После урегулирования конфликта с местным населением, работы возобновились лишь спустя 11 лет - в 2013 г.

Одним из главных вопросов, возникающим при изучении могильников зеленоярского комплекса – это почему и как сохраняются мумифицированные погребения?

Первым, одним из важных, фактором создания условий для мумификации погребенных является вечная мерзлота севера Западной Сибири. Действительно, активность разлагающих бактерий и грибов полностью прекращается при температуре ниже 5°C. В рассматриваемой зоне среднесуточная температура опускается до этой черты в сентябре.

Вторым фактором является подавление жизнедеятельности гнилостной микрофлоры в условиях глеево-подзолистых почв, характеризующихся повышенной кислотностью. Примером крайнего проявления такого действия является образование «болотных мумий», хорошо известных на севере Западной Европы.

Третьим в списке антимикробных агентов оказываются соединения меди. Именно это является основным условием первого этапа мумификации погребенных. При совершении погребения в могилу укладывалось некоторое количество медьсодержащих изделий: бронзовые предметы, пластины из стенок медных котлов и т.п. В теплый период происходило окисление меди и в условиях повышенной кислотности почв образование растворимых ядовитых соединений. В результате этого процесса, в значительной степени подавлялась жизнедеятельность микроорганизмов, и прекращалось микробное разложение тканей [2, с. 193-195].

Именно эти три основных фактора повлияли на консервацию человеческих останков погребенных.

Недалеко от поселка, примерно на половине пути из него к археологическому комплексу расположено современное кладбище. На нем можно видеть столь характерное для региона смешение языческих, христианских и советских обрядов: около могил оставлены нарты и другие предметы, заметны следы тризн и приношений покойным (поминки), на некоторых могильных памятниках укреплены советские звезды или православные кресты. Эkleктика современного обряда и конструкции сооружений отразила нарушения в религиозном мировоззрении и культовых практиках у северных ханты, вызванные долгими годами воспитания в духе атеизма и материализма. Поэтому столь сложен, оказался и вопрос о репатриации найденных нами

мумифицированных объектов. Некоторая часть населения чувствовала необходимость предания их земле, но вопрос: «по какому обряду» - оказался для них не разрешимым. В конце концов, все – и ученые, и местные жители приняли компромиссный вариант: останки будут храниться в окружном музее в г. Салехарде, но с условием закрытого показа их в режиме особой кладовой. Хотя, как показало время, среди жителей поселка, наблюдавших за нашими раскопками, нашлось немало желающих посетить эту закрытую экспозицию. Достигнуто согласие о продолжении раскопок уникального комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гусев А.В.* Отчет о НИР по теме: «Комплексные археолого-антропологические исследования могильников эпохи средневековья у поселка Зеленый Яр Приуральяского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2014 г.». Салехард, 2015.
2. *Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Коллектив авторов. Под ред. Н. В. Фёдоровой.* Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.
3. *Русская историческая библиотека.* СПб., Т. 2. 1875
4. *Федорова Н.В., Алексащенко Н.А., Ражев Д.И., Брусницина А.Г.* Археологический комплекс эпохи средневековья Зеленый Яр на севере Западной Сибири // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы международной научной конференции 6-10 октября 2003 г. – Пермь, 2003. – 268 с.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

© 2017 А.В.Гусев, А.В.Плеханов

Научный центр изучения Арктики,
(Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия)

Аннотация. Проблема происхождения и развития оленеводства – одна из важнейших для понимания истории современных коренных народов. Для ее решения огромную значимость имеют археологические исследования, так как письменные источники и этнографические наблюдения фиксируют этот процесс только с XVIII в. Анализ археологических источников показывает, что оленеводство на севере Западной Сибири сложилось уже в последние века до н.э. Уже для этого времени можно фиксировать распространение транспортного оленеводства, что привело к освоению новых необжитых тундровых территорий полуострова Ямал. Именно транспортное оленеводство стало механизмом адаптации населения к новым условиям и привело к формированию культуры постоянного тундрового (протоненецкого) населения.

Ключевые слова: оленеводство, аборигенное население, археологические исследования, артефакты из рога, адаптация.

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA ON THE ARCHAEOLOGICAL SITES MATERIALS: ARCHAEOLOGICAL PRACTICES IN THE INDIGENOUS PEOPLES STUDY

© 2017 A.V. Gusev, A.V. Plekhanov

Arctic Research Center
(Salekhard, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia)

Abstract. The origin and development of reindeer - one of the most important for understanding the history of modern indigenous peoples. To solve the enormous significance of archaeological research have since written sources and ethnographic observations fix this process only from the XVIII century. Analysis of archaeological sources shows that the reindeer in the

north of Western Siberia has developed in the last century BC. For this time it is possible to fix the distribution of transport reindeer, which led to the development of new areas of uninhabited tundra of the Yamal Peninsula. This transport mechanism was herding people adapt to new conditions and has led to a culture of continuous tundra population.

Keywords: reindeer, Aboriginal people, archaeological research, the artifacts of antler, adaptation.

Оленеводство является ведущей отраслью хозяйства аборигенного населения Западносибирского севера. Успешное существование и развитие его с древности до настоящего времени обусловлено многими причинами: глубокими историческими традициями, берущими своё начало со времени около Р.Х.; независимостью оленеводства от тех глобальных преобразований, которые пришлось перенести коренным народам Севера в XX и XXI вв.; наконец, большой духовной силой местной традиционной культуры и её носителей, для которых оленеводство было и остаётся до сих пор залогом сохранения самобытности.

Проблема происхождения и развития оленеводства – одна из важнейших для понимания истории современных коренных народов, она актуальна не только для Ямальского севера, но и Российской Арктики в целом. Основой решения ее в настоящее время могут быть только археологические практики, так как письменные источники и этнографические наблюдения фиксируют этот процесс, начиная лишь с XVIII в.

Первыми к этому вопросу, естественно, обратились этнографы. Вопросы появления оленеводства не обошёл вниманием ни один из исследователей, работавших на Западносибирском севере. Упрощая многообразие исследовательских точек зрения, можно представить все теории в виде двух условных групп: 1) «моноцентристы», которые происхождение оленеводства связывают с традиционными скотоводческими районами, т.е. полагают что первые навыки приручения и использования оленя были заимствованы северными народами у более южных степных и лесостепных кочевников (так называемая «гипотеза Алтае-Саянского центра»); 2) «полицентристы», которые базируются на

представлении о самостоятельном возникновении оленеводства в нескольких регионах или путем частичного заимствования между близко проживавшими народами. Полицентристы полагают, что основой для формирования оленеводства на севере послужило постоянное следование охотников за стадами оленей, в процессе которого, кроме всего прочего, вырабатывалась практика взаимовыгодного сосуществования человека и животного [1].

Первые археологические свидетельства наличия оленьей упряжки у аборигенного населения севера Западной Сибири появились после публикации оленьих наголовников с памятника Усть-Полуй, датированного временем около Р.Х. Но тогда авторы ошибочно отнесли их к набору упряжи оленя-манщика, использовавшегося для добычи диких оленей с помощью одного, относительно прирученного. Другие составные детали упряжки интерпретировались как свидетельства наличия транспортного собаководства, по логике авторов стадially предшествовавшего оленеводству [2, с.72-106].

С возобновлением раскопок на археологическом памятнике – древнем святилище Усть-Полуй в черте современного г. Салехарда (ЯНАО), точка зрения его первоисследователей была пересмотрена. В культурном слое обнаружены новые роговые артефакты, анализ которых в совокупности с прежними источниками позволяет достоверно относить их к деталям оленей упряжи. Это налобные пластины из рога с зубчиками на рабочей части (Рис. 1), принадлежность которых к набору оленьей упряжи согласуется с результатами трасологического анализа по микроследам износа. В этот же набор входили блоки, застёжки (Рис. 2, 3) и пуговицы упряжи (Рис. 4). В культурном слое Усть-Полуя оказался представлен в сложившемся виде практически полный комплект оленей упряжи, включая фрагменты деревянных полозьев нарт (Рис. 5). Впрочем, Усть-Полуй как оказалось на сегодняшний день, далеко не единственный памятник на севере Западной Сибири, где обнаружены детали оленьей упряжи.

Кроме археологических артефактов – свидетелей наличия упряжного оленеводства, в исторический период около Р.Х. на севере Западной Сибири происходили процессы, которые вполне

можно связать с произошедшей в это время своего рода транспортной революцией [3, с.149-156]. Возросла межплеменная активность населения, вылившаяся в распространение на огромных территориях Приобья укрепленных городищ, бытовании схожей керамической посуды, однотипных орудий труда и украшений, формировании специального воинского слоя в обществе.

Столь бурные изменения хозяйства и культуры в целом северотаёжных рыболовов и охотников в следующую эпоху – средневековые – привели к расширению ареала их обитания за счет продвижения в Ямальскую Арктику. Движение это было постепенным и длительным, занявшим не одно столетие, с поэтапной сменой сезонного ритма жизни, уменьшением роли рыболовства и охоты при возрастающей зависимости от миграций оленьих стад, усилиями по наращиванию домашнего поголовья оленей. В конечном результате, эти процессы привели к формированию культуры постоянного тундрового населения (протоненецкого), постепенно всё больше отделявшего себя от северотаёжной метрополии.

Именно транспортное оленеводство дало возможность освоения новых необжитых тундровых территорий полуострова Ямал и вместе с тем стало механизмом адаптации населения в новых условиях. На археологической карте Ямала, севернее широты р. Юрибей на сегодняшний день не известно памятников древнее VI-VIII вв. н.э., и абсолютное большинство из них представлено кратковременными (летними) стоянками в виде остатков кострищ и случайных находок артефактов на песчаных выдувах. Находки эти более всего близки кругу северотаёжных культур своего времени. Невозможно лишь археологически проследить остатки переносных жилищ типа чума, но в их существовании вряд ли стоит сомневаться.

На полуострове Ямал исследованы археологические памятники, которые раскрывают последовательный характер формирования кочевой культуры, аналогичной современной. Это сезонные поселения на побережьях, существование которых базировалось на интенсивной пушной охоте в летний период и попутной добыче морских животных. Продвижение населения в

открытую тундру невозможно без наличия стад домашних оленей, что и подтверждают находки деталей упряжи в культурном слое поселения Тиутей-Сале на северо-западе Ямала (Рис. 6-7).

К числу уникальных памятников следует отнести «городище» Ярте VI, (XI-XII вв.) возникшее на пути традиционных миграций оленьих стад (место сезонных поколок). Здесь было обнаружено большое количество находок, главным образом скребков для обработки шкур северного оленя из кости, дерева и камня, свидетельствовавших о товарном характере добычи северного оленя, выделки шкур и изготовлению из них ремней.

Обилие находок в культурных слоях Тиутей-Сале и Ярте VI, в том числе детских игрушек (модели лодок, весел, луков, стрел, топоров, деталей нарт и волчков) и предметов женского ремесла (шитьё, починка берестяной посуды) свидетельствует о том, что тундра осваивалась полноценными семейными коллективами, как это, впрочем, происходит и сейчас. Возможность передвигаться со всем своим имуществом столь далеко от мест зимовок в лесотундровых районах Приобья появилась только при переходе к кочевому оленеводству.

Полученные в результате раскопок последних десятилетий факты свидетельствуют о том, что: 1) оленеводство на севере Западной Сибири, во всяком случае, в его транспортном (санном) варианте сложилось уже в последние века до Р.Х.; 2) происхождение его имеет местную основу и свою историческую традицию; 3) специфический для кочевого северосамодийского оленеводства набор признаков сложился, во всяком случае, уже к началу XII в., что позволяет отнести процесс начального формирования крупностадного оленеводства к этому времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 203 с.

2. *Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство
Усть-Полуя // Материалы и исследования по археологии СССР.
№ 35. М.: АН СССР, 1953. С. 72-106

3. *Федорова Н.В.* Каслание длиной в две тысячи лет: человек
и олень на севере Западной Сибири // Уральский исторический
вестник. Вып. 14. Материалы ко II Международному Северному
археологическому конгрессу. Екатеринбург, изд-во УрО РАН,
2006. С. 149-156.

ДРЕВНЕЕ РЫБОЛОВСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2017 О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин
Научный центр изучения Арктики
(Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия)

Аннотация. Данная работа посвящена рыбной ловле – одной из важнейших хозяйственных стратегий присваивающих хозяйств. Хронологические рамки исследования достаточно широки, охватывают период от мезолитического времени до эпохи бронзы. Территориальные рамки исследования – север Западной Сибири, также мы обращаемся к материалам европейского Северо-Востока. В статье рассматривается эволюция способов рыбной ловли в различные периоды эпохи камня. Кроме того, опираясь на археологические свидетельства, мы попытались рассмотреть роль и значение рыбного промысла для экономик древности.

Ключевые слова: Рыболовство, каменный век севера Западной Сибири, адаптационные стратегии древности.

OLD FISHING WEST SIBERIA

© 2017 O.S. Tupahina, D.S. Tupahin
Arctic Research Center
(Salekhard, the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia)

Abstract. This work is dedicated to fishing - one of the most important business strategies appropriating economy. The chronological scope of the study are wide enough, covering the period from the Mesolithic to the Bronze Age times. The territorial scope of the study - the north of Western Siberia, as we turn to the content of the European Northeast. The article describes the evolution of fishing methods in different periods of the Stone Age. Also, based on archaeological evidence, we have tried to consider the role and importance of fisheries for the economies of antiquity.

Keywords: Fishing, Stone Age north of Western Siberia, the ancient adaptation strategies.

Рыболовство - одна из ведущих адаптационных моделей древнего населения территории севера Западной Сибири. Основным источником исследования стала информация, накопленная в ходе изучения археологических памятников,

относящихся к эпохе мезолита – энеолита, расположенных в Нижнем Приобье. Авторами использованы также опубликованные сведения о памятниках близлежащих регионов, материалы которых позволяют проводить корреляции, частично заполняющие информационные лакуны.

Север Западной Сибири отличается суровыми природными условиями, в числе которых – жесткие климатические условия с экстремально низкими зимними температурами и непродолжительным летним сезоном, скудный набор ресурсов, имеющихся в распоряжении человека, удаленность и труднодоступность региона, большая протяженность территорий, осложняющая контакты между отдельными коллективами. Все это изначально задает определенный вектор развития культуры, основное направление которого – выработка оптимальных моделей адаптации, обеспечивающих выживание и успешное существование древних коллективов. Одной из важных моделей хозяйственной адаптации в подобных условиях становится рыболовство оседлого или полuosедлого типа, эффективность которого обеспечивается колоссальным биоресурсом северных рек (рис.1). При наличии развитых приемов лова (различных вариантов сетевого промысла) рыболовство является крайне продуктивной отраслью хозяйства, вполне сопоставимой по эффективности с экономикой земледельцев [2, с. 15].

Постараемся обобщить сведения о характере, динамике, и значимости рыболовства в каменном веке (от эпохи мезолита до энеолитического времени). Особенностью эпохи энеолита в рассматриваемом нами регионе является отсутствие медных орудий труда, сам же термин «энеолит» обозначает хронологические рамки, а не характер материальной культуры.

Отсутствие памятников эпохи палеолита в регионе (за исключением ряда случайных находок, сделанных вне археологического контекста) приводит к мысли, что проникновения человека на север Западной Сибири в эпоху финального палеолита, в лучшем случае, были спорадическими и до известной степени случайными. Стоит отметить, однако, что в других частях Сибирского региона орудия рыболовства, наряду с орудиями охоты, известны уже с эпохи среднего палеолита.

Основным орудием рыбного промысла в палеолитическую эпоху служили гарпуны, копы и остроги различных конфигураций, к эпохе финального палеолита была освоена ловля на крючок [16, с. 18-21].

Число изученных памятников, относящихся к эпохе мезолита, в Нижнем Приобье невысоко, большинство из них - временные охотничьи стоянки. Обладая малой степенью информативности, имеющиеся материалы способны лишь в самых общих чертах обрисовать бытование тех или иных хозяйственных типов в мезолите севера Западной Сибири. Однако опираясь на материалы соседних регионов (зона северной тайги Западной Сибири и Европейский Северо-восток России), можно охарактеризовать развитие рыболовства в целом, в рамках обширного северного региона. Наиболее близкими территориально являются Западносибирские материалы, относящиеся к мезолиту бассейна реки Конды. Исследователи региона, обращаясь к этим материалам, рассматривают рыболовство, как отдельную развитую отрасль хозяйства, существующую наряду с охотой. Об этом косвенно свидетельствует топографическая привязанность памятников к устьям небольших рек, как наиболее удобным местам промысла [7, с. 149].

Материалы мезолитических памятников Европейского северо-востока к настоящему времени в достаточной мере систематизированы и опубликованы [4]. Исследователями отмечается наличие высокоразвитой техники промысла: ловля на крючок, стационарный запорный промысел, использование вентерей, бредней, ставных сетей, гарпунов и острог. Основным объектом промысла в северном мезолите служила крупная рыба, добыча которой могла производиться всеми перечисленными выше способами, а для промысла мелкой «частиковой» рыбы употреблялись запорные сооружения. Оценивая значение рыбной ловли для мезолита европейского севера, одни исследователи говорят о крайне высоком его значении, ставшим качественным изменением адаптационной стратегии, сравнимым с неолитической революцией, причиной причина демографического всплеска в эпоху неолита [14]. Другие,

напротив, склонны оценивать рыболовство как второстепенную и вспомогательную отрасль хозяйства, которая не могла обеспечить в достаточном объеме пищевые запросы древнего населения [11]. «Усредненная» точка зрения Г.М. Букова заключается в признании существования в мезолите Северной Европы одновременных коллективов с разными хозяйственно-культурными укладами. В одном случае экономическим базисом была охота, в другом же случае – оседлое рыболовство [4, с. 5-15; 1, с. 8].

Большей частью памятники следующего, неолитического периода, представленные поселениями, отдельными хозяйственными объектами и кратковременными стоянками на севере Западной Сибири, локализованы в юго-восточной части Ямало-Ненецкого АО. Находки комплексов ловчих ям дают основания предполагать существование комплексного полуоседлого [7, с. 150] хозяйства. Сопоставление же мест расположения известных памятников с картой палеоклиматических условий [3, с. 97] дает отчетливую картину распространения комплексов неолита в границах северной тайги. В подобных условиях сезонный охотничий и рыболовный промысел, дополняющий друг друга, представляется наиболее эффективным способом хозяйства [12, с. 66]. По сравнению с предыдущей эпохой оседлость неолитического населения возрастает, что связано с усилением значения рыбной ловли [7, с. 153].

Изменения экологических условий и связанное с этим ухудшение обеспеченности пищевыми ресурсами в эпоху энеолита-бронзы [7, с. 155] потребовали выработки новых адаптационных моделей. В качестве одного из опорных памятников энеолита мы рассматриваем поселение Горный Самотнел-I, раскопки которого ведутся нами в настоящее время. Мощность культурного слоя свидетельствует об интенсивном и продолжительном функционировании поселения. Проведенные палеоботанические исследования подтверждают этот вывод [13, с. 161].

В ходе раскопок получена значительная коллекция артефактов, которые рассматриваются как прямые и косвенные

свидетельства хозяйственной специализации древнего поселения. Прямыми свидетельствами применения рыболовного промысла являются находки рыболовной сети, грузил, поплавков, остатков ихтиофауны (рис.2:1-4). К косвенным свидетельствам относится обилие инструментов деревообработки (рис.3:1-4), ладьевидная форма части керамических сосудов (рис.3:5), расположение поселения в удобном для рыбного промысла месте – на побережье крупной реки Обь, ширина которой в данном случае достигает десяти километров, и где до настоящего времени ведут промысел рыболовецкие бригады коренного населения (рис.4).

Помимо памятника Горный Самотнел – I в качестве поселений оседлых рыболовов, приуроченных к крупным рекам, можно рассматривать нижние горизонты целого ряда многослойных памятников [15, с. 524], расположенных выше по течению Оби. Керамика этих комплексов находит прямые параллели в материалах хорошо исследованного поселения Горный Самотнел – I.

В эпоху бронзы, насколько можно судить по археологическим материалам, роль сетевого рыболовства несколько снижается, топографические особенности расположения поселений свидетельствуют о преобладании запорного рыболовства. Возможно, это объясняется изменениями климата, истощением биоресурсов, потребовавших переориентации хозяйственных укладов, смены территорий обитания. Поселения эпохи бронзы тяготеют к небольшим тундровым рекам. Известные к данному времени материалы (например, пос. Вары-Хадыта II) свидетельствуют о постепенном продвижении человека на север, в зону южной тундры [5, 24-21]. На наш взгляд это обусловлено неспособностью сетного лова, успешно применяемого в энеолите, обеспечить достаточную экономическую базу в изменившихся климатических условиях, что сопровождалось возвратом к «комплексности» хозяйства и увеличением в хозяйстве древности роли охоты на копытных и запорного рыболовства (неприемлемого для крупных рек). Однако роль рыболовства в эпоху бронзы и последующие эпохи оставалась неизменно высокой.

Таким образом, роль рыбной ловли, зародившейся в верхнепалеолитическую эпоху, и развитой человеком в мезолите, оставалась неизменно высокой с начала освоения человеком территории Нижнего Приобья в неолите, а в эпоху энеолита оно стало ведущей адаптационной стратегией, позволившей освоить бассейны крупных рек. Некоторое снижение роли рыболовства в эпоху бронзы связано с климатическими изменениями, однако изменение и адаптация способов лова к сложившимся условиям позволили человеку эффективно освоить суровый регион Заполярья. Стоит отметить, что рыболовство не потеряло своего значения и в последующие эпохи, оставаясь важной частью всех хозяйственных типов на территории от арктического побережья до северо-таежной зоны вплоть до этнографической современности [6, с. 27, 121-122].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Burov G.M.* Mesolithic Fishing in the European North East (Russia) // *Mesolithic Miscellany*. 1992. V. 13. № 2., pg. 1-8.
2. *Murdock G.P.* Current status of World's Hunting and Gathering peoples. *Man the hunter*. Eleventh printing, Aldine de Gruyter, New York, 1987.
3. *Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа*. Омск, ФГУП «Омская картографическая фабрика», 2004.
4. *Буров Г.М.* Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // *Российская археология*, № 2. М. Наука, 2011. С. 5-15.
5. *Васильев Е.А.* Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала. *Научный вестник. Выпуск 3, Археология и этнология*. – Салехард: Из-во «Красный Север», 2000.
6. *Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири*. Новосибирск: НГУ, 1993.
7. *История Ямала: в 2 т.* / Рос. акад. наук. Урал. отд-ние. Ин-т. ист. и археологии; гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург: Баско, 2010. Т.1.

8. *Кениг А. В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург– Ханты-Мансийск: АМБ, 2010.
9. *Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. Наука, 1991.
10. *Косинская Л. Л.* Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе. // Археология Арктики. Вып. 2. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014.
11. *Ошибкина С. В.* О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. – 244 с.
12. *Рыболовы и охотники бассейна Оби:* Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., “Европейский Дом”, 2000.
13. *Тупахина О. С., Тупахин Д. С.* Микробиоморфный анализ почв поселения Горный Самотнел-1 // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). – Екатеринбург-Сургут: Изд-во Магеллан, 2013.
14. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР [Текст] / А. А. Формозов ; АН СССР, Ин-т археологии. - Москва: Наука, 1977. - 143 с.
15. *Чикунова И. Ю.* Городище Усть-Васьеган I в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III Казань: Отечество, 2014.
16. *Эверстов С. И.* Рыболовство в Сибири : Камен. век / С. И. Эверстов; Отв. ред. Ю. А. Мочанов; АН СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. - Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1988. - 140,[2] с.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

RECENT RESEARCH IN ARCHAEOLOGY

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ XVI-XVIII вв. в г. АРХАНГЕЛЬСКЕ

© 2017 А.Г.Едовин

Государственное бюджетное учреждение культуры
Архангельской области «Архангельский краеведческий музей»
(Архангельск, Россия)

Аннотация. В статье описывается краткая история Архангельска, способствовавшая формированию культурных слоев XVI-XVIII веков. Дается характеристика наиболее важных археологических исследований на объектах в исторической части города. На основе этих исследований составлены охранные зоны, для каждой из которых разработана своя методика землепользования.

Ключевые слова: Архангельск, культурный слой, археологические исследования, охранные зоны, регламент землепользования.

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE ARKHANGELSK CULTURAL LAYER, XVI-XVIII CENTURIES

© 2017 A.G. Edovin

State Budget Cultural Institution of the Arkhangelsk region
“Arkhangelsk Regional Lore Museum”
(Arkhangelsk, Russia)

Abstract. The article features brief history of Arkhangelsk, having conducted the formation of the cultural layer in the XVI-XVIII centuries. Characteristics of the most important archaeological studies carried out on the territory of the historical part of the town are given. Basing on the studies mentioned, the protected areas have been worked out with their own land-use regulations each.

Keywords: Arkhangelsk, cultural layer, archaeological studies, protected areas, land-use regulations.

Город Архангельск расположен в Северо-Западном федеральном округе, в северной части Архангельской области в

устье р. Северной Двины, одной из крупнейших водных артерий Европейской России. От моря Архангельск отстоит в 30 км, что предопределило концепцию его развития как крупного морского порта, в отдельные исторические периоды единственного в стране. Основан город в 1583 г., до начала 20 века оставался небольшим населенным пунктом, однако, в годы Первой Мировой войны разросся за счет причальных территорий, и современная его протяженность равняется около 50 км, население 360 тыс. чел.

Первое упоминание населенного пункта на месте Архангельска относится к промежутку между 1389-1397 гг., которыми датируется грамота об устройстве Михайло-Архангельского монастыря, подписанная Новгородским архиепископом Иоанном [12, с. 6]. В 1419 году монастырь подвергся нападению норвежцев, которые сожгли монастырь и перебили монахов [14, с. 49]. Несмотря на это, монастырь очень быстро отстроился и до середины XVI века оставался крупнейшим центром православия в Нижнем Подвинье. После подписания грамоты об основании города Новохолмогоры (декабрь 1582 г.), был обнесен крепостной стеной и стал форпостом на торговых путях между внутренними регионами Московии и странами Западной Европы [18, с. 15]. В 1613 г. Архангельск получает административную самостоятельность от Холмогор и именуется Архангельским городом [13, с. 14].

В писцовой книге Мирона Вельяминова 1622-1624 гг. описывается внутреннее пространство Архангельского города – церкви архистратига Михаила и Покрова, съезжая изба (канцелярия воеводы), 5 житниц (складов), зелейный двор (пороховой погреб), тюрьма (острог), воеводский двор, сто изб и 11 амбаров. Протяженность городских стен – около 900 м. Количество жителей – 447 человек мужского населения [19, с. 267-269].

В 1636 году в Архангельском Городе случился пожар, который уничтожил его более чем наполовину (сгорело 325 м стены), в том числе весь монастырь, который после этого перенесли на новое место в 2 км вверх по реке [18, с. 34]. В 1685-1689 гг. там строятся каменные Михайло-Архангельский собор и

Архиерейский дом (сохранился до наших дней). Упразднен монастырь был только в советское время.

Город после пожара был отстроен на прежнем месте. Дальнейшая судьба его такова – в 1667 году он снова сгорает и строится уже по новому проекту в 1671-1672 гг. Утратив оборонительную функцию после строительства в 1684 г. Каменного города, он постепенно разрушается, полностью исчезая в середине XVIII в [13, с. 25].

Архангельск обязан своим появлением торговле с Западной Европой, поэтому не случайно, что сразу по основании города, в 1585 году началось строительство Гостиных дворов для иноземных и русских купцов. Гостиные дворы строились по принципу караван-сарая и разделялись на русскую и иноземную части (для предотвращения конфликтов). Фактически Гостиные дворы представляли собой еще одну крепость, что живописно было описано французским посланником Ж.Соважем [6]. После пожара 1667 года, Гостиные дворы отстраиваются уже в камне (первая каменная постройка – пороховая палата - появилась в Архангельске в 1647 г.), причем между Немецким (иноземным) и Русским Гостиными дворами выстраивается крепость, в которой находился гарнизон стрельцов. Архангелогородская крепость никогда за свою историю не подверглась нападениям противника. В XVIII веке, когда торговое значение Архангельска было утрачено, Гостиные дворы частично разбираются, а частично приспособляются под новые общественные учреждения – монетный двор, таможенный замок, винные и соляные склады. Грандиозной реконструкции архитектурный комплекс подвергся в конце XVIII – начале XIX веков [13, с. 26-27]. Потом около 150 лет в здании находилась типография, и наконец, в 1982 году оно было передано на баланс Архангельского краеведческого музея. Ныне это крупнейшее культурно - досуговое учреждение региона.

С момента основания города начинают оформляться посадские слободы. В верхней по течению реки части формируются стрелецкая, пушкарская, затинная и жилецкая слободы, в источниках чаще объединяемые в понятие «Стрелецкая слобода». В 1611 году посад сильно пострадал от

пожара, но быстро отстраивается и существует до конца XVII века, после чего уступает место новому посадскому образованию – «солдатской слободе», вокруг которой формируются основные жилые кварталы [13, с. 32-34].

Вниз по течению Северной Двины от Гостиных дворов до т. н. «Бора» формируется в течение XVII столетия «немецкая слобода», в которой селились, в основном, иноземцы из торгового сословия. Здесь появляются свои культовые учреждения (реформатская кирха), иностранцы жили здесь вплоть до начала 20 века, а их обрусевшие потомки до сих пор встречаются в городе [13, с. 33].

С конца XVII века формируется постоянное поселение в Соломбале, где в 1693 г. по указу Петра была заложена судовой верфь. На протяжении XVIII века с перерывами Соломбальская верфь производила военные суда для Балтийского флота. Соломбала имела административную самостоятельность и управлялась своим генерал-губернатором, лишь в 1863 году она вошла в состав города Архангельска.

В 1700 г. в годы Северной войны формируются две солдатские слободы, заселенные регулярными войсками – одна занимает место старой стрелецкой слободы, а вторая заняла место к северу от немецкой слободы, напротив острова Соломбала. В течение XVIII века формируется единый территориальный массив современной центральной (исторической) части Архангельска [18, с. 88].

Археологические исследования по изучению культурных слоев города Архангельска начались достаточно поздно, только в 1950-х гг. Наибольший вклад в изучение культурных слоев первых веков существования города внесли три исследователя – О.В.Овсянников (ЛОИА АН СССР), А.Е.Беличенко (ПГУ) и А.Г.Едовин (АКМ).

Как ни парадоксально, но самый древний объект – Деревянный город и Михайло-Архангельский монастырь, начал изучаться только с 2000 г., когда небольшие работы здесь произвел А.Е.Беличенко [5]. Заложенные им шурфы у здания Драмтеатра выявили культурный слой, мощностью до 1,5 м и остатки сгоревших деревянных конструкций (пожара 1667 г).

Вещевой инвентарь датировался не ранее XVII века. Исследования здесь были продолжены в 2008 г., однако, они не принесли сколько-нибудь существенных результатов. Немного добавили данных и наши работы 2009 года – было раскопано несколько погребений XVII века, совершенных уже после переноса монастыря на новое место. Надзор над траншеей, протянувшейся в северной части памятника, также не выявил остатков крепостных сооружений [9-10]. Таким образом, Деревянный город и монастырь в ранний период существования остаются почти совершенно не изученными.

Гораздо большие результаты принесли раскопки Архангельских Гостиных дворов. Здесь наибольший вклад внесли работы О.В.Овсянникова 1984 и 1991 гг. В первом случае было вскрыто 2000 кв. м. на месте стыка Немецкого Гостиного двора и Каменного города. Помимо большого и уникального вещественного материала удалось частично проследить остатки деревянных Гостиных дворов 1585-1587 гг. [15]. Еще большая площадь (около 2200 кв. м.) была раскопана в 1991 г., однако, территориально раскоп находился вне пределов Деревянного Гостиного двора, зато прясло каменного Немецкого двора было прослежено на всю ширину. Культурный слой в районе памятника доходил до 3 м, собрана интересная коллекция терракотовых изразцов, фаянсовых курительных трубок и пр. [16]. Немало нового принесли наши работы в ходе реставрации объекта в 2009 г. Было заложено 2 раскопа, 7 шурфов и прослежено 3 траншеи. Общая площадь исследований составила более 150 кв. м. Зафиксированы остатки деревянного Гостиного двора, что позволило реконструировать его первоначальные размеры, а некоторые находки не имеют аналогов – например, золотой левендаальдер [10]. Исследования продолжались в 2011-2012 гг., внутри башни конца XVIII века расчищены фундаменты первоначального сооружения, зафиксирована дальняя от реки стена каменного города [11].

Стрелецкая слобода изучается с 1994 года – первые раскопки проведены А.Е.Беличенко на площади 56 кв. м. Исследования позволили изучить несколько деревянных построек и проиллюстрировать материальную культуру горожан

XVII - XVIII вв. [3] В 2002 году работы были продолжены археологическим отрядом АКМ [7], площадь исследований составила 875 кв. м. Большой вещественный материал пополнил фонды музея массой интересных артефактов – берестяных, кожаных и деревянных изделий, керамики, стекла, фаянса, фарфора и пр. Вновь в 2008 году работы в Стрелецкой слободе продолжил А.Е.Беличенко – небольшие раскопки на месте усадьбы Ананьина дали выразительный материал и позволили проследить хронологию этапов строительства в четырехметровой толще культурного слоя [9].

В отличие от Стрелецкой слободы, Немецкая слобода изучалась плохо. Можно назвать только исследования А.Е.Беличенко в 1990 г., когда был осуществлен надзор над траншеей у дома радио на ул. Попова и собран вещественный материал 17-19 вв. [1].

Совсем недавно начала изучаться Старая Соломбала – с 2011 г., однако работы на объектах здесь пока не дали каких-либо интересных результатов. Собранный у дома купцов Макаровых материал подтверждает заселение островов не ранее 18 столетия. [11].

Выросшая из Стрелецкой слободы старая Солдатская слобода также изучена достаточно неплохо. Несколько разведочных шурфов здесь было заложено А.Е.Беличенко и А.Г.Едовиним в 2005-2007 гг. [8]. Все шурфы позволили зафиксировать остатки деревянных строений на глубине до 2,5 м. Собран большой вещественный материал. Наиболее масштабные работы на Солдатской слободе произведены в 2011 г. Изучена территория около 5000 кв. м., часть ее раскопана. За счет большой площади исследований по анализу находок удалось зафиксировать границу между старой Стрелецкой слободой 17 века и новыми кварталами Солдатской слободы 1700 г. [11].

Основными особенностями культурного слоя г. Архангельска являются:

1. Высокое стояние уровня грунтовых вод (1,5 – 2 м), что делает нецелесообразным исследования на маленьких площадях.

2. Большая заторфованность территории, за исключением узкого берегового вала. Это способствует неплохой сохранности находок, расположенных ниже уровня грунтовых вод.

3. Сильное антропогенное влияние, связанное с крупными строительными работами уже в XVII - XVIII вв., что мешает использованию стратиграфического метода исследований.

4. Большая мощность культурного слоя – до 4-5 метров.

5. Сильная насыщенность культурными остатками слоев XVII - XVIII вв.

В 2011 г. были проведены работы для составления нового Генплана Архангельска, в ходе которых составлен опорный план объектов археологического наследия. Описанные выше территории вошли в зону археологического наследия «А». На территории зоны охраны «А» в составе проектов строительства должен быть предусмотрен раздел по сохранению объектов археологического наследия. До начала строительства проект должен быть согласован с органами государственной охраны объектов культурного наследия. До начала любых земляных и строительных работ должны быть произведены полномасштабные археологические раскопки на всей территории пятна застройки, участков прокладки коммуникаций, строительства сооружений с заглублением ниже дневной поверхности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологической разведке и наблюдении в зонах строительства в исторической части г. Архангельска в 1990 г. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 571-572.

2. *Беличенко А.Е.* Отчет о работе отряда археологического научно - координационного центра при ИЭПС УрО РАН в 1993 году в исторической части Архангельска и в Приморском районе. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 613.

3. *Беличенко А.Е.* Отчет о работах Северо-Двинского археологического отряда в 1995 г. Архив АОКМ № ИА РАН № 19273, 19274.

4. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических исследованиях в г. Архангельске, Приморском и Пинежском районах Архангельской области в 1996 г. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 941.
5. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Приморском районе Архангельской области в 2000 г. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 972.
6. *Гемп К. П.* Гостиный Двор. Архангельск: Сев. - Зап. кн. изд-во, 1969.
7. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда АОКМ в 2002 году. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 992
8. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда АОКМ в 2005 году. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 1039
9. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда АОКМ в 2008 году. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 1089
10. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда АОКМ в 2009 году. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 1090
11. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда АОКМ в 2011 году. Архив АОКМ Ф. III оп. 3 № 1104.
12. *Кибирев М. Ф.* Архангельск: Арх. кн. изд-во, 1955.
13. *Мильчик М. И., Попова Л. Д.* Первые ворота Российского государства. Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. Спб.: Лики России, 2002.
14. *Овсянников О. В.* Люди и города средневекового Севера. Архангельск: Сев. - Зап. кн. изд., 1971.
15. *Овсянников О.В.* Отчет о работе Архангельской археологической экспедиции в 1984 году. Архив АОКМ Ф III, оп. 3, № 249.
16. *Овсянников О.В.* Охранные архитектурно-археологические раскопки в Архангельске в 1991 г. Отчет. Архив ИА РАН, Р-1 № 16272-4
17. *Овсянников О. В.* Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск: Сев. -Зап. кн. изд., 1992.
18. *Попова Л. Д.* Архангельск. Очерк истории строительства (конец XVI — начало XX в.). Архангельск: РГО РАН, 1994.

19. *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.

САМАРКАНДСКАЯ СТОЯНКА КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2017 Д.М. Джуракулова
Самаркандский государственный университет
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена истории открытия и исследования Самаркандской стоянки эпохи палеолита. С момента ее обнаружения в 1939 г. проводились как полевые, так и естественно-научные исследования уникальных археологических материалов. Исследования фаунистических остатков подтвердили четвертичный возраст памятника. Результаты споро-пыльцевого анализа уточнили стратиграфию памятника и возрастные различия двух его террас. По геологическим данным возраст стоянки 15-20 тыс. лет. Самаркандская стоянка явилась первым полноценно изученным памятником эпохи верхнего палеолита, открытым на территории Средней Азии и имеющим мировое научное значение.

Ключевые слова: эпоха палеолита, стоянка, фауна, споро-пыльцевой анализ, стратиграфия.

THE SAMARKAND LOCALITY AS OBJECT OF WORLD HERITAGE

© 2017 D.M. Djurakulova
Samarkand State University
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. The article is devoted to the history of the discovery and study of Samarkand Site Paleolithic. Since its opening in 1939 were carried out as a field, and natural-scientific research materials. These faunal remains study confirmed the results of the Quaternary age monument spore-pollen analysis clarified the stratigraphy of the monument and the age difference of its two terraces. According to geological data, the age of Samarkand Site is 15-20 millenniums. Samarkand site was the first full study of the monuments of the Upper Paleolithic, open on the territory of Central Asia and have global scientific value in World Heritage.

Keywords: Paleolithic, parking, fauna, spore-pollen analysis, stratigraphy.

Интерес к памятникам культурно-исторического наследия поступательно нарастает. В этом процессе сегодня просматривается необходимость обращения к объектам материальной культуры, как важному источнику исторической памяти и культуротворчества [8-10].

Долина Зарафшана является одной из территорий, богатых памятниками древнекаменного века. Систематическое изучение данного региона началось в 1939 году с момента открытия знаменитой Самаркандской стоянки. Здесь также открыт и исследован ряд палеолитических памятников, включая такие известные археологические объекты как Аманкутан, Гурдара, Такаликсай, Кутурбулак, Зирабулак, Ходжамазгиль и Сиабча.

Открытие Н.Г.Харламовым Самаркандской верхне-палеолитической стоянки в 1939 г. явилось крупным событием в изучении истории каменного века Центральной Азии. Она расположена в черте города Самарканда в бассейне р. Зеравшан, занимая правый берег сая Чашмасиаб. На территории стоянки были собраны разновременные материалы, в том числе, наконечники стрел, скребок высокой формы и пластины с ретушью (рис. 1). Это позволило заложить там небольшие шурфы и раскоп, благодаря которым было доказано наличие культурных слоев. Дальнейшие полевые исследования Самаркандской стоянки проведены М.В. Воеводским [1-4]; им было установлено, что последняя являлась временным поселением эпохи верхнего палеолита.

По данным изучения фаунистических остатков В.И.Громов подтвердил четвертичный возраст открытого памятника [5]. Вместе с тем, геологом В.В. Шумовым отмечено некоторое разрушение культурного слоя под воздействием антропогенных факторов. Об этих нарушениях почвы писал в свое время и С.А.Несмеянов [16]. Однако после многолетних работ Д.Н. Лева удалось установить ненарушенность слоев на ряде участков стоянки. Основные раскопки стоянки проводились в 1958-1967 гг. Д.Н.Левом [11-15] и в 1970-1973 гг. Е.Н. Амарцевой и М.Д. Джуракуловым [9-10;18]. Как показали исследования, находки залежали на двух террасах - нижней, высотой 10 м от дна сая Чашмасиаб, и верхней – на высоте 15-17 м [16]. На нижней

террасе обнаружено 3 культурных слоя. Все они залежали в делювиальных суглинках. Из них средний содержал 2 горизонта с находками, разделенных линзовидной прослойкой. На верхней террасе условно выявлено также 3 культурных слоя. По мнению геологов, концентрация находок наблюдается на четырех уровнях связанных с максимальным заселением стоянки, приуроченных к нижней террасе [16]. Это соответствует выделенным ранее культурным горизонтам Д.Н.Лева.

Наиболее насыщенными находками оказались слои нижней террасы. Коллекция, полученная с верхней террасы, немногочисленна. Однако стратиграфия нижнего слоя этой террасы и, как будто, сами материалы несколько отличаются от верхнего, который хорошо сопоставляется и имеет полное сходство с находками нижней террасы.

По данным споро-пыльцевого анализа высказана гипотеза о возрастном различии двух террас [16]. Из них верхняя часть более высокой террасы сформировалась одновременно с толщей нижней. Вместе с тем нижняя толща верхней террасы по ряду показателей представляется более древней. Геологическая привязка стоянки – рубеж голодностепского и Сырдарьинского этапов, датировка 15-20 тыс. лет.

Раскопками вскрыта площадь около 950 м². Из них 800 м² – на нижней террасе и 140 м² – на верхней.

Самаркандская стоянка явилась первым полноценным памятником эпохи верхнего палеолита, открытым на территории Средней Азии и имеющим мировое научное значение. Уникальную значимость подчеркивали многих ученые [1;17]. Несмотря на то, что первые шаги в исследовании Самаркандской стоянки были сделаны еще М.В. Воеводским [2-4] и В.В. Шумовым (Архив Самаркандского музея, № 293), впервые заговорили о ней как о важном историческом источнике лишь после многолетних плодотворных работ Д.Н. Лева (1960-1972 гг.) [11-15]. Десятилетние систематические изыскание последнего позволили вскрыть и оценить по-своему все богатства этого интереснейшего памятника. Уникальный объект археологического наследия должен быть включён в систему важнейших туристических достопримечательностей Самарканда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Борисковский П. И.* Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области [Текст] / П. И. Борисковский. Доклады VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Москва, авг. 1964 г. – М.: Наука, 1964. – 9 с.
2. *Воеводский М.В.* К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. С А, № 5. М.-Л., 1940. - С. 144-150.
3. *Воеводский М.В.* Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, № 2 (11). М., 1940. - С. 178-191
4. *Воеводский М.В.* Результаты работ Деснинской экспедиции по изучению палеолита (1936—1937). «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6-7, М.-Л., 1940. - С. 54-57.
5. *Громов В.И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфических континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр.ИГН. - Вып.64.- Геол. Серия, №17. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – 521 с.
6. *Джуракулов М.Д.* Метрическая характеристика пластин Самаркандской стоянки / М.Д.Джуракулов, Ю.П.Холюшкин // Сибирь в древности. - Новосибирск: Наука, 1979. - С.4-10.
7. *Джуракулов М.Д.* Топоры и рубящие орудия Самаркандской верхнепалеолитической стоянки / М.Д.Джуракулов, Ю.П.Холюшкин // Труды Самаркандского государственного университета им. А.Навои. – Самарканд, 1972. - Вып.218. - С.78-88.
8. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
9. *Ионесов В.И.* Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации, №2 (3), 2012 а. – С. 75-94
10. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // В сборнике: Наследие и гуманизм:

культурная антропология на службе человечества. Материалы Международной научной конференции: посвящается 100-летию и памяти Анны Хознварт-Герлахштайн. Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарская государственная академия культуры и искусств»; Международная комиссия по срочным антропологическим исследованиям; Самарское культурологическое общество «Артефакт - культурное разнообразие». – Самара, Век #21, 2010. – С. 58-87.

11. *Лев Д.Н.* Археологические исследования Самаркандского государственного университета (1955–1956). – Тр. САГУ, вып. 101, ч. 2, 1960.

12. *Лев Д.Н.* Древний палеолит в Аман-Кутане. (Предварительное сообщение). Самарканд, 1949. (Тр. УЗГУ, новая серия, № 39).

13. *Лев Д.Н.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. АДД. М., 1967.

14. *Лев Д.Н.* Поселение древнекаменного века в Самарканде (исследования 1958– 1960 гг.). – Тр. САГУ, вып. 135, 1964.

15. *Лев Д.Н.* Самаркандская палеолитическая стоянка. – ИМКУ, вып. 6, 1965.

16. *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. – М.: Недра, 1972. - 184 с.

17. *Окладников А. П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд. МГУ, 1949.

18. *Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии* / М.Д.Джуракулов, Ю.П.Холюшкин, В.А.Холюшкина, Б.Х.Батыров // Палеолит Средней и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1980. - С.51-95.

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА – УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА БОХАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИМОРЬЕ

© 2017 Н.В.Лещенко

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
(Владивосток, Россия)

Аннотация. На археологическом материале, полученном за тридцать лет исследований памятника, раскрываются особенности материальной культуры жителей этого городища, ставшего эталонным памятником бохайской культуры в Приморье.

Ключевые слова: государство Бохай, Краскинское городище, бытовая культура.

FEATURES OF EVERYDAY LIFE OF THE INHABITANTS OF KRASKINO WALLED TOWN

© 2017 N.V. Leshchenko

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of
the Far East of Russia Far Eastern Branch of the Russian Academy
of Sciences
(Vladivostok, Russia)

Abstract. Basing on the data obtained during 30 years of the research of Kraskino walled town which has become the reference site of Bohai culture in Primorskiy Region, the author exposes features of the material culture of inhabitants of this town.

Keywords: Bohai state, Kraskino walled town, culture of everyday life.

Исследования Краскинского городища продолжаются более тридцати лет. Это единственный в Приморье памятник, идентифицируемый с конкретным бохайским городом. Городище расположено в непосредственной близости от Восточной столицы Бохая и может рассматриваться как эталонный памятник бохайской культуры.

Жилища. К настоящему времени на Краскинском городище раскопано около 30 жилищ. Они двух видов: полуземлянки и наземные жилища. Полуземлянки строились в более раннее время существования государства Бохай и относятся к нижнему строительному горизонту на городище. Котлованы были углублены, площадь небольшая. Жилища наземного типа сооружались жителями позднее и относятся к верхнему строительному горизонту на памятнике. Во многих жилищах сохранились остатки кановой отопительной системы. Кан имел П или Г-образную форму, был двух или трехканальный, с одним, двумя очагами. Стенки каналов были сооружены из вертикально поставленных каменных галек и перекрывались другими более крупными уплощенными камнями. Кан, как и стены жилища, обмазывались глинистым грунтом. Ориентированы жилища в основном по сторонам света, либо чуть отклонены в ту или иную сторону. Вход в жилищах мог располагаться с разных сторон: юго-западной, северной, восточной. Площадь жилищ от 15 до 28,8 кв.м. Необходимо отметить, что на Краскинском городище существовала поквартальная жилая застройка. Интересной особенностью жилых и хозяйственных построек Краскинского городища, является факт наличия перед входом в жилища, либо на территории дворов крупных тарных сосудов типа корчаг. Многие из этих корчаг разрушились под воздействием крупных камней, использовавшихся в качестве гнета (рис.1). В сосудах, вероятно, жители городища засаливали овощи, хранили жидкие или сыпучие продукты. Как правило, они вкапывались в землю, т.е. служили еще и своеобразным «холодильником».

Внутреннее убранство жилищ зависело от социального статуса владельца. Кановая лежанка застилалась циновками, берестой, тканевым покрытием, а в зимнее время шкурами животных для сохранения тепла и удобства отдыха обитателей жилища. В районе очагов находим фрагменты чугунных котлов, в которых готовилась пища. Котлы вмазывались в топку или стояли на трех ножках. Они могли также подвешиваться на веревки, которые подкручивались при помощи специальных держателей [3,с.91-95]. Различные котлы и чаши из чугуна (табл.I) находили самое широкое применение в быту. Приготовление пищи осуществлялось и в керамической посуде.

На Краскинском городище не раз находились сосуды со следами нагара и остатками «каши». Помимо чугунной и керамической посуды в повседневной жизни находили применение и деревянные чаши (табл. II-1).

В жилищах и других хозяйственно-бытовых постройках были обнаружены самые различные предметы быта (табл. III-XI): инструментарий, орудия промысловой, сельскохозяйственной деятельности, принадлежности игр, глиняные скульптурки животных, украшения, поясная гарнитура, атрибуты религиозных культов. Практически в каждом жилище, дворе встречаются так называемые «фишки». Краскинское городище единственный бохайский памятник, где они встречаются в массовом числе. За годы исследований их собрано более 900 экземпляров. Они могли быть принадлежностями игры. При раскопках черепичной камеры была обнаружена плита из песчаника (табл. IV-2). На её гладкой поверхности выгравирован рисунок в виде двух вписанных один в другой квадратов, углы которых были соединены между собой косыми линиями. Судя по тому, что такой же рисунок изображен на кирпиче с чжурчжэньского городища Тахучэн в автономном национальном монгольском уезде Цянь Горлос провинции Цзилинь, КНР, (кирпич хранится в фондах Института археологии провинции Цзилинь) - это устойчивая форма разметки, скорее всего, игрового поля настольной игры. При раскопках ранне-уйгурской столицы Хара-Балгасун была найдена так называемая доска из обожженной глины [10, с.68, рис.6], на которой прочерчен точно такой же рисунок, что на плите из песчаника с Краскинского городища. Вполне возможно, что игровое поле могло расчерчиваться и непосредственно на земле, где могли быть использованы и «фишки» более крупных размеров. Занятия подобными играми можно и сейчас наблюдать в Китае.

На Краскинском городище раскопаны объекты хозяйственно-бытового назначения, а также не совсем ясного или даже спорного характера. К ним принадлежит черепичная камера [2, с.66-83]. По конструкции камера напоминает собой землянку, т.е. откопанный в материковых отложениях супеси близкий по форме к квадрату котлован, борта которого изнутри были укреплены черепичными стенками. При сооружении стен

использовалась черепица, ранее уже бывшая в употреблении, некоторые фрагменты битые. Черепица укладывалась горизонтально. Над полом, у северо-восточной стены камеры располагалась деревянная конструкция. Черепичная камера - это уникальное сооружение. Впервые на Дальнем Востоке была обнаружена постройка полуподземного типа, стены которой сложены из черепицы.

Другим объектом с не совсем ясным назначением была прямоугольная в плане конструкция, фундамент которой состоял из 16 баз [6, с.247-252]. Длина стенок здания с внешней стороны: южная стенка – 460 см; западная – 580 см; северная – 490 см; восточная 580 см. Общая площадь здания 28,5 квадратных метров. Подобные фундаменты из каменных баз раскапывались на Краскинском городище в 2008, 2010 годах [7, с.174,175; 1, с.142-144]. Эти постройки с фундаментом из каменных баз могли быть жилищами зажиточных слоев населения. Хотя, мы не исключаем и административный характер этих построек.

Пища. В рацион входила, прежде всего, сельскохозяйственная продукция, составлявшая основу в системе жизнеобеспечения жителей городища. Население занималось пашенным земледелием. Памятник окружен равнинными землями, пригодными для выращивания зерновых культур. Обнаружены сельскохозяйственные орудия обработки почвы, сбора урожая и переработки зерна. Это обломки плужных чугунных лемехов, мотыга, железные лопаты, серпы. На территории городища, в жилых и хозяйственных комплексах найдены каменные ступы, фрагменты жерновов. При помощи этих орудий производилось шелушение и переработка зерна в крупу и муку. Жители городища выращивали семь видов культурных растений. Среди них три вида просяных: просо итальянское (чумиза), просо обыкновенное, просо японское; а также такие зерновые культуры, как ячмень голозерный и пленчатый, пшеница мягкая; из бобовых растений есть соя культурная, фасоль; из крупяных культур встречена гречиха, из масличных – перилла [8, с. 36-41]. Вышеуказанные растения обладали устойчивостью к холодам, засухе и для них достаточен короткий вегетационный период. Конопля выращивалась повсеместно [9, с. 5]. Бобовые, главным образом соевые бобы,

применялись для приготовления соевого соуса, считавшегося одним из лучших продуктов бохайской области Чжачэнфу [4, с.92], т.е. района Хуньчуня, расположенного близ Краскинского городища, а также для изготовления напитков. Животноводство поставляло мясные продукты. Сопоставляя письменные источники и остеологический материал, мы знаем, что разводили свиней, коров, собак, лошадей (определение остеологического материала произведено к.б.н. В.В.Гасилиным). Разнообразили и витаминизировали пищу овощи и фрукты. Из плодовых деревьев к настоящему времени определены остатки пород яблони, груши (определение произведено зав.кафедрой биологии и экологии растений ДВФУ, к.б.н. С.А.Снежковой).

Следующей составляющей в диете жителей Краскинского городища была продукция таежных, морских и речных промыслов. Важными по месту в хозяйстве и затратам труда были ловчие, охотодобывающие промыслы: добыча пушного зверя, копытных животных, дикой птицы. Хозяйственный уклад археологического памятника находился в прямой зависимости от ландшафтных зон, наличия охотничьих и рыболовных угодий. На Краскинском городище найдены как отдельные детали крючковых снастей, так и сетевых орудий лова рыбы. Для ловли более крупной рыбы пользовались острогой. Распространенной находкой являются грузила для рыболовных сетей. Грузила, изготовленные из глины, песчаника, пемзы, представлены семью типами. Разнообразие размерных и весовых характеристик грузил указывают на использование сетей, имеющих разные размеры ячей и предназначенных для разных видов рыбы. На Краскинском городище мы имеем убедительные свидетельства речного и морского собирательства – многочисленные и разнообразные остатки раковин речных и морских моллюсков. Сказывается месторасположение памятника: некоторая удаленность от лесных массивов и преимущественная близость водных. Городище находится в приустьевой правобережной части долины реки Цукановки, изрезанной со стороны бухты Экспедиций узкими заливчиками. От берега и бухты городище отстоит на 400, от ближайшего залива - примерно на 100 м. Моллюски могли приноситься именно из заливов. Сбор некоторых видов мог осуществляться в результате штормовых

выбросов на косе Назимова. Обработка отдельных видов, например, таких как устрица, гребешок, могла осуществляться на месте вылова, а других, требующих термическую обработку, производилась на городище. На Краскинском городище малакофауна представлена шестнадцатью видами моллюсков (определение выполнено д.б.н. В.А.Раковым). На городище впервые для бохайских памятников была обнаружена раковинная куча с остатками морских моллюсков [5, с.45-49]. Практиковались, очевидно, занятия морским промыслом. В жилище № 6 был найден позвонок кита.

Одежда. Непростые погодные условия южного Приморья: холодные продолжительные зимы, короткое влажное лето, влияние муссонов, циклонические особенности региона - все это отразилось на продукции ткачества. Здесь произрастала конопля. Эта техническая культура являлась главным источником сырья для изготовления тканей для одежды. Производство конопляной ткани является одной из отраслей домашнего ремесла. При анализе остатков тканей и веревок с археологических памятников Приморья (Рощинский могильник, городище Известковая сопка, Ананьевское городище) было выявлено два типа сырья растительного происхождения: крапива и конопля (определение выполнено к.б.н. Н.Б.Верховской). Исследование органических остатков (веревок), обнаруженных при прокладке трассы газопровода Хабаровского сельского района показало, что принадлежат они к волокнам льна (определение выполнено к.б.н. О.В.Бондаренко). Т.е. все остатки тканей и веревок произведены из растительного сырья. Конопля шла не только на изготовление одежды, но и на различные технические нужды: изготовление веревок, грубых тканей типа мешковины. Отпечатки тканей можно проследить на черепице. Все ткани простого полотняного переплетения. Одежда могла изготавливаться из легкого полотна. Для верхней одежды, обуви использовали кожу и меха. Пояса были составной частью костюма. Оконечниками поясов служили разнообразные пряжки. Их делали из бронзы, железа. К поясу часто подвешивались различные бытовые принадлежности или предметы необходимые для работы. Это могли быть и различные универсальные орудия из рога и кости, палочки для подкопки женьшеня, детали огнива, брелоки. На саму одежду нашивались

пуговицы, кольца из кости, нефрита, агата. Широко были распространены бронзовые серьги, кольца, браслеты. На Краскинском городище прослеживается ряд особенностей бытовой культуры которых нет или пока нет на других бохайских памятниках Приморья. Это вкопанные тарные сосуды, находящиеся в хозяйственной части жилищ или перед входом. Они служили своеобразными «холодильниками» и использовались для хранения различных продуктов. На городище раскопана единственная в Приморье черепичная камера, которая могла использоваться как хранилище-погреб, с расположенным в ней вдоль всей северной стены деревянным помостом. На Краскинском городище были раскопаны остатки фундаментов зданий колоннадного типа, с основаниями в виде каменных баз. Жилые и хозяйственные постройки на городище часто разделялись каменными оградами на зоны использования. На памятнике найдено огромное количество игральных «фишек» и расчерченное игровое поле на плите из песчаника. Ни на одном бохайском памятнике в Приморье «фишки» не являются столь встречаемыми артефактами. Очевидно, местные жители были увлечены этой игрой.

Дальнейшие исследования этого уникального памятника бохайской культуры позволят расширить знания о жизни этого средневекового города – центра слияния азиатских культур древнего Китая, Кореи и Японии и бережно сохранить для потомков это бесценное наследие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в российском Приморье в 2010 г.* (коллектив авторов). Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии (Республика Корея) Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул, 2012.

2. *Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Гельман Е.И., Лещенко Н.В.* Уникальная находка на Краскинском городище. Россия и АТР, 2005, № 3, с.66-83.

3. *Болдин В.И., Лещенко Н.В.* К вопросу о назначении глиняных и каменных изделий с взаимопересекающимися отверстиями из бохайских памятников Приморья. //Дальний Восток России в древности и средневековье. Проблемы, поиски, решения. Владивосток, 2011, с. 91-95.

4. *Ван Чэнли.* Бохай Цзяньши. Краткая история Бохая. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1984, 234 с. Перевод с китайского А.Л.Ивлиева.

5. *Лещенко Н.В., Раков В.А., Болдин В.И.* Морское собирательство и рыболовство (по материалам археологических исследований Краскинского городища). Россия и АТР. 2002 Владивосток: № 1, с.45-49.

6. *Лещенко Н.В., Болдин В.И.* Прихрамовые постройки буддийского комплекса на Краскинском городище в Приморье. //Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008, т. II, с.247-252.

7. *Отчет об археологических раскопках Краскинского городища в российском Приморье в 2008 г. «Результаты исследований на Краскинском городище в 2008 г.» (коллектив авторов).* North-East Asian History Foundation, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул, 2010.

8. *Сергушева Е.А.* Семена растений на археологических памятниках Приморья бохайского времени. //Бохай: история и археология (в ознаменование 30-летия с начала археологических раскопок на Краскинском городище). Международная научная конференция 4-9 сентября 2010 г. Владивосток, 2010, с.36-41.

9. *Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун.* Бохай Ши Гао (Исторические наброски о Бохае). На кит.яз. Перевод А.Л.Ивлиева. Харбин, 1984

10. *Burkart Dähne.* Некоторые результаты исследования уйгурской столицы Хара-Балгасун в 2010 году. Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. The Official Journal of the National University of Mongolia. Volume 6 No.1 (365) December 2010. Ulaanbaatar, 64-71.

ДРЕВНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК ПЕЩЕРЫ ШЕЙХ-АВВАЛ

© 2017 А.Ю. Ражабов
Института археологии АН РУз
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена итогам разведочных работ в пещере Шейх-Аввал-2. Приводится ее планиграфия и стратиграфия. Материалы пещеры Шейх-Аввал-2 предварительно датированы временем среднего палеолита и находят аналогии с одновременными комплексами Самаркандской впадины.

Ключевые слова: средний палеолит, пещерные стоянки, планиграфия, стратиграфия.

THE ANCIENT STONE THE CENTURY OF CAVE SHEIKH-AVVAL

© 2017 A.Yu. Rajabov
Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. The article is devoted to the results of exploration in the cave Sheikh Awwal-2. It showed its planography and stratigraphy. Materials cave Sheikh Awwal 2 pre-dated by the time the Middle Paleolithic and are similar to the simultaneous complexes Samarkand depressions.

Keywords: Middle Paleolithic, cave dwellings, planography, stratigraphy.

Археологические памятники часть всемирного наследия человечества. Артефакты самых далёких эпох удерживают в себе культурную память и связь времён, что позволяет видеть в них важный источник знаний и ресурс музейного проектирования [1-6].

В 2010 году палеолитический отряд Института археологии АН РУз. произвел разведку на Югансае, расположившегося выше селения Хазрати-Бешир.

Село Хазрати-Бешир находится примерно в 40 км к востоку от г. Шахрисабза в горном ущелье хребта Зарафшанских гор. В 2 км выше села, на правом берегу Югансая, в горном хребте находится пещера Шейх-Аввал-2. Вход пещеры обращен на северо-запад, абсолютная высота 1192 м, координаты по JPS: 42 S

0336166', УТН 4349881° (рис. 1). Пещера образована из известняковой породы и заполнена обвалами камней из потолка. В середине пещеры имеются следы старого шурфа, с сохраненной глубиной до 1 м, стенки которого обвалились. Но данных об этой шурфовке мы не нашли. Первые сведения о нахождении здесь палеолитических изделий приводятся А.А. Аскаровым в 1966 году.

Пещера состоит из двух залов. Первый зал округлой формы, его размеры 7х7 м, высота этого зала доходит до 6 м. С конца первого зала, напротив входа начинается второй коридор размерами 3х10,5 м. Высота потолка в начале этого коридора доходит до 3 м. Второй зал также заполнен отвалами и красноватым песком, которые возвышаются к глубине коридора. На самом дне зала высота потолка достигает 0,5 м. Потолок грота частично покрыт покровом черного цвета, а местами имеются следы свежего излома. Пещера имеет два входа, основной вход расположен в северо-западной части, а другой в северо-восточной. Ширина северо-восточного входа 2,5 м, высота достигает до 5 м. Длина входного коридора до первого зала 10,5 м. Он расширяется к первому залу и здесь его ширина составляет 4 м. Но высота потолка сужается, так как этот вход завален отвалом старого раскопа. Высота второго входа 1 м, а ширина достигает 3 м.

Внутри пещеры Шейх-Аввал-2 нами заложен шурф размерами 2х1 м (рис. 1а). Верхняя часть заполнения пещеры покрыта двухметровой толщей неогеновых отложений красного цвета. Под ним следует серый песок с примесью обломков камней из потолка. Толщина этого слоя местами достигает до 50 см. Затем идет полусантиметровый белый органический слой, напоминающий стерильные отложения, после чего 20-ти сантиметровой желтоватый культурный слой, откуда были извлечены 7 экземпляров каменных изделий. Среди артефактов этого слоя выделяются нуклеусы, скребло, нож, рубящее орудие и отщеп с резцовыми сколами (рис. 2). Все эти изделия изготовлены из песчаников.

Таким образом, палеолитическая пещера Шайх-Аввал 2 имеет один культурный слой мощностью 20 см. Но ее

дальнейшие исследования требуют больших сил, так как этот слой перекрыт мощным слоем красноцветных отложений. Что касается относительной датировки артефактов, предварительно их можно отнести ко второй половине среднего палеолита.

Материалы пещеры Шейх-Аввал-2 имеют близкие аналогии с среднепалеолитическими комплексами Самаркандской впадины и это свидетельствует о более широком распространении культур древнекаменного века долины Зарафшана и на территории Кашкадарьинского оазиса. Несмотря на слабую археологическую изученность пещеры её значимость как объекта наследия первобытной культуры не вызывает сомнений. Очевидно, настало время музеефикации археологического объекта, что позволит включить данный памятник в практику публичной культурно-краеведческой деятельности и исторического образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Всемирное наследие в образовании. Учебно-справочное пособие.* – Санкт-Петербург, Лениздат, «Союз», 2001. – 320 с.
2. *Ионесов, В.И.* Вещи в пространстве культуры: предметы, меняющие мир // Креативная экономика и социальные инновации, №2 (3), 2012 г. – С. 75-94
3. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
4. *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). – С.75-81.
5. *Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества / Сборник статей и материалов* Междунар. науч. конф., 29 нояб., 2009, СГАКИ. – Самара, Век # 21, 2010. – 230 с.

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

© 2017 Б.К. Сайфуллаев

Института археологии АН Республики Узбекистан
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена описанию новых памятников эпохи палеолита (местонахождение Сарыкурбан 1 и местонахождение Чодак), открытых в 2011 г. Материалы датированы верхним палеолитом, их значимость в том, что они дополняют недостающую лауну в первобытной истории территории Ферганской долины. Наиболее близкие аналогии находятся в материалах Ташкентской культуры.

Ключевые слова: стоянка, палеолит, ташкентская культура, каменные орудия.

NEW UPPER PALEOLITHIC SITES IN FERGANA VALLEY

© 2017 B.K. Sayfullaev

Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. The article describes the new of Paleolithic sites (Sarykurgan Place 1 and Place Chodak) opened in 2011. The materials dated Upper Paleolithic, and their significance is that they complement gap in primitive history in the Fergana Valley. The closest analogies are found in the materials of the Tashkent culture.

Keywords: archaeological site, Paleolithic, Tashkent culture, stone tools.

Местонахождение Сарыкурбан 1. В 2011 году палеолитический отряд Института археологии АН РУз. произвел разведку на правобережных террасах реки Сох на территории села Сарыкурбан Учкуприкского района Ферганской области. В результате на второй террасе данного объекта обнаружены десятки каменных изделий, обработанных древними людьми.

Среди них имеются в основном нуклеусы, резцы и скребки, характерные для позднепалеолитической эпохи.

Большинство из собранных материалов потерпели дефляцию, но типологически читаемые. Эти изделия изготовлены из кремнистых известняков серых и черных оттенков. Местонахождение получило название Сарыкурган 1, так как поблизости, на правом берегу реки имеется классический памятник Сарыкурган. Среди нуклеусов коллекции имеются двуплощадочные (рис. 1, 1), торцовые (рис. 1, 2), торцовые билатеральные (рис. 1, 4) и конусовидные формы (рис. 1, 5). С них снимались отщепы и пластины. Особый интерес представляют торцовые ядрища, так называемые нуклеусы-резцы, комбинированные со скреблом. Из конусовидных и некоторых торцовых нуклеусов расщеплялись пластинки с правильной огранкой дорсалов. Среди комбинированных орудий имеются торцовые нуклеус-резец+скребло (рис. 1, 3) и концевой скребок+ретушированный отщеп (рис. 2, 1). Кроме того, в коллекции имеются проколка+клектонский анкош (рис. 2, 2) и ретушированный анкош+двойное скребло+скребок (рис. 2, 3).

Приведенные выше материалы безусловно характеризуют позднепалеолитическую эпоху. Близкие аналогии к ним имеются среди синхронных комплексов Ташкентского оазиса.

Местонахождение Чодак. В 2011 году палеолитический отряд ИА АН РУз произвел разведку в горном ущелье Чодак на территории Папского района Наманганской области. Здесь, на правой террасе ущелья, расположен сай Каттиккулата и в самом конце сая расположен родник Туямозорбулак. Вокруг этого родника имеется ровная площадь размерами 50x20 м, заполненная остатками домашних животных. Кроме того, в окрестностях родника имеются остатки разрушенных лессовых отложений с примесью щебня. При обследовании этих отложений среди многочисленных камней оказались и образцы, обработанные древним человеком. Высота над уровнем моря данной местности 1150 м. Размеры заложенного здесь шурфа 1x1 м, глубина 60 см. Перемешанные слои в шурфе состоят из песка с обломками кремнистых известняков.

Среди материалов, полученных из шурфа имеются одно-двуплощадочные нуклеусы (рис. 2, 5), пластины (рис. 2, 6) и их фрагменты (рис. 2, 7). Одна из пластин коллекции имеет крупные размеры и изготовлена из кремнистого известняка 168х75х32 мм. С левого крутого латерала произведены плоско-проникающие снятия, направленные к вентралу, т.е. утончен корпус пластины.

Кроме того, в коллекции Туямазарбулака представлены пластины разнообразных пропорций и фрагменты нуклеусов.

Вышеописанные каменные изделия из местонахождения Сарикурган 1 характеризуют эпоху позднего палеолита. Приведенные выше материалы, предварительно датированные верхним палеолитом, заполняют лакуну в первобытной истории данных территорий. В качестве близкой аналогии к данным археологическим объектам можно привести материалы позднепалеолитических стоянок Ташкентского оазиса. Видимо, территория Ферганской долины в период позднего палеолита была освоена носителями Ташкентской культуры еще в самом начале этой эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)* // Материалы международной конференции. Кемерово: «Кузбассвуиздат». 2016. – 360 с
2. *Ионесов В.И.* Гуманистическая природа культурного наследия как ресурс современной образовательной практики // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). – С. 60-66.
3. *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). – С.75-81.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВАТИЛИЩЕ «КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ» В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2017 А.Ф. Шорин, А.А. Шорина
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
(Екатеринбург, Россия)

Аннотация. Святилище Кокшаровский холм, имеющее статус историко-культурного объекта федерального значения, рассматривается как источник для реконструкции древней истории региона. Помимо этого, его изучение позволяет выявлять параллели в религиозных воззрениях и культовой практике коренных народов Урала XIX-XX вв.

Ключевые слова: культовые практики, святилище, религии, коренные народы Урала.

NEOLITHIC SANCTUARY «KOKSHAROVSKY KHOLM» IN THE MIDDLE URALS

© 2017 A.F. Shorin, A.A. Shorina
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

Abstract. Sanctuary Koksharovsky Kholm, having the status of historical and cultural objects of federal importance, is considered as a source for the reconstruction of the ancient history of the region. In addition, it allows the study to identify parallels in religious beliefs and religious practices of indigenous peoples Urals XIX-XX centuries.

Keywords: religious practices, sanctuary, religion, indigenous peoples Urals.

Среди археологических памятников Урала, да и Старого Света в целом, особое место занимают насыпные земляные сооружения, которые в литературе называют «жертвенные холмы», «богатые или чудские бугры». Их немного, около 10. Они локализованы по восточному склону Уральских гор в пределах Свердловской области севернее 58° с.ш. и прилегающей с востока к горному массиву Кондинской низменности на территории Ханты-Мансийского автономного округа.

Раскопками исследовались 4 из них: Чертова Гора [2], Усть-Вагильский [1], Махтыльский [3] и Кокшаровский холмы. Последний изучен лучше всего.

Кокшаровский холм находится в Верхесалдинском городском округе Свердловской области и расположен на «стрелке» мысовидного выступа коренного южного берега Юрьинского озера, образованного за счет впадения в него небольшого ручья. Это искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м и высотой до 3,5 м, которое возведено в несколько приемов в центре неолитического Юрьинского поселения. В культурных слоях этого поселения фиксируются комплексы артефактов сменяющих друг друга археологических культур региона, на раннем этапе неолита – кошкинской и кокшаровско-юрьинской (рубеж VII-VI – рубеж VI-V тыс. до н.э. в калиброванных значениях радиоуглеродных дат), на позднем – полуденской и басьяновской (рубеж VI-V – середина V тыс. до н.э.) [6]. Помимо неолитических, на Холме отмечены находки эпохи энеолита (последняя четверть V тыс. до н.э.), бронзового века (середина – вторая половина II тыс. до н.э.) и батырской культуры второй половины I тыс. н.э. [5] (рис. 1).

Сам внешний вид Холма, к возведению которого приложены значительные трудозатраты, и весь комплекс артефактов, полученный здесь, позволяет рассматривать памятник как святилище высокого статуса. Это выражается в следующем.

Пространство памятника за счет двух неглубоких рвов, выкопанных по окружности наиболее высокой насыпной площадки мыса, делится на две части разного функционального назначения: сакральную, культовую, и профанную, жилую (рис. 2). Именно, прежде всего, на сакральной площадке наиболее высокой части мыса возведены те объекты, которые можно интерпретировать как культовые домики. Это наземные деревянные постройки размерами около 2 x 2 м, реже до 5 x 5 м, и высотой более 1 м. Рядом или внутри некоторых из них фиксируются один – два объекта меньших размеров: 55 x 30, 80 x 55 см. Нередко место, на котором сооружались такие культовые объекты, подсыпалось чередующимися контрастными прослойками светлого песка и углистого слоя. Возможно, такими же слоями

подсыпалась и крыша объектов. В этих слоях иногда фиксируются красновато-малиновые (охристые) и белесоватые, пепельного цвета, прослойки. Последние, очевидно, остатки каких-то сгоревших органических волокнистых покрытий, типа циновок из осоки, камыша или нечто подобного. Все культовые объекты, в том числе и рвы, несут на себе следы интенсивного воздействия огня, что допускает преднамеренное использование огненных ритуалов для сожжения (уничтожения) тех из них, что были выведены из культовой практики. Рядом и внутри некоторых таких объектов фиксируются один – два ритуальных сосуда, нередко перевернутые вверх дном.

В обрядовых действиях могли быть задействованы и другие категории артефактов (рис. 3). Это сланцевые шлифованные и кремневые наконечники стрел, часть из которых имеет признаки изготовления в votивных целях; сверленая каменная булава в виде стилизованной головы животного, которая могла использоваться как навершие ритуального жезла; тальковые предметы в виде тонких стержней, покрытые нередко как по боковым, так и торцовым граням насечками; глиняные «утюжки» и поделки сферической и биконической форм, обычно с орнаментом; глиняная головка уточки и оформленная в виде орнитоморфного изображения обушковая часть сломанного сланцевого шлифованного ножа серповидной формы; глиняные сосуды с рельефными зооморфными или орнитоморфными налечами (рис. 1: 1; 3: 8).

Использование в ритуальных целях подобных артефактов отмечено неоднократно как в культовых комплексах различных археологических эпох, так и этнографических святилищах коренных народов Урала. Культ горы как центра вертикально-горизонтальной структуры мира – общераспространенная практика большинства древних и традиционных обществ. Небольшие деревянные домики для жертвенных приношений-прикладов повсеместно встречаются у удмуртов (куала), манси (сумьях), ханты (хижина духа). При рождении сына манси приносит на культовое место лук и стрелы, либо их имитации. Общеизвестно, что водоплавающая птица является одним из основных персонажей в мифах народов уральской языковой

семьи о творении окружающего мира или, по крайней мере, его земной тверди. Перевернутым вверх дном сосудам, как и емкостям с рельефными зооморфными или орнитоморфными изображениями, придают ритуальную нагрузку и при исследовании других археологических святилищ, причем разных регионов и эпох. Стержни с насечками из мягкого серого слюдяного камня интерпретируют на ранненеолитических святилищах охотников и собирателей Северной Месопотамии в качестве палочек для счета, которые понадобились, видимо, для учета и контроля ценных объектов растущего общественного продукта.

Подобные параллели ставят комплекс памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение», который в России имеет статус историко-культурного объекта федерального значения, в круг крайне информативных источников реконструкции не только древней истории региона. Его изучение позволяет выявлять параллели в религиозных воззрениях и культовой практике коренных народов Урала даже в столь отдаленных эпохах [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Панина С.Н.* Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 137-146.
2. *Сладкова Л.Н.* Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 147-158.
3. *Старков В.Ф.* О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. 1969. № 5. С. 65-70.
4. *Шорин А.Ф.* О параллелях между неолитическим культовым комплексом Кокшаровский холм и святилищами коренных народов Урала XIX-XX вв. // Российская археология. 2013. № 2. С. 27-36.

5. *Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В.* Средневековый комплекс Кокшаровского холма // Российская археология. 2013. №1. С. 119-129.

6. *Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3(47). С. 70-77.

КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЕ МАСТЕРСКИЕ КУКАЯЗ 1-8

© 2017 О.Т. Эргашев
Самаркандский государственный университет
(Самарканд, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена результатам исследований археологических объектов Кукаязской впадины, где обнаружены новые палеолитические местонахождения. До недавнего времени восточная и северо-восточная части пустыни Кызылкум были своеобразным «белым пятном» на карте этой территории. Обнаруженные стоянки в некоторой степени закрывают эту проблему. Кукаязские местонахождения являются производственными стоянками с оригинальной системой расщепления камня.

Ключевые слова: палеолит, стоянка, мастерская, техника расщепления камня.

FLINT TREATMENT WORKSHOP KUKAYAZ 1-8

© 2017 O. T. Ergashev
Samarkand State University
(Samarkand, Uzbekistan)

Abstract. The article is devoted to results of a study at the end of the last century in Kukayaz cavity, where they found the new location of the Paleolithic. Before these works the eastern and north-eastern part of the Kyzylkum desert were a kind of "white spot" on the map of the territory. Discovered parking close to some extent this problem. Kukayaz production location are parking lots with original stone splitting system.

Keywords: Paleolithic, parking, workshop, stone splitting machines.

Проблема сохранения и эффективного использования археологического наследия всё чаще поднимается в гуманитарной науке [1; 4-5].

Первые сведения о Кукаязских комплексах появились осенью 1999 г. Эти пункты находятся в одноименной впадине, в северо-восточной части Кызылкумов. Сборы велись на трех

местонахождениях, расположенных на северном берегу сухого русла Кукаяза.

Как известно, до настоящего времени в Кызылкумах были известны несколько пунктов первобытных памятников, расположенных в юго-западной части пустыни. Однако в восточной и северо-восточной частях пустыни не было обнаружено ни одного памятника каменного века. Поэтому открытие и исследование Кукаязских местонахождений убирает «белые пятна» с карты этих областей [2-3] Кызылкумов.

В 1999 году палеолитический отряд Института археологии АН РУз продолжил исследования в Кукаязской впадине, и обнаружил еще 5 новых пунктов.

Археологическими находками в этих восьми пунктах являются только каменные изделия, обработанные в рамках одной культурной традиции, т.е. во всех пунктах повторяются аналогичные монотонные изделия. Среди этих каменных изделий особое место занимают бифасы (рис. 1).

Относительно хронологической принадлежности Кукаязских мастерских в настоящее время можно привести только косвенные данные. Одной из основных в производственной деятельности на Кукаязских мастерских является техника расщепления для получения реберчатых сколов. Здесь обнаружена серия нуклеусов и соответствующие к ним сколы, свидетельствующие о существовании данной техники. Кукаязские пункты являются специализированными мастерскими, куда первобытные люди приходили для получения реберчатых сколов с острыми концами.

Самым проблематичным вопросом в изучении Кукаязских комплексов является определение их хронологической принадлежности. Эти мастерские растянуты по северному берегу Кукаязской впадины на расстоянии 15 км и состоят исключительно из каменного материала поверхностного залегания. Шурфовки здесь ничего не выявили. Поэтому, на данный момент относительно возраста Кукаязских комплексов можно судить только по технике - типологии каменных изделий.

Что касается культурной принадлежности Кукаязских комплексов, то аналогии им можно найти среди материалов

Янгаджа 2 на территории Красноводского полуострова. Несмотря на то, что кукаязцы изготавливали бифасы листовидной формы, в их индустриях имеются двусторонне обработанные изделия, аналогичные артефактам из Янгаджа 2 в Туркменистане.

Научные исследования Кукаязских комплексов только начаты и дальнейшее изучение их может пролить свет на понимание жизнедеятельности этого «индустриального поселка».

В любом случае, открытие и исследование Кукаязских мастерских открывают совершенно новую страницу в истории первобытных племен на территории Кызылкумов и, безусловно, имеют важнейшее историческое значение для изучения древнейшего прошлого народов Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)* // Материалы международной конференции. Кемерово: «Кузбассвуиздат». 2016. – 360 с
2. *Виноградов А.В., Мамедов Е.Д.* Первобытный Лявлякан. – М., Наука 1975.
3. *Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д.* Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки) // Советская этнография №2-1965. – С.114-134.
4. *Всемирное наследие в образовании.* Учебно-справочное пособие. – Санкт-Петербург, Лениздат, «Союз», 2001. – 320 с.
5. *Ионесов В.И.* Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества. Материалы Междунар. науч. конф., 29 нояб., 2009, СГАКИ. – Самара, Век # 21, 2010. – С. 58-87.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ПРОТОБАКТРИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2017 В.И. Ионесов

Самарский государственный институт культуры
(Самара, Россия)

Аннотация. Протобактрийские комплексы раннегородской цивилизации (культура Сапалли) представляют собой наиболее обширный, информативный и весьма обстоятельно археологически изученный ареал памятников древневосточного типа переходной исторической эпохи и кросс-культурной контактной зоны. Артефакты сапаллинской культуры – неисчерпаемый ресурс культурогенетических и философско-антропологических исследований трансформационных процессов и способов социального выживания в ситуации смены жизненных циклов цивилизации. В связи с этим возникает возможность целостного охвата в изучении историко-культурных комплексов переходного времени благодаря исторической завершенности и дискретности цивилизационного среза как во времени (эпоха раннегородской цивилизации II тыс. до н.э.), так и в пространстве (бактрийско-маргианский ареал Среднего Востока).

Ключевые слова: протобактрийская культура, археологические объекты, переходность, вещь, трансформация.

Выраженная принадлежность протобактрийской культуры переходному времени – эпохе заката первобытности (постпервобытность) и становления ранней государственности (патестарности) делает данный историко-культурный комплекс весьма семантически насыщенным ресурсом социальных реконструкций.

Пограничное расположение цивилизационных объектов в кросс-контактной зоне этно-культурного взаимодействия двух социо-культурных миров – оседлоземледельческого (раннегородского) и кочевническо-скотоводческого (степного) также усиливает историческую значимость данных памятников и открывает перспективу их культурологического осмысления в контексте изучения артикулированных форм культуры при смене

жизненных циклов цивилизации — от монокультуры к комплексному обществу. Материализованная репрезентация исторического перехода от эгалитарно-общинной к элитарно-личностной культуре и осевому времени позволяет проследить генезис новой раннегосударственной идеологии. Отмечается уникальная репрезентативность исследовательских комплексов переходной культуры в системе взаимоотношения социально-урбанистических и погребально-символических объектов. Погребальный обряд как экзистенциальная вершина переходности предельно полно аккумулирует смысл и значение переходного развития и в ситуации транзитивной активности культуры становится наиболее информативным источником в социокультурном моделировании трансформационных процессов.

Историческая принадлежность протобактрийской цивилизации (сапаллинской культуры) II тысячелетию до н.э. делает её вполне объективным, независимым и самостоятельным источником культурологического анализа, ибо изучаемые комплексы, темпорально отделены от современности, что позволяет зафиксировать весь исторический путь развития переходной культуры и увидеть вектор направленности в разворачивании переходных процессов и, тем самым, лучше понять само значение и смысл перехода как экзистенциальной сущности. Поскольку, современные переходные процессы представлены нам в своём незавершенном, фрагментарном виде, оперировать артефактами современной культуры в интерпретации феномена переходности чрезвычайно сложно, ибо сами субъект и объект исследования являются неразрывной частью современности и онтологически привязаны к существующей переходной реальности. Тогда как, глядя на исторический путь развития протобактрийской культуры, мы можем целостно охватить и сигнифицировать то, что ей предшествовало, что она есть, что с ней стало после и что дошло от неё до наших дней.

При этом темпоральная удаленность протобактрийской цивилизации от современности позволяет нам более масштабно (от II тысячелетия до н.э. до начала III тысячелетия н.э.)

спроецировать исторические траектории в социодинамике культуры, ибо, чем длиннее вектор развития культуры, тем полнее и точнее её охват и понимание.

Не менее значимым является и такой факт – сам археологический материал как вещественный комплекс отображает транзитивный процесс становления и разрушения материи и потому предрасполагает к активной философской рефлексии. Мысль (идеальное) прежде всего, приходит туда, где наличествующей материи не хватает, где есть дефициентность предметности и актуализирован момент распада, исчезновения объективированной сущности. Основная функция мысли – компенсировать и восполнять недостающую реальность. Это наиболее ярко выражено в ситуациях революционной трансформации и социального кризиса культуры, когда рефлексия приобретает идеологизированную форму пышного мифотворчества.

Археологический материал – это своего рода кризис материи, вещественности, выразительная манифестация распада и исчезновения предметной субстанции вещи и переход материальной формы в рефлексию духа на этапе реконструктивного моделирования артефактов. Иными словами, артефакт становится ментифактом.

Исследование артефактов древности – это всегда попытка идеативно удержать образ вещи как живой исторической субстанции и компенсировать почти неизбежную утрату формы рефлексией духа. Это, по сути, есть выражение перехода от смысла исчезающего к смыслу удерживаемому и восстановленному. Всё, что не достаёт археологической вещи (её плохая сохранность) имажинативно заполняется идеей, смысло-образом рефлексирующего исследователя. В этом проявляется двойной или повторный переход (на уровне материальной функциональности артефактов) от бытия (прошлая жизнь вещи) к небытию (фрагментарная нефункциональность вещи в настоящем) и от небытия (утрата или распад артефакта на части) к бытию вещи (восстановление утраченных частей и целостного облика вещи посредством её имажинативной реконструкции).

Археологические артефакты или предметы древности – это своего рода монументы на границе двух миров – жизни и смерти, арена борьбы становящегося и исчезающего. В этом – их высокая методологическая значимость и эвристическая ценность. Современная культура и даже архаические ландшафты этнографии чрезмерно перегружены материализованной оболочкой повседневности и потому остаются, по большому счету, для нас «вещью в себе». Целостная форма вещи не оставляет щелей для духовного пристанища разума. Избыток материи губителен для рефлексии, он утяжеляет и сковывает дух и делает вещь недоступной для имажинативного проникновения разума и философского познания.

ARCHAEOLOGICAL RESOURCES OF CULTURAL KNOWLEDGE: PROTO-BACTRIAN CONTEXT

© 2017 V.I. Ionesov
Samara State Institute of Culture
(*Samara, Russia*)

Abstract. Proto-Bactrian complexes of early urban civilization (Sapalli Culture) represent the most extensive, informative and very thorough archaeological study of the area of the monuments of ancient Eastern type of transitional historical epoch and cross-cultural contact zone. Artifacts of Sapalli culture are inexhaustible resource cultural knowledge and philosophical-anthropological studies of transformation processes and ways of social survival in a situation of change of life cycles of civilization. In this connection there is the possibility of a holistic coverage in the study of historical and cultural complexes of the transition period due to the discrete nature of historical completeness and civilization as in time (the era of early urban civilization II millennium BC.), and space (the Bactrian-Margiana area of the Middle East).

Keywords: Proto-Bactrian culture, archaeological sites, transition, thing, transformation.

It is the study of the phenomenology of transitional culture, its abilities to adaptation, renewal and development under conditions of the social conflicts and transformations. Culture as anthropological phenomenon expresses transitional essence of human nature. This transition we can fix and define by best way in ancient time. The methodological significance of ancient artifacts consists in them original and pure cultural manifestation. The present configurations of cultures are reflected in early historical times as in mirror. That's why the archaeological resources are very important means of anthropological knowledge [1; 4].

The transitional stage is the most difficult and significant period in the history of the society. It is the time of a total examination of central values and principles of culture on their authenticity and viability. Changing of rituals and symbols and the transformation of the social objectives is taking place here as well as a foundation for a new cultural reality is being constructed. It is just the design of this foundation that determines the design of the future culture, its stability and development. The study of cultural transformations in transition gives an opportunity to solve a few important tasks: 1) to comprehend the nature of the radical shifts; 2) to find out the ways to prevention and resolution of conflict situations in culture; 3) to offer models of cultural adaptation and survival of the society within the crisis system; 4) to define the set of protecting means of culture in transitional time [3].

The Bronze Age was historically the first radical and qualitative transition of culture from the primitive state to state organization, from barbarism to civilization, from egalitarianism to social ranking, from the settlement to the early town, etc. The proto-state culture experienced a powerful challenge of the epoch to which ritual was one of the responses. The study of culture in transition seems to be very important as the truth of man existence and predestination of culture are better seen in the time of historical changes.

The object of this research is the Proto-Bactrian culture of the Bronze Age as a most essential proto-state phenomenon in the ancient history of Central Asia. I should acknowledge that carrying out the research I don't mean to fully describe the archaeological resources of anthropological knowledge. I try to touch on and understand only

some aspects of the methodological importance of archaeological artifacts of transitional time in knowledge of anthropological nature of culture.

Proto-Bactrian complexes of early-urban civilization (Sapalli Culture) are the largest, the most informing and rather thoroughly archaeologically studied natural location of the monuments of ancient east type. This culture belongs to the transitional historical time and cross-cultural contact area. Artifacts of Sapalli Culture are an inexhaustible resource of cultural-genetic and philosophic-anthropological researches of transformation processes and methods of social survival in the situation of changing of the vital cycles of civilization [2].

It allows us to have possibility of the integral scope in studying of history-cultural complexes of transitional time due to historical completeness and discreteness of civilization cut as in time (epoch of early-urban civilization II Millennium BC), so in space Bactrian/Margian natural location of Middle East).

The high methodological significance of cultural study of complex objects of Proto-Bactrian culture is in expressed belonging of the culture to a transitional time - epoch of the sunset of the primitive society (post-primitive community) and the foundation of early state system.

Another important aspect of this question is connected with boundary location of the cultural objects in cross-contact area of ethnic-cultural interaction of two socio-cultural worlds - settled-agricultural (early-urban) and nomad-cattle-breeding (steppe).

The Proto-Bactrian cultural objects to open us also the great prospect of studying of the articulated forms of transitional culture in the conditions of changing life cycles of civilization - from a monoculture to a complex society [5].

This prospect enables to study the materialized manifestation of the historical transition from egalitarian-communal to the elite-personality culture and axial time. The transitional period is the most favorable time for the appearance of myths, rituals, symbols, philosophical systems and ideological visions. It is the time of "revision of the reality", as Victor Turner says. And this "revision" is

realized, first of all, by means of symbolic-ritual transformation of the reality.

The unique representatives of research complexes of transitional culture in the system of interrelation of socio-urban and funeral-symbolic objects allows us to interpret and reconstruct the transformational process of cultural survival and development on the base of wide correlation of different archaeological data.

Funeral rite as the existential top of transition accumulates meaning and value of transitional development completely. It becomes the most informing source of social- cultural reconstruction of transformation processes and situation of transitional shock of culture.

The historical transitional position of Proto-Bactrian civilization (Sapalli culture) makes it rather an objective and independent source of cultural analysis because the studied complexes are separated temporally from modernity. It allows us to fix all the historical way of the development of transitional culture and to see the leading vector of development of transitional processes. This way it is better to understand the value and meaning of transition as an existential essence. It's extremely difficult to operate the artifacts of modern culture in the interpretation of transitional reality as the contemporary transitional processes are represented to us in the incomplete and fragmentary image. Therefore, the subject of researches itself is an indissoluble part of modernity and is tied ontologically to the existing transitional reality. Whereas looking on the historical way of development of Proto-Bactrian culture we can envelop integrally it and to explain what preceded it, what it is, what has happened to it then, what it has left to our days.

Thus temporal remoteness of Proto-Bactrian civilization from modernity allows us more widely (from II millennium BC to the beginning of III millennium AD) to project the historical trajectories in social dynamics of cultures. As the longer is the vector of cultural development the more complete and exact the scope and understanding of the culture.

No less meaning is the fact that itself archaeological things as a material complex represents transitional process of genesis, development and destruction of matter and that is why predisposes to

the active philosophical reflection. Because thought (ideal), at first of all, comes there, where is no enough existing matter, where the moment of disintegration is realized, where there is deficiency of subjectness, disappearance of objective material essence. The main function of thought is compensating and filling the failing reality. It is shown in the situations of revolutionary transformation and social crisis of culture most brightly, when a reflection acquires an ideological form of magnificent myth creation. Archaeological material is a kind of crisis of matter, materialness, expressive manifestation of disintegration and disappearance of subject substance of thing and transition of material form in the reflection of spirit on the stage of reconstructive design of artifacts. In other words, artifact becomes a mentifact. The research of the artifacts of antiquity is always an attempt ideally to retain the appearance of thing as the living historical substance and to compensate the almost inevitable loss of form by the reflection of spirit. This in fact, is the expression of a transition from a vanishing meaning to retained and recovered meaning. All, that archaeological thing lacks (its bad safety) is filled imaginary by idea, meaning and appearance of a reflecting researcher.

Here is double or repeated transition (at the level of material functionality of artifacts) – from existence (past life of thing) to nonexistence (no fragmentary functionality of thing in present time) and from nonexistence (loss or disintegration of artifact to pieces) to the existence of thing (renewal of the lost parts and integral appearance of thing by the means of its imaginary reconstruction). Archaeological artifacts or objects of antiquity are like monuments on the border of two worlds - life and death - arena of fight of appearance (birth) of thing and its disappearance. Here is their high methodological significance and cognitive value. Contemporary culture and even archaic landscapes of ethnography are too overloaded by materialized shell of daily occurrence and that is why remains for us as “thing in itself”. The integral form of thing does not leave cracks for spiritual refuge (shelter) of mind. Surplus of matter is ruinous for reflections. It makes spirit heavier, limits it and does a thing inaccessible for imaginative penetration of mind and philosophical cognition [3].

Finally, including artifacts of Proto-Bactrian culture in the philosophic-cultural study determined by a subjective, but important moment. This moment is connected with real author's participation in expeditionary researches of ritual complexes of early-urban civilization in South Uzbekistan, due to which a considerable collection of sacral-symbolic attributes of transitional culture was collected and systematized.

REFERENCES

1. *Ionesov, V. Arkeologio Kontrau Perforto / V.I. Ionesov // Monato, №5, 1995, Antwerpen (Belgium). – P. 26-28*
2. *Ionesov, V. Excavating in Uzbekistan. Bronze age culture in the Central Asia / V.I. Ionesov // Minerva. The International Review of the Ancient Art and Archaeology. – Vol. 8. – № 6, 1997. – London. – P.55-57.*
3. *Ionesov, V. Transitions and Cultures: Archaeological Researches of the Anthropological Knowledge/ V.I. Ionesov // XV Congress of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences, Lisbon, 4-9 September, 2006. Book of Abstracts. Vol.2, Editors: Luis Oosterbeek and Jorge Raposo, Tomar (Portugal), 2006. – P.749*
4. *Ионесов В.И. Всемирное наследие в дискурсе культурно-антропологического знания // В сборнике: Наследие и гуманизм: культурная антропология на службе человечества. Материалы Международной научной конференции: посвящается 100-летию и памяти Анны Хознварт-Герлахштайн. Министерство культуры Российской Федерации; Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарская государственная академия культуры и искусств»; Международная комиссия по срочным антропологическим исследованиям; Самарское культурологическое общество «Артефакт - культурное разнообразие». – Самара, Век #21, 2010. - С. 58-87.*
5. *Ionesov, V. Imitative Ritual in Proto-Bactrian Mortuary Practice // Current Anthropology. 1999. V. 40. № 1. – P. 87-89.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

SUPPLEMENT

Иллюстрации к статьям

Зданович Г.Б., Левит А.И., Малютина Т.С.
«АРКАИМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ»

1. Укрепленное поселение Аркаим. Аэрофотоснимок.

2. Укрепленное поселение Аркаим. Панорама раскопок.

3. Укрепленное поселение Аркаим. Музеефицированный раскоп.

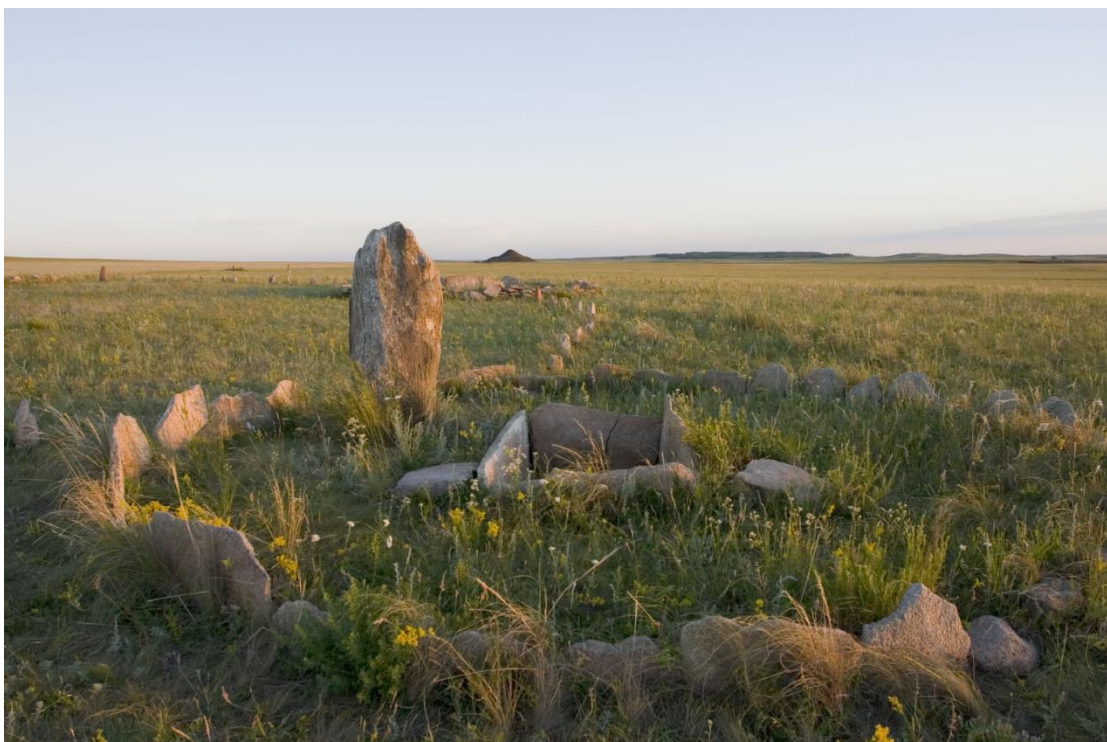

4. Степной музей природы и человека. Заповедник «Аркаим».

5. Исторический парк. Погребальные ограды бронзового века.

6. Заповедник Аркаим. Этнографический фестиваль.

1. Внешний вид площадки комплекса «Древний мир».

2. Фестиваль реконструкторов на площадке «Древний мир».

3. Реконструкция жилищ на площадке «Древний мир».

4. Реконструкция жилищ.

5. Работа гончарной мастерской в комплексе «Древний мир».

6. Обучение детей гончарному мастерству.

7. С.А. Агапов с гончарной продукцией.

8. Работа ткацкой мастерской.

Чичева С.Е. «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК В МЕГАПОЛИСЕ: ДИАЛОГ ГОРОДА СО СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ»

1. Раскоп древнеримского поселения в центре Вены.

2. Раскоп на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге.

3. Раскоп на Хлебной площади в Самаре.

Широков В.Н.
«ИСКУССТВО ЛЕДНИКОВОГО ВЕКА
В БАССЕЙНЕ РЕКИ СИМ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)»

1. Игнатьевская пещера. Изображение прародительницы.

2. Игнатьевская пещера. Изображение животного.

3. Игнатьевская пещера. Рисунок лошадей.

Кашникова А.Л. «ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД УВЕК»

1. Процесс работы на городище Увек.

2. Раскопки городища.

3. Реконструкция внешнего облика мужчины города Увек.

4. Реконструкция внешнего облика женщины города Увек.

5. Фестиваль «Один день из жизни средневекового города Увек».

Федорова Н.В.
**«МУЗЕЙНЫЕ ВЫСТАВКИ КАК СПОСОБ
АКТУАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»**

1. Музейно-выставочный комплекс в г.Салехард,
(Ямало-Ненецкий автономный округ).

2. Византийская серебряная чаша, средневековые (экспозиция музея).

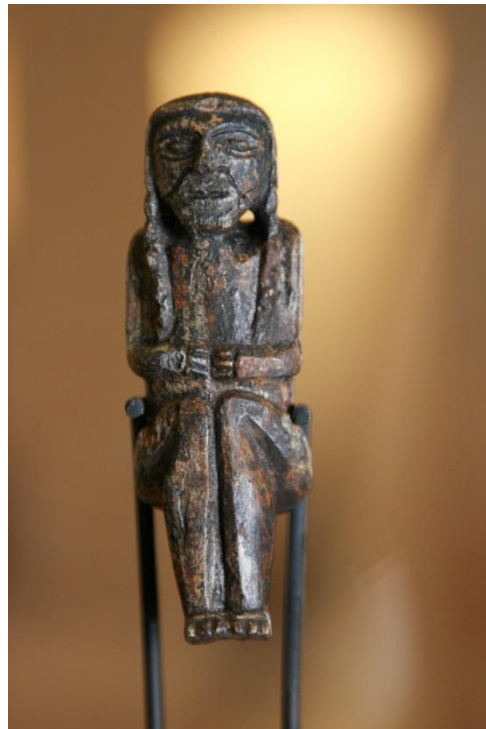
3. Серебряное блюдо с изображением двух львов (Волжская Болгария).

4. Костяной гребень. I в. до н.э.

5. Антропоморфная костяная фигурка. I в. до н.э.

6. Музейно-выставочный комплекс в г.Салехард,
(Ямало-Ненецкий автономный округ). Часть экспозиции.

7. Музейно-выставочный комплекс в г.Салехард. Мамонт.
Кость. Работа современного ямальского художника.

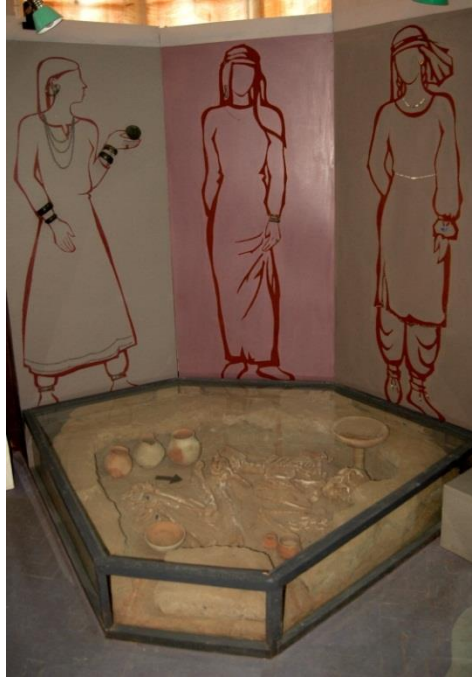

Аванесова Н.А.
**«АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МУЗЕЯ
САМАРКАНДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ»**

1-3. Археологический музей Самаркандского университета.
Оформление музея.

4. Археологический музей Самаркандского университета.
Практическая работа с керамикой.
Занятие проводит проф. Н.А.Аванесова.

Исмаилова Ж.Х.
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МУЗЕЕ»

1. Керамический сосуд. V тыс. до н.э. Навоийская область Узбекистана.

2. «Будда с монахами». I-III вв. Фаязтепа. Сурхандарьинская область Узбекистана.

3. Голова воина. Настенная живопись. VI-VIII вв.
Афрасиаб. (Самарканд). Узбекистан.

4. Каменное изваяние с изображением двух змей. Конец II тыс.
до н.э. Сох, Ферганская область Узбекистана.

Мухамедова М.С.
«ИЗУЧЕНИЕ МИНГУРЮКА –
ПЕРВОГО МУЗЕЕФИЦИРОВАННОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА В ТАШКЕНТЕ»

1. Мингурюк. Реконструкция музейного фасада.

2. Мингурюк. Реконструкция музейного фасада.

Салугина Н.П.
**«ШКОЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В САМАРЕ:
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ»**

1. Детская экспериментально – археологическая экспедиция.
Обработка дерева экспериментальным каменным топором.

2. Детская экспериментально – археологическая экспедиция.
Стрельба из лука, изготовленного школьниками.

3-4. Детская экспериментально – археологическая экспедиция.
Занятие по изготовлению из глины копий древних сосудов.

Широкова Н.А.
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ:
ШКОЛА И МУЗЕЙ»

1. Имитация культового литья амулетов.
Изготовлено учениками 5 класса.

2. «Дух огня» (древняя металлургия). Рисунок ученика 5-го класса.

3. Копии приспособлений из глины для рыбалки и металлургии.
Изготовлено учениками 5 класса.

Лещенко Н.В.
**«ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА – УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА
БОХАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИМОРЬЕ»**

Рис.1. Корчаги.

Таблица I.

1,2,3 – чаша, фрагменты котлов (чугун);
4 – фрагмент втулки ступицы тележного колеса (чугун).

Таблица II.

1 – чаша (дерево); 2 – фрагмент гребня (дерево);
3 – заготовка свистунки (кость).

Таблица III.

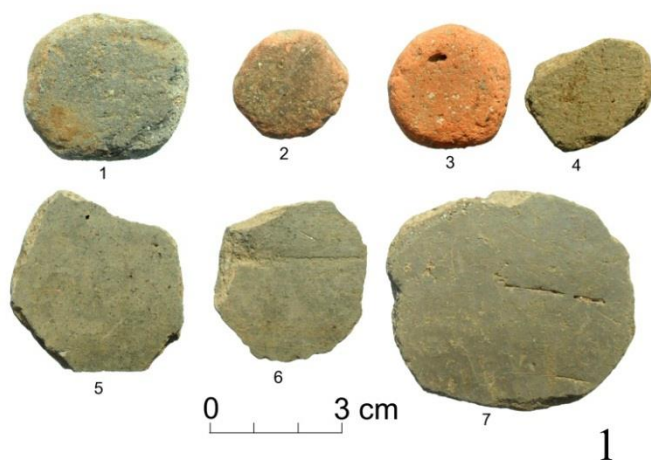
1 – замок (железо); 2, 11 – ключи (железо); 3, 7 – ножи (железо);
4-6, 8, 9, 10 – пробой (железо, бронза); 12 – крюк (железо);
13 – вток (железо).

Таблица IV.

1 (1-7) – «фишки» (глина); 2 – плита с расчерченным игровым полем (камень).

Таблица V.

1-3 – скульптурки животных (глина).

Таблица VI.

1-4 – шпильки (бронза); 5,6 – пьедестал буддийской статуэтки (бронза);
7 – кисть руки буддийской статуэтки (бронза); 8 – нашивное украшение
(бронза); 9 – наременная бляха (бронза); 10 – статуэтка Будды (бронза);
11 – статуэтка Боддисатвы (позолоченная бронза); 12 – нашивное
украшение (бронза); 13 – браслет (бронза); 14 – бубенчик (бронза);
15 – гвоздь декоративный (бронза, позолота); 16 – кольцо, кольцо
с пробоем; 17 – деталь нимба буддийской статуэтки (бронза);
18 – накладное украшение в виде цветка (бронза);
19 – перстень (бронза, позолота).

Таблица VII.

1 – поясная бляха (камень); 2 – пряжка (бронза); 3 – наконечник пояса (бронза); 4 – поясная бляха (бронза); 5 – бляха (бронза); 6, 7 – наременные бляшки (бронза); 8, 9 – наконечники ремня (бронза).

Таблица VIII.

1, 2, 3, 9-11 - грузила (глина); 4, 6 – пряслица (керамика);
5, 7, 8 – кольца (глина); 12 – игрушка (глина);
13 – предмет со взаимопересекающимися отверстиями (глина);
14 – шарик (камень).

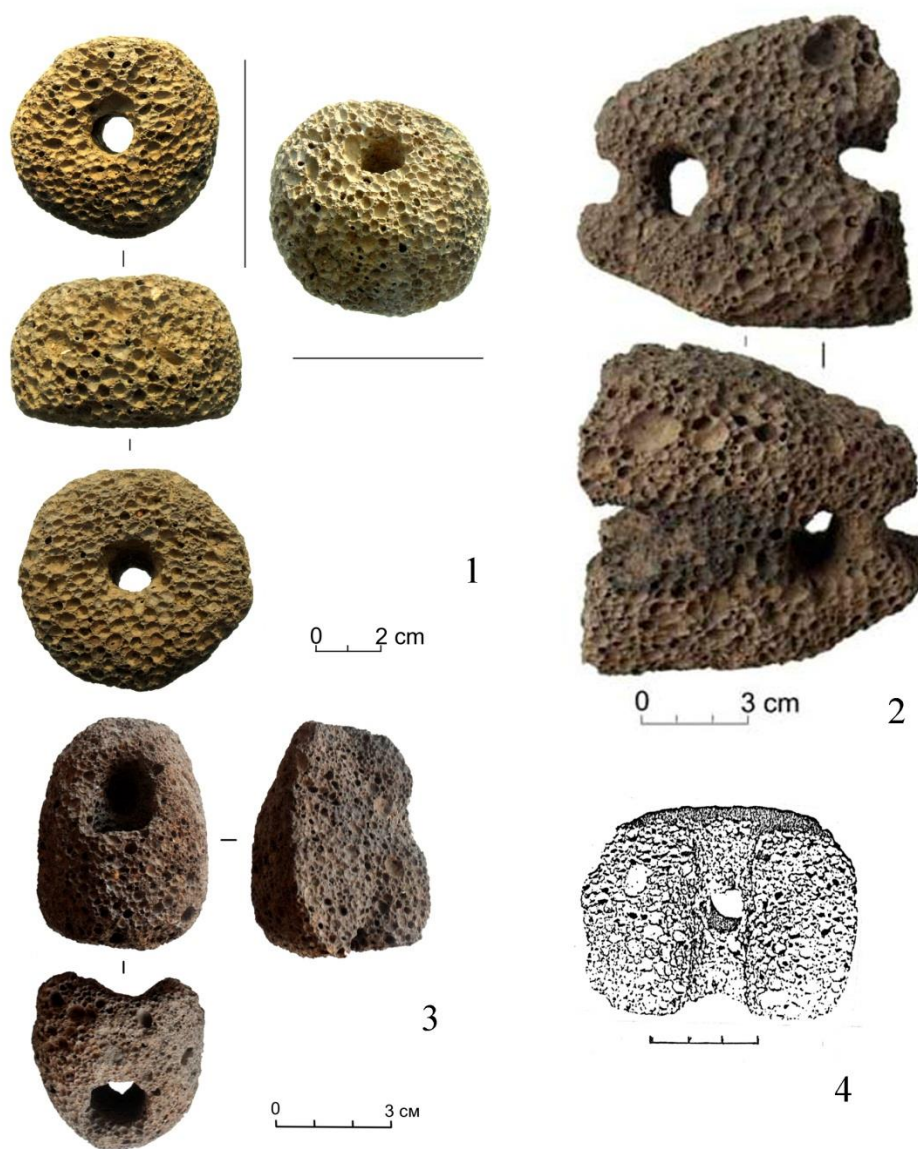
Таблица IX.

1,2 – модели зданий с антропоморфными изображениями
на боковых стенках (1 – селище Чернятино-2;
2 – Краскинское городище), керамика.

Таблица X.

1 – грузило (Краскинское городище), пемза;
2, 4 – грузила (Николаевское-II городище), пемза;
3 – грузило (городище Горбатка), пемза.

Таблица XI.

1 – лопата (железо); 2 – фрагмент мотыги (железо); 3 – серп (железо);
4 – втулка ступицы колеса телеги (чугун); 5 – чека тележной оси (чугун).

Гусев А.В., Плеханов А.В.
«ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

Рис.1 Археологические артефакты.

Тупахина О.С., И Тупахина Д.С.
«ДРЕВНЕЕ РЫБОЛОВСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

1-2. Биоресурс северных рек и орудия лова

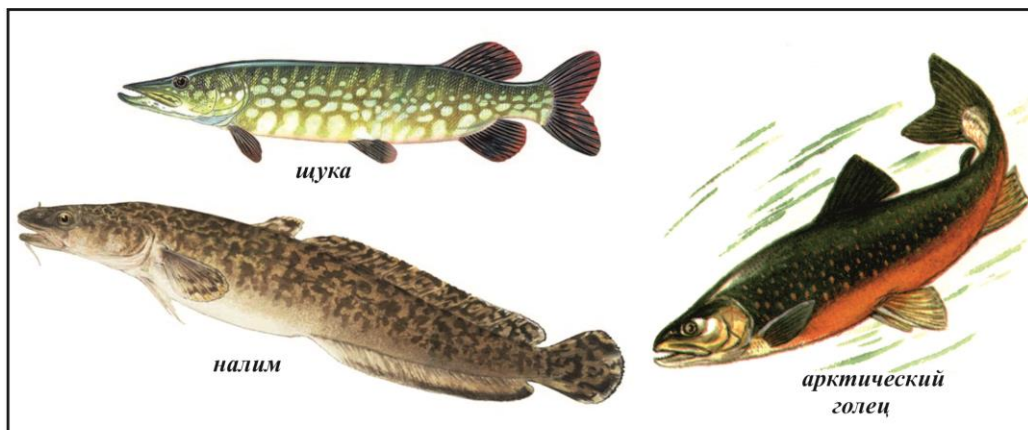

Рисунок 1. Представители ихтиофауны Низовьев Оби.

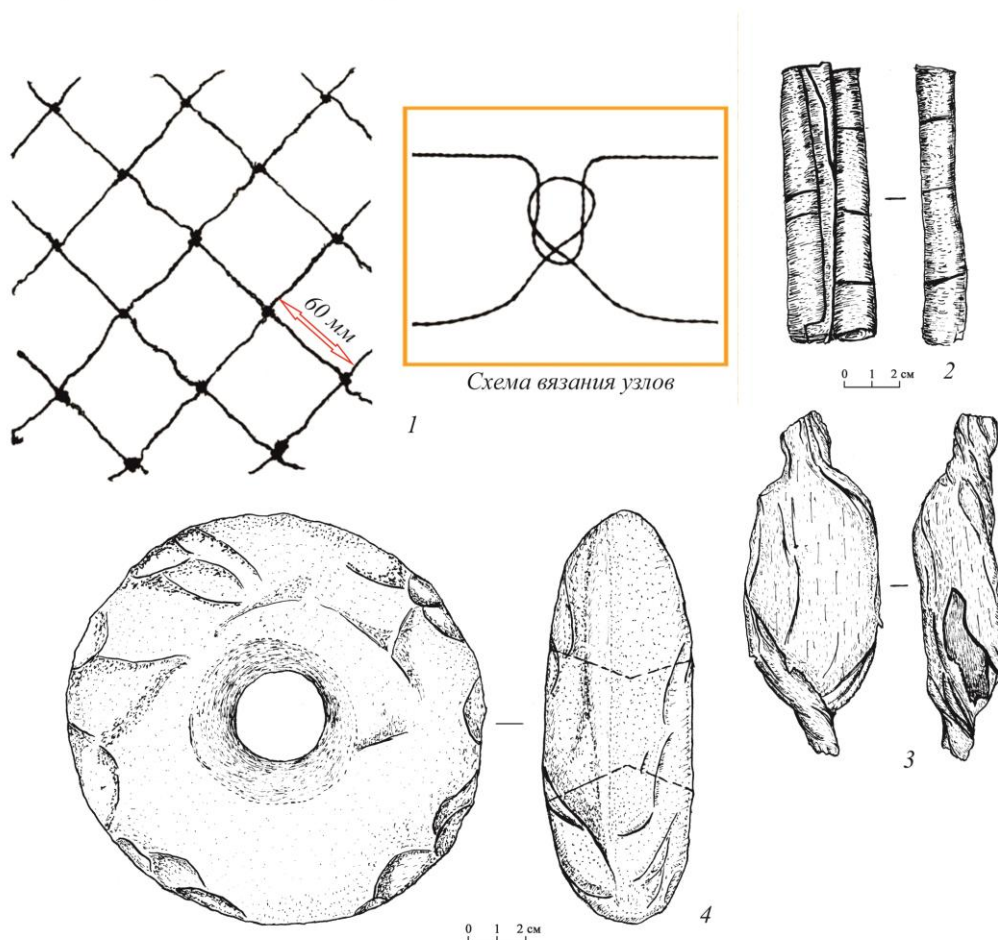

Рисунок 2. Орудия рыболовства: 1 - фото фрагмента сети со схемой вязания узлов;
2 - берестяной трубчатый поплавок; 3 - кибас - грузило в бересте;
4 - перфорированный диск - грузило, галька.

3. Инструменты для деревообработки.

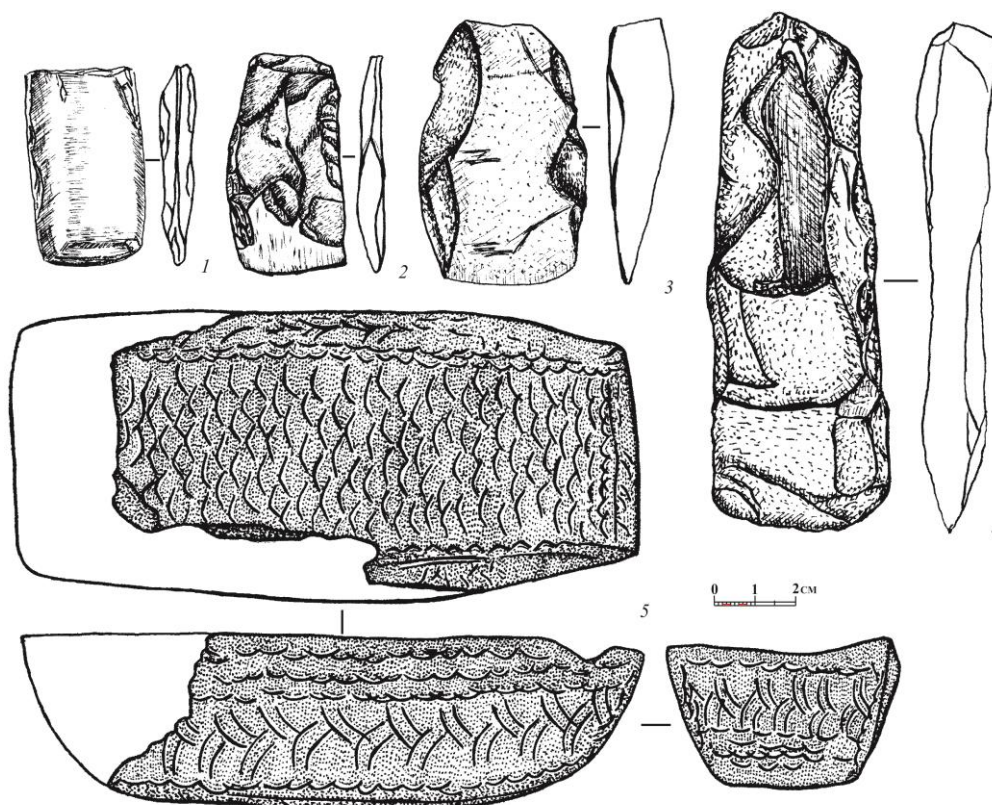
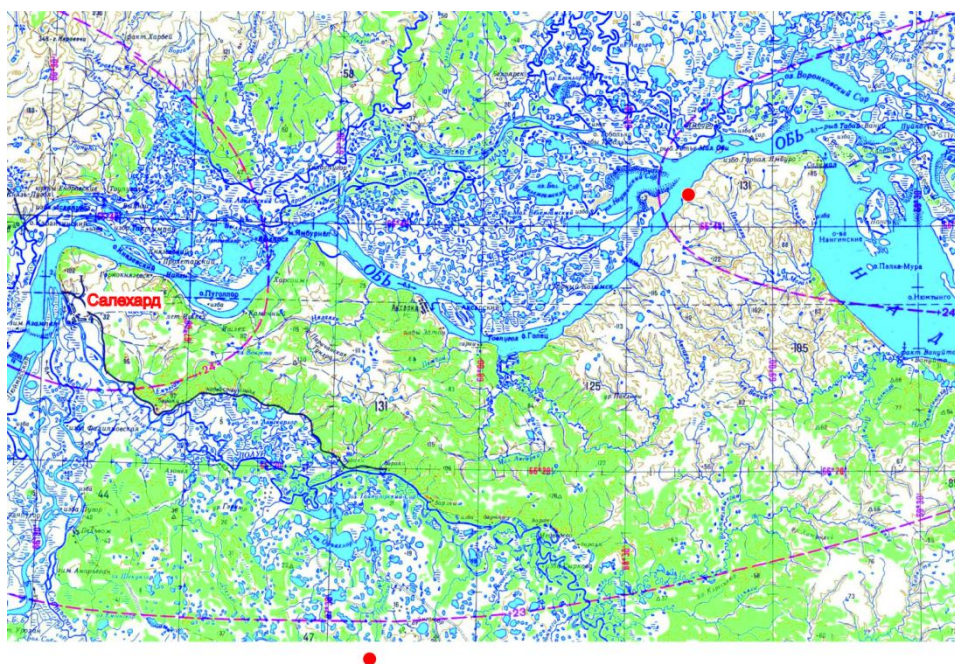

Рисунок 3. Инструменты для деревообработки: 1-4 - тесловидные орудия, камень.
Сосуд ладьевидной формы: 5 - керамика.

4. Карта расположения рыболовческих поселений.

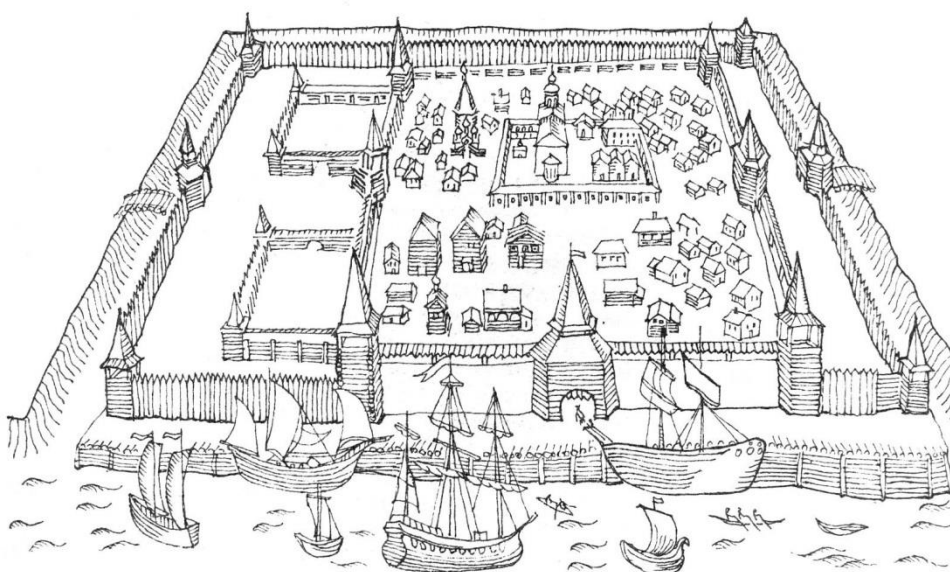

Едовин А.Г.
«АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ XVI-XVIII ВВ. В АРХАНГЕЛЬСКЕ»

1. Гравюра Архангельска Конрада ван Кленка 1675 г.

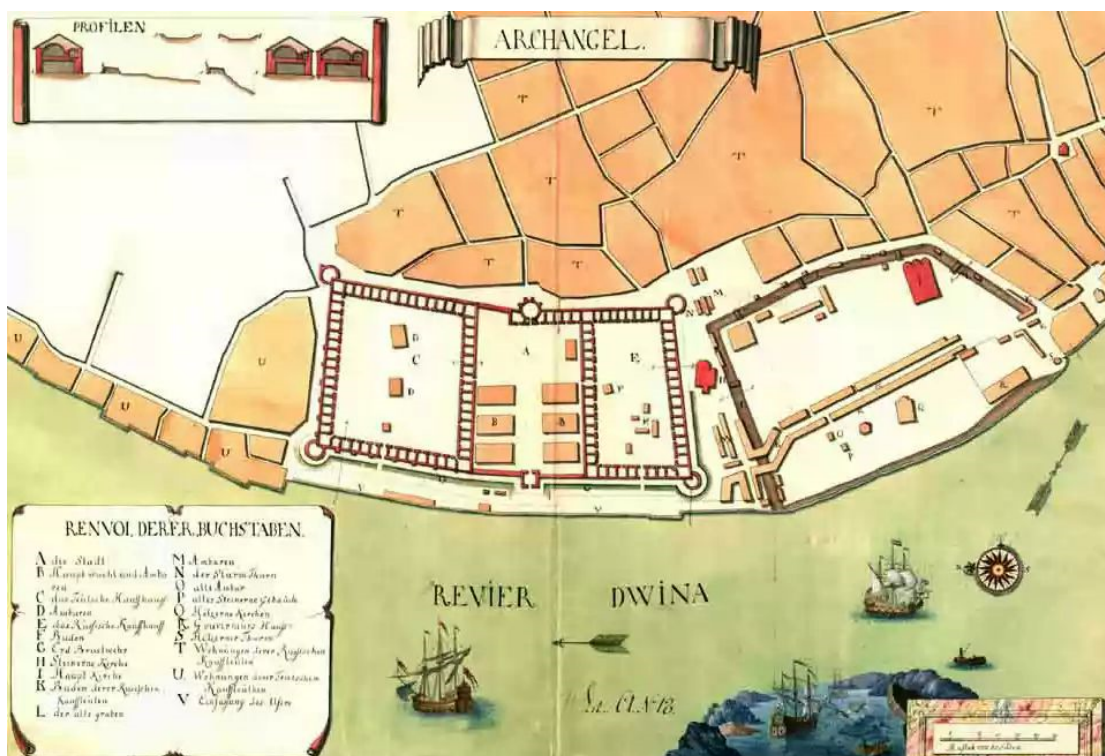

2. Реконструкция Архангельского города по голландским гравюрам.

3. Шведская карта центра Архангельска 1701 г.

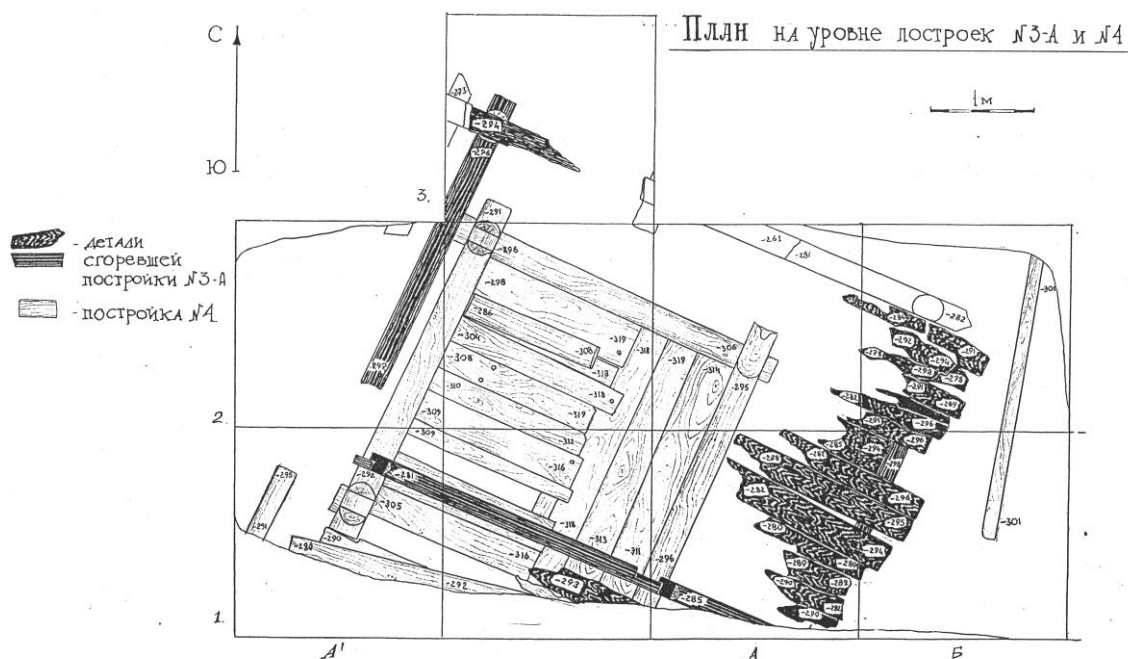

4. Раскопки Стрелецкой слободы Архангельска в 1995 году.

5. Сгоревшие конструкции 17 века в раскопе 1995 г. Стрелецкая слобода в Архангельске.

Джуракулова Д.М. «САМАРКАНДСКАЯ СТОЯНКА КАК ОБЪЕКТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ»

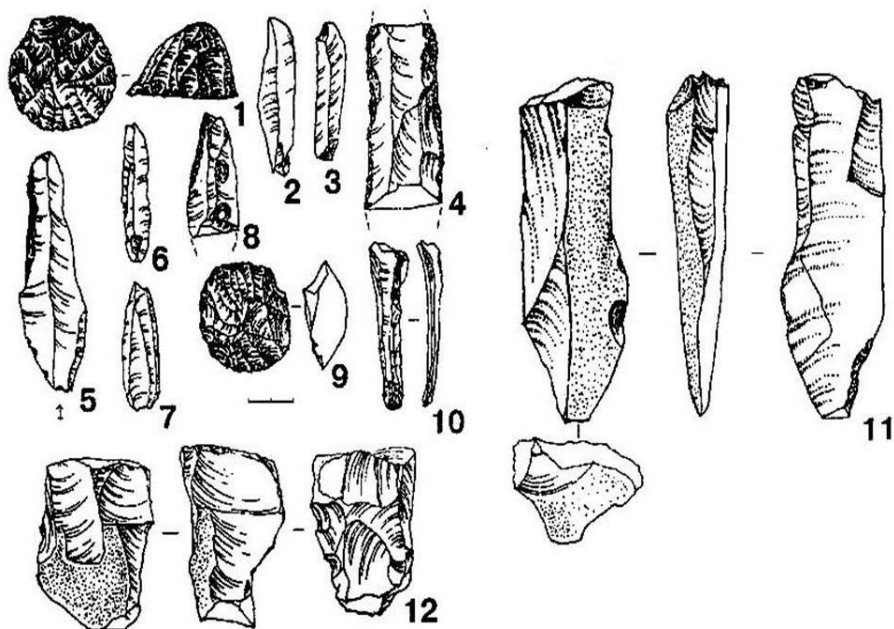
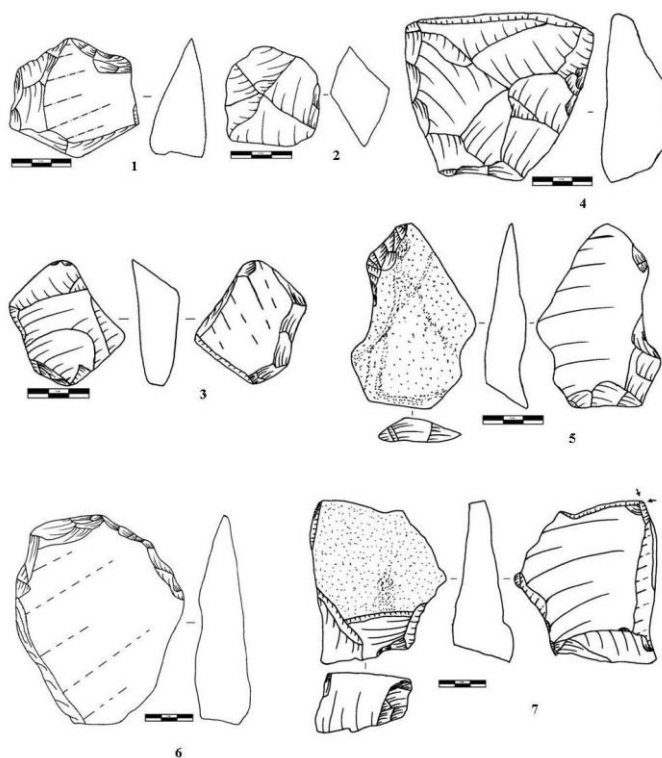

Рис. 1. Каменные изделия Самаркандской стоянки

Ражабов А.Ю.
«ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ПЕЩЕРЫ ШЕЙЖ-АВВАЛ»

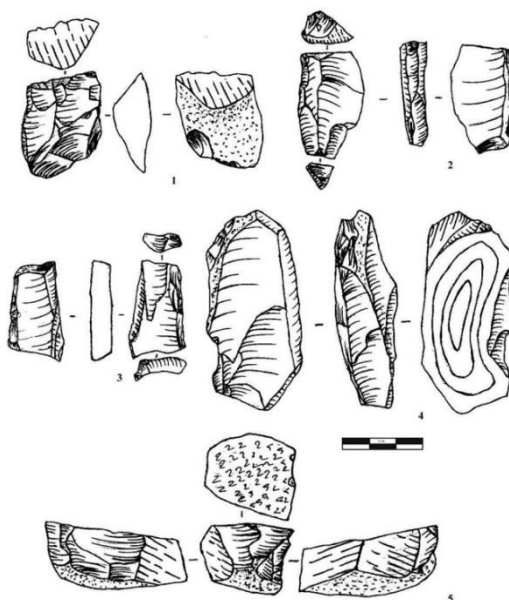
1. Вид изнутри (1) и археологический шурф (1а) пещеры Шейх-Аввал.

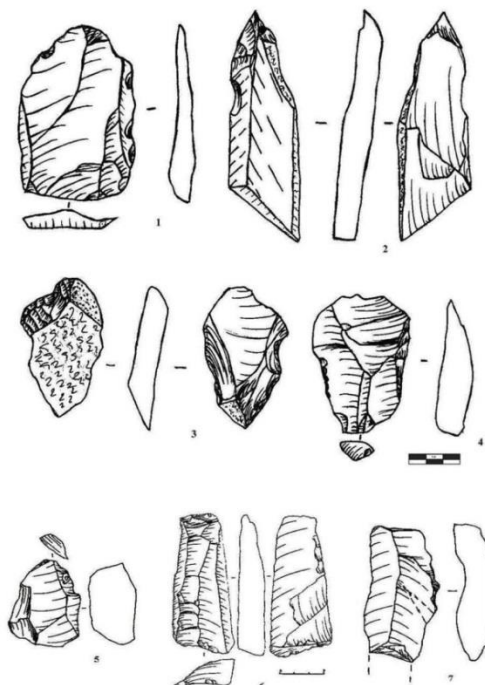
Рис. 2. 1-одноплощадочный нуклеус; 2-веерообразный нуклеус; 3-торцовый нуклеус; 4-скребло; 5-каменный нож; 6-рубящее орудие; 7-резец.

Сайфуллаев Б.К.
«НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ»

1. Каменные изделия из местонахождения Сарыкурган 1.

2. Каменные изделия из Сарыкургана 1 (1-4) и Чодыка (5-7).

Шорин А.Ф., Шорина А.А.
«НЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ
КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ»

Рис. 1 Сосуды Кокшаровского холма.

1, 2 – кокшаровско-юрьинская культура, 3 – кошкинская культура,
4 – басьяновская культура, 5 – полуденская культура,
6 – аятская культура, 7 – батырская культура.

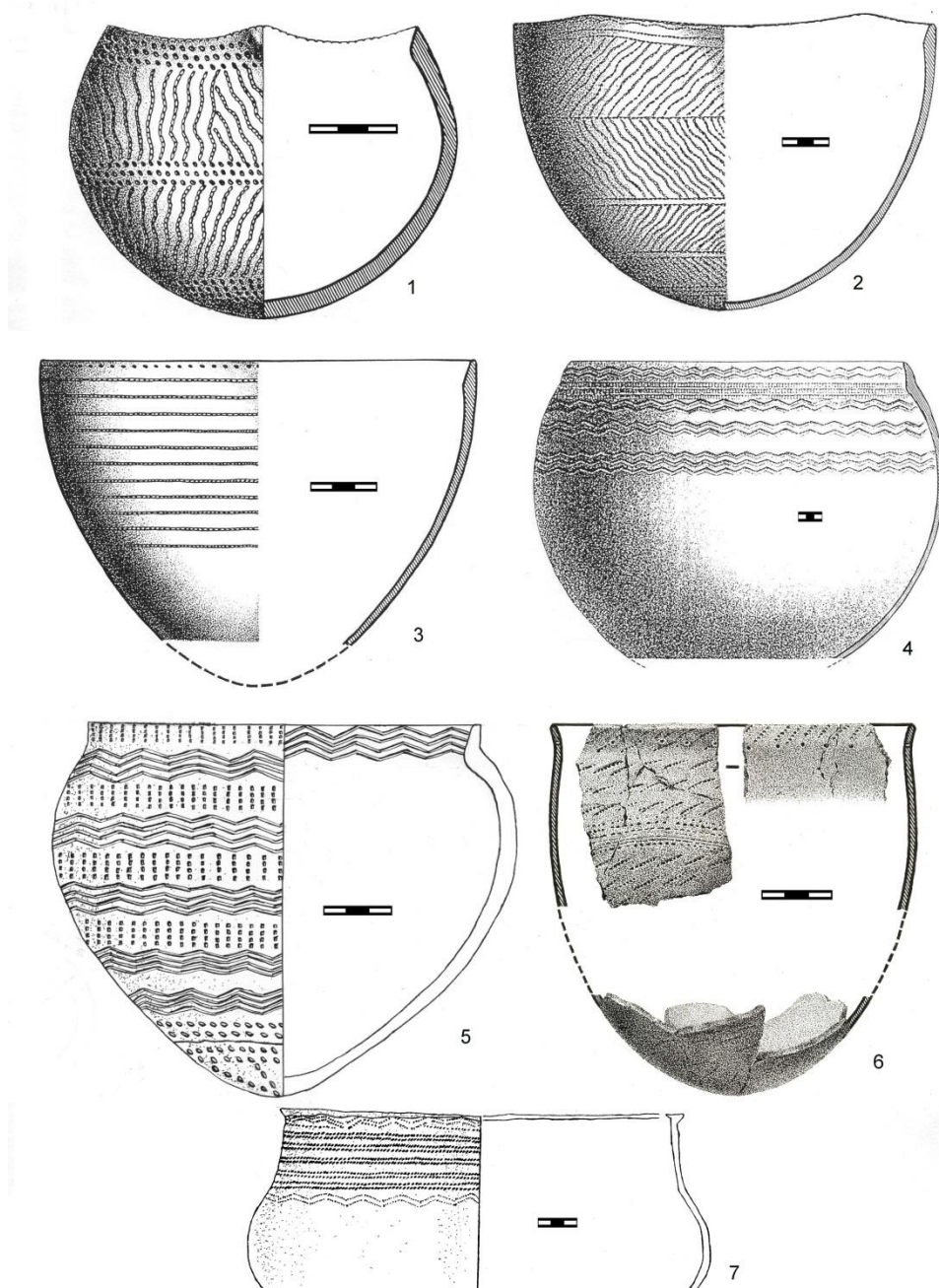

Рис. 2 План объектов Кокшаровского холма
1 – углистые слои, 2 – прокаленные слои.

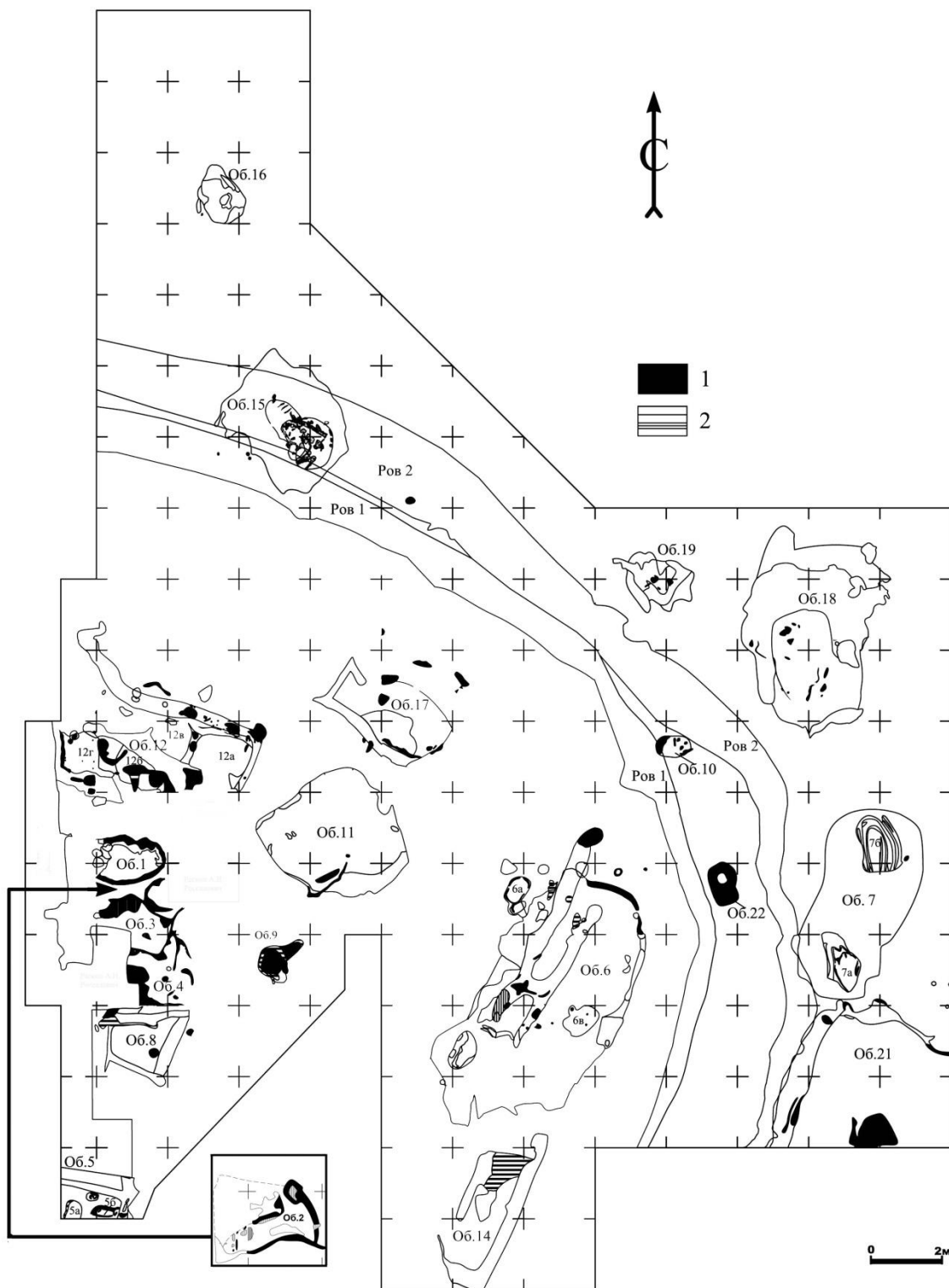
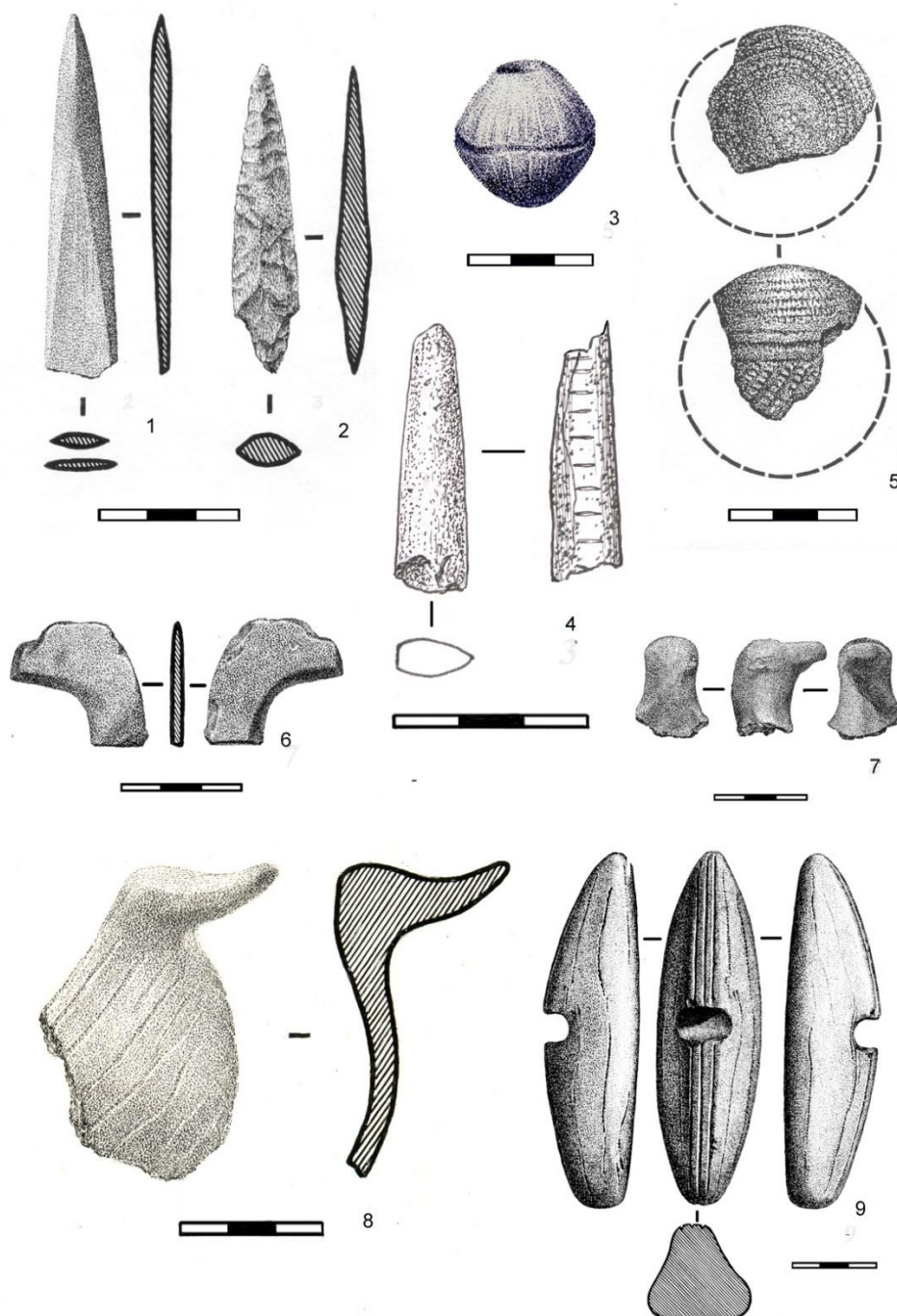

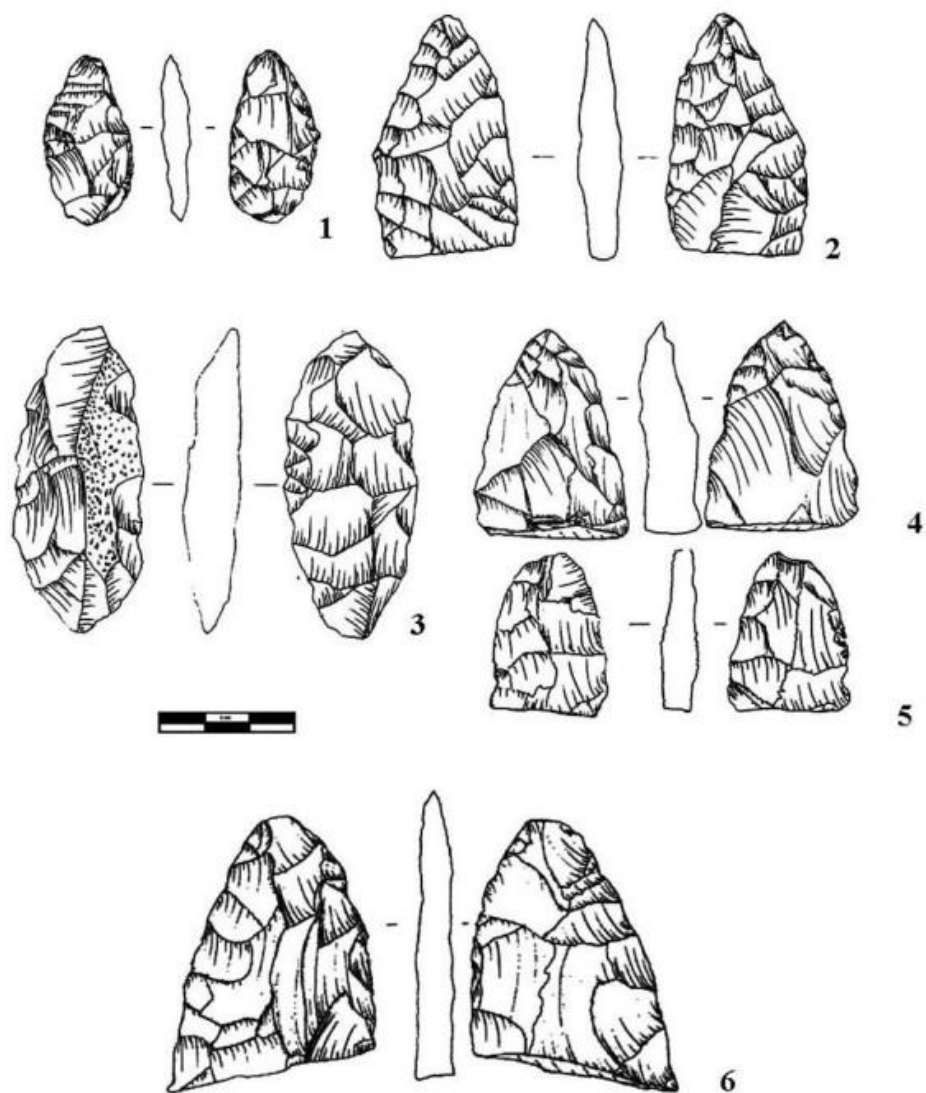

Рис. 3. Культовые вещи Кокшаровского холма:

1 – шлифованный наконечник стрелы, 2 – кремневый наконечник стрелы, 3 – поделка биконической формы, 4 – тальковый предмет в виде тонкого стержня, 5 – поделка сферической формы, 6 – оформленная в виде орнитоморфного изображения обушковая часть сломанного сланцевого шлифованного ножа серповидной формы, 7 – глиняная головка утки, 8 – рельефная ручка-уточка сосуда, 9 – «утюжок».

Эргашев О.Т.
«КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЕ МАСТЕРСКИЕ КУКУЯЗ 1-8»

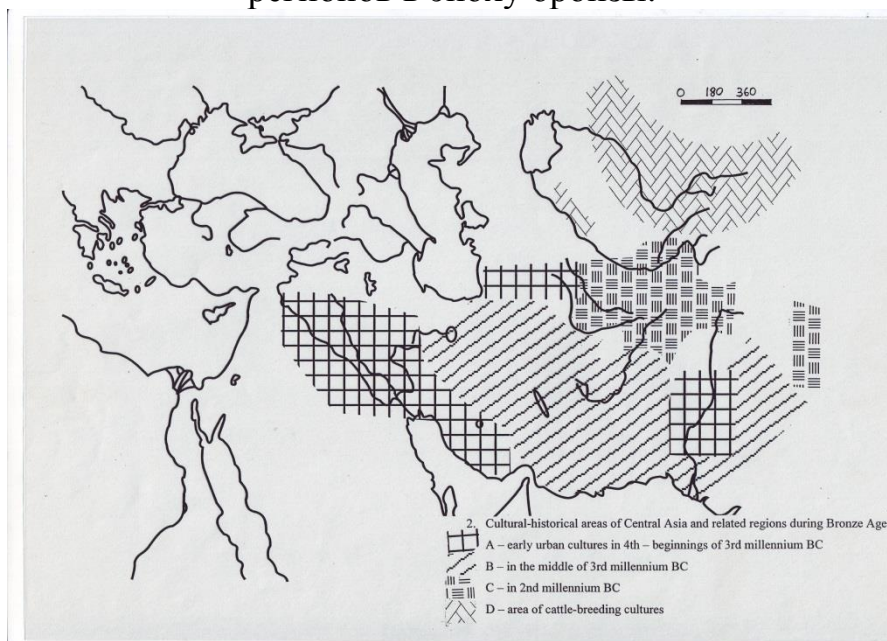

Рис. 1. Бифасы-наконечники Кукуязских (1-8) специализированных мастерских

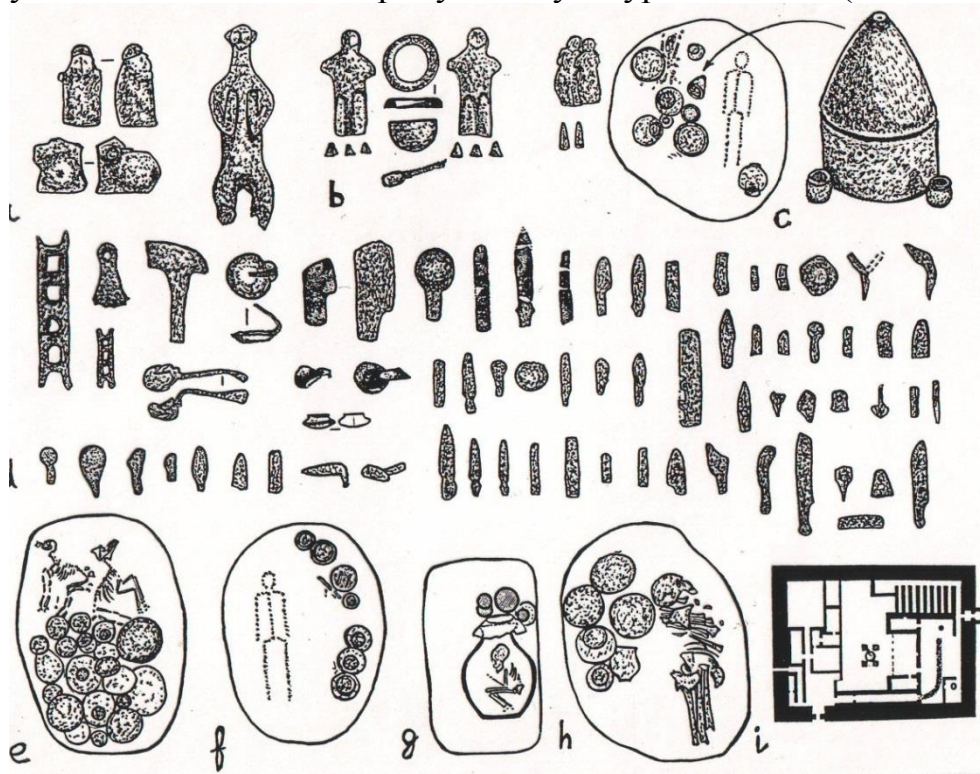

Ионесов В.И.
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ: ПРОТОБАКТРИЙСКИЙ КОНТЕКСТ»

1. Культурно-исторические зоны Центральной Азии и сопредельных регионов в эпоху бронзы.

2. Ритуально-имитативная атрибутика культуры Сапалли (2 тыс. до н.э.).

3. Глиняные сосуды в традициях оседлоземледельческих (слева)
и степных скотоводческих (справа) племён (Джаркутан).

4. Керамические сосуды финальной стадии культуры Сапалли
(Джаркутан 4В), изготовленные в традициях более раннего времени.

5. Поливариантные ритуальные традиции в некрополях Джаркутана
(погр.7 – Джаркутан 4Б и погр. 237 – Джаркутан 4В).

6. Бронзовые, золотые и каменные изделия из некрополя
Джаркутан 4В.

7. Погребение №200 (Джаркутан 4В).

Сведения об авторах

Аванесова Нона Арамисовна – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета Самаркандского государственного университета (Самарканд, Узбекистан). E-mail: non.avanesova@mail.ru

Агапов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, директор Историко-эко-культурной ассоциации «Поволжье» (Самара, Россия). E-mail: director@povolzje.ru

Ахмедов Жасурбек Зокиржонович – старший научный сотрудник, Национальный институт художеств и дизайна имени Камолиддина Бехзода (Ташкент, Узбекистан). E-mail: jasur184@list.ru

Борисов Максим Владимирович – научный сотрудник Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина (Самара, Россия). E-mail: mirmasterov@mail.ru

Васильева Наталья Юрьевна – учитель истории МБОУ СОШ №7, руководитель школьного музея (Нижний Тагил, Россия). E-mail: nat.vasiljewa2010@yandex.ru

Гусев Андрей Васильевич – старший научный сотрудник сектора археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Джуракулова Дильфуза Мавлоновна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой археологии Самаркандского государственного университета (Самарканд, Узбекистан). E-mail: dilfuzadjurakulova@mail.ru

Едовин Алексей Геннадьевич – ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения культуры Архангельской области «Архангельский краеведческий музей» (*Архангельск, Россия*). E-mail: alexej.edovin@yandex.ru

Зданович Геннадий Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, заместитель директора по научной работе Историко-культурного заповедника «Аркаим» Челябинского государственного университета (*Челябинск, Россия*). E-mail: GBZdanovich@yandex.ru

Ионесов Владимир Иванович – доктор культурологии, заведующий кафедрой теории и истории культуры, профессор Самарского государственного института культуры, директор Международной школы высших культурологических исследований, президент Самарского культурологического общества (*Самара, Россия*). E-mail: ionesov@mail.ru

Исмаилова Жаннат Хамидовна – доктор исторических наук, директор Государственного музея истории Узбекистана АН РУз (*Ташкент, Узбекистан*). E-mail: jannat.ismailova@mail.ru

Кашникова Анна Леонидовна – научный сотрудник отдела хранения и научной обработки фондов Саратовского областного музея краеведения (*Саратов, Россия*). E-mail: aroree@yandex.ru

Левит Александр Иосифович – доцент кафедры экологии и природопользования Челябинского государственного университета (*Челябинск, Россия*). E-mail: nlevit34@mail.ru

Лещенко Нина Васильевна – научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*Владивосток, Россия*). E-mail: nina8.56@mail.ru

Малютина Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Челябинского государственного университета, специалист УНЦ изучения проблем природы и человека Историко-культурного заповедника «Аркаим» (*Челябинск, Россия*). E-mail: malytina.t.s@yandex.ru

Мухамедова Муниса Сабировна – преподаватель кафедры музееведения Национального института художеств и дизайна имени Камалиддина Бехзада (*Ташкент, Узбекистан*). E-mail: muxamedova.munisa@mail.ru

Плеханов Андрей Владимирович – старший научный сотрудник сектора археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (*Салехард, Россия*). E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Ражабов Алишер Юсупович – старший научный сотрудник Института археологии АН РУз (*Самарканд, Узбекистан*). E-mail: Rajabov.alisher@rambler.ru

Сайфуллаев Бахтиер Курбанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН Республики Узбекистан (*Самарканд, Узбекистан*). E-mail: b-sayfullaev@mail.ru

Салугина Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры (*Самара, Россия*). E-mail: nsalug@gmail.com

Тупахина Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (*Салехард, Россия*). E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Тупахин Даниил Сергеевич – младший научный сотрудник отдела археологии сектора археологии и этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (*Салехард, Россия*).
E-mail: dantupahin@gmail.com

Федорова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом археологии Научного центра изучения Арктики (*Салехард, Россия*). E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Чичёва Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва (*Самара, Россия*). E-mail: Svetlana_Tchitchova@rambler.ru

Широков Владимир Николаевич – старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (*Екатеринбург, Россия*).
E-mail: hvn-58@yandex.ru

Широкова Наталия Александровна – учитель изобразительно искусства, мировой художественной культуры и истории средней школы №184 «Новая школа» (*Екатеринбург, Россия*).
E-mail: lastochka65@list.ru

Шорин Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (*Екатеринбург, Россия*).
E-mail: shorin_af@mail.ru

Шорина Анастасия Александровна – младший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (*Екатеринбург, Россия*). E-mail: aashor@mail.ru

Эргашев Одил Турсунович – старший преподаватель кафедры археологии Самаркандского государственного университета (*Самарканд, Узбекистан*). E-mail: ergashev80@mail.ru

List of Contributors

Avanesova, Nona A. – Associate Professor PHD (History), Professor, Department of History, Chair of Archaeology, Samarkand State University (*Samarkand, Uzbekistan*).
E-mail: non.avanesova@mail.ru

Agapov, Sergei A. – PhD in History, Director, Historical and Eco-cultural Association "Povolzje" (*Samara, Russia*).
E-mail: director@povolzje.ru

Akhmedov, Jasurbek Z. – Senior Researcher, Applicant the National Institute of Arts and Design named after Kamoliddin Behzod (*Tashkent, Uzbekistan*). E-mail: jasur184@list.ru

Borisov, Maksim V. – Researcher, Samara P.V.Alabin Regional History Museum (*Samara, Russia*). E-mail: mirmasterov@mail.ru

Chicheva, Svetlana E. – Associate Professor, Theory and History of Culture Department, Samara National Research S.P. Korolev University (*Samara University*).
E-mail: Svetlana_Tchitchova@rambler.ru

Djurakulova, Difuza M. – Associate Professor, Chair, Department of Archaeology, Samarkand State University (*Samarkand, Uzbekistan*). E-mail: dilfuzadjurakulova@mail.ru

Edovin, Alexey G. – Scientific Secretary, Arkhangelsk Regional Lore Museum (*Arkhangelsk, Russia*).
E-mail: alexej.edovin@yandex.ru

Ergashev, Odil T. – Lecturer, Samarkand State University (*Samarkand, Uzbekistan*). E-mail: ergashev80@mail.ru

Fedorova, Natalia V. – PhD in History, Head of Archaeology Sector, SPI YaNAO "Arctic Research Center" (*Salekhard, Russia*).
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Gusev, Andrey V. – Senior Researcher, Archaeology Sector SPI Arctic Research Center (*Salekhard, Russia*).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Ionesov, Vladimir I. – Head, Department of Theory and History of Culture, Professor, Samara State Institute of Culture, Director, International School for Advanced Research in Cultural Studies, President of Samara Society for Cultural Studies (*Samara, Russia*).
E-mail: *ionesov@mail.ru*

Ismailova, Zhannat Kh. – Director, State Museum for History of Uzbekistan, Academy of Sciences of Uzbekistan (*Tashkent, Uzbekistan*). E-mail: jannat.ismailova@mail.ru

Kashnikova, Anna L. – Research Scientist, Saratov Regional Museum of Local Lore (*Saratov, Russia*). E-mail: aroree@yandex.ru

Levit, Alexander I. – Associate Professor, Department of Ecology and Nature, Chelyabinsk State University (*Chelyabinsk, Russia*).
E-mail: nlevit34@mail.ru

Leshchenko, Nina V. – Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of Russia Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*). E-mail: nina8.56@mail.ru

Malyutina, Tatiyana S. – Associate Professor, Researcher, Historical and Cultural Reserve “Arkaim”, Chelyabinsk State University (*Chelyabinsk, Russia*). E-mail: malyutina.t.s@yandex.ru

Mukhamedova, Munisa S. – National Kamaliddin Bekhzad Institute of Arts and Design (*Tashkent, Uzbekistan*).
E-mail: muxamedova.munisa@mail.ru

Plekhanov, Andrey V. – Senior Researcher, Archaeology Sector SPI Arctic Research Center (*Salekhard, Russia*).
E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Rajabov, Alisher Yu. – Researcher, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan (*Samarkand, Uzbekistan*).
E-mail: Rajabov.alisher@rambler.ru

Salugina, Natalia P. – Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Samara State Institute of Culture (*Samara, Russia*). E-mail: nsalug@gmail.com

Sayfullaev, Bakhtiyor K. – Associate Professor, the Senior Scientific Employee Archaeology Institute Republic of Uzbekistan (*Samarkand, Uzbekistan*). E-mail: b-sayfullaev@mail.ru

Shirokov, Vladimir N. – Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (*Yekaterinburg, Russia*). E-mail: hvn-58@yandex.ru

Shirokova, Nataliya A. – Teacher of Fine Arts, Secondary School №184 "New school" (*Yekaterinburg, Russia*).
E-mail: lastochka65@list.ru

Shorin, Alexander F. – Professor, Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (*Yekaterinburg, Russia*). E-mail: shorin_af@mail.ru

Shorina, Anastasia A. – Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (*Yekaterinburg, Russia*). E-mail: aashor@mail.ru

Tupahin, Daniil S. – Junior Researcher, Archaeology Sector SPI Arctic Research Center (*Salekhard, Russia*).
E-mail: dantupahin@gmail.com

Tupahina, Olga S. – Associate Professor, - Senior Researcher, Archaeology Sector SPI Arctic Research Center (*Salekhard, Russia*).
E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Vasilyeva, Natalia Y. – History Teacher School № 7, Head of the School Museum (*Nizhny Tagil, Russia*).
E-mail: nat.vasiljewa2010@yandex.ru

Zdanovich, Gennady B. – Professor, Department of General History, Deputy of Director, Historical and Cultural Reserve “Arkaim”, Chelyabinsk State University (*Chelyabinsk, Russia*).
E-mail: GBZdanovich@yandex.ru

This proposed volume will introduce the reader to a diverse range of themes and practices that can be described as social archaeologies. The concept 'social archaeology' was created to investigate and interpret archaeological data as the material components of social subsystems functioning to maintain a total social system. The rising awareness of the constructed-ness of social realities has shifted the focus of social archaeological study from the investigation of how the total social system was reflected in material culture to how diverse human experiences were mediated and constituted by material culture and how human practices and communicative acts shape material culture.

АРХЕОЛОГИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДИЕМ

ООО «Поволжская научная корпорация»

Подписано в печать 20.02.2017 г.
Формат 62х94/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.

Тираж (дополнительный) 150 экз. Заказ №682 от 30.09.2016
Отпечатано в ЗАО «Типография «Сокол-Т»
443079, г. Самара, ул. Митирева, 2.
Тел. (846) 260-23-92, тел./факс (846) 270-53-04
E-mail: sokol-t@mail.ru

Цель издания показать современную общественную значимость археологической науки, широкий спектр профессиональных интересов и креативных практик археологических сообществ в контексте глобальных вызовов и насущной региональной специфики.

Это научно-справочное издание, посвящённое актуальным археологическим практикам, проектам, программам, исследовательским стратегиям в различных сферах взаимодействия археологов с обществом и государством. Сегодня археология предстаёт как разветвлённая сеть общественно-значимых разнообразных опытов и практик, выражающих свои национальные традиции и профессиональные приоритеты. В современном мире археологические объединения всё больше сориентированы в решении своих профессиональных задач на тесное взаимодействие с обществом.

В многогранной работе по исследованию и репрезентации культурного наследия археологи становятся активными участниками социальных преобразований. В каждом регионе мира есть свои полезные стратегии конструктивного взаимодействия археологов с общественными и государственными институтами, неправительственными организациями, волонтёрскими группами, церковью. Раскрыть общественно-значимый потенциал современной археологической науки во всём многообразии её национальных и региональных практик и в позитивных опытах служения обществу одна из главных задач настоящего издания.